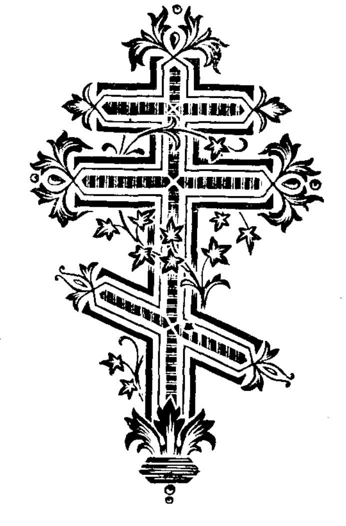

НА ГОЛГОѲѢ.

„И неся крестъ свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое лобное, по-еврейски Голгоѳа. Тамъ распяли Его и съ Нимъ двухъ другихъ, по ту и по другую сторону, а посреди Іисуса“ (Ін. 19, 17—18).

Прот. П. Ив. Алфеева.

РЯЗАНЬ
Типографія Братства св. Василія.
1915.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Смерть Хріста всегда потрясала и будетъ потрясать умы и сердца людей. Это безпримѣрное въ исторіи явленіе легло въ основу жизни человѣчества. И тайна смерти остается неразгаданною загадкою, предъ которою, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, преклоняется и міръ ангельскій (1 Петр. 1, 12; Еф. 3, 10).

Смерть Хріста, по своей жестокости, несправедливости, міровому и вѣчному вліянію на судьбы человѣчества, невольно вызываетъ каждаго на размышленія. Нельзя вычеркнуть изъ исторіи этого явленія, нельзя и обойти его въ жизни,—настолько оно захватываетъ все существо человѣка и самую задачу его бытія! Въ смерти Хріста открывается намъ: что такое человѣкъ, для чего существуетъ онъ, чрезъ что и какъ выполнитъ онъ свое назначеніе.

Смерть Хріста устанавливаетъ отношеніе Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, раскрываетъ безконечное величіе человѣка, по благости Божіей, и поразительное ничтожество его, благодаря своевольному возстанію его противъ Бога. Та и другая сторона выступаетъ предъ нашимъ сознаніемъ въ крестной смерти Хріста. Мы видимъ здѣсь, что человѣкъ безконечно великъ и дорогъ въ очахъ Божіихъ, если за него умираетъ самою страшною, позорною и мучительною смертію Богочеловѣкъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы

неотразимо—глубоко чувствуемъ и сознаемъ, какъ низко палъ человѣкъ, если онъ оказался способнымъ убить на крестѣ своего Искупителя и Спасителя, Самого Сына Божія во плоти человѣческой. Дальше спускаться некуда! Но изъ такой низины, изъ такой глубины паденія, онъ возносится на такую высоту, что дѣлается *„причастникомъ Божескаго естества“* (2 Петр. 1, 4), выше чего немыслимо подняться.

Отсюда само собою вытекаетъ, что и существо Бога, Его нравственная природа нигдѣ въ такой полнотѣ не раскрывается, какъ въ крестной смерти Хріста. Мы видимъ здѣсь безконечную благость, безконечную любовь, безконечное милосердіе, безконечную премудрость и безконечную правду Божію, которая могла такъ гармонически сочетать всѣ Божественныя совершенства въ актѣ искупленія крестною смертію Хріста, не нарушая ни свободы человѣческой, ни правосудія Божественнаго.

Въ крестной смерти Хріста открылась „Правда Божія“, оправдывающая человѣка, т. е. дѣлающая грѣшника праведнымъ безъ всякаго нарушенія Божественнаго правосудія. Правда Божія оправдываетъ человѣка *праведно*, т. е. справедливо, такъ что Богъ, оправдывая человѣка, Самъ является *праведнымъ* и *оправдывающимъ человѣка* (Рим. 3, 21—26). Простить виновнаго, безъ желанія послѣдняго получить таковое, значитъ нарушить правду, попрать справедливость. Навязать милость, безъ стремленія къ ней самого человѣка, значитъ поступить несправедливо, лишить его свободы и подвергнуть самую милость поруганію и попранію со стороны человѣка (Мѳ. 7, 6).

Всѣ эти вопросы—неисчерпаемые вопросы Евангельскаго пониманія крестной смерти Хріста и составляютъ

самое зерно хрістіанства, самую суть Евангельскаго міросозерцанія. Мы рѣшились, насколько доступно нашему разумѣнію, коснуться всѣхъ этихъ вопросовъ и, по мѣрѣ своихъ силъ, уяснить рѣшеніе ихъ или, по крайней мѣрѣ, подготовить своихъ читателей къ рѣшенію ихъ.

Въ настоящемъ своемъ выпускѣ „На Голгоѳѣ“ въ первыхъ двухъ главахъ мы раскрыли моментъ распятія Хріста и Его первое слово со креста, нарисовавъ детально картину, со всѣми душевными переживаніями всѣхъ участниковъ страшнаго акта. Сфотографировать картину всѣхъ переживаній, въ связи съ внѣшними деталями факта—дѣло трудное. Но мы дерзнули сдѣлать попытку представить реальную дѣйствительность факта въ его конкретной формѣ.

Уясненіе вопросовъ, нами поставленныхъ, приведетъ къ рѣшенію всѣхъ споровъ и недоумѣній разныхъ хрістіанскихъ вѣроисповѣданій и различныхъ толковъ нашихъ сектантовъ. Всѣ эти споры и дѣленія на вѣроисповѣдныя группы вытекаютъ изъ неправильнаго пониманія искупительной смерти Хріста и дѣйствія ея на нравственную свободу человѣка, на его духовное самосознаніе и самодѣятельность. И всѣ эти дѣленія сами собою отпадутъ, когда спорящіе между собой проникнутся одинаковымъ самосознаніемъ въ пониманіи смерти Хріста и ея значенія.

Въ послѣдующихъ главахъ мы старались выяснить значеніе молитвы со креста и самой смерти Хріста въ борьбѣ Его со „грѣхомъ міра“, въ актѣ искупленія отъ него всего человѣчества. Мы поставили здѣсь вопросы для посильнаго разрѣшенія: для чего Хрістосъ умеръ, зачѣмъ нужна была Его смерть для спасенія человѣка, какимъ образомъ смерть Хріста могла искупить отъ смерти человѣка, чѣмъ и какъ она можетъ гарантировать дѣйстви-

тельность нашего искупленія, въ какомъ отношеніи находится Его смерть къ воскресенію и какимъ образомъ смерть и воскресеніе Хріста становятся залогомъ нашей смерти во Хрістѣ и нашего воскресенія со Хрістомъ и т. д.? Разъясненіемъ этихъ вопросовъ мы думали раскрыть самую суть акта искупленія, т. е. показать, какимъ образомъ дѣло Хріста становится нашимъ достояніемъ, т. е. вмѣняется намъ вѣрующимъ во Хріста въ наше оправданіе предъ Богомъ.

Въ приложеніи — на крестохулительство сектантовъ мы отвѣтили раскрытіемъ вѣчной славы Креста Господня. Но эта вѣчная слава креста является и теперь уже въ томъ почитаніи, какое воздается ему вѣрующими. Мы выяснили, въ чемъ состоитъ это почитаніе и на какомъ основаніи мы чтимъ Крестъ Хрістовъ. Мы показали, какое значеніе имѣетъ крестъ въ жизни вѣрующаго хрістіанина, какова его сила, въ чемъ и какъ она проявляется. Мы представили ученіе о.о. Церкви о крестѣ, взглядъ Православной Церкви на значеніе креста, выражаемый въ ея пѣснопѣніяхъ, и отмѣтили благоговѣйное преклоненіе предъ святостію креста свѣтскихъ писателей—поэтовъ въ ихъ вдохновленныхъ стихотвореніяхъ. Однимъ словомъ, мы собрали въ одно цѣлое всѣ боговдохновенныя мысли и чувства церковныхъ и свѣтскихъ писателей о славѣ Креста Господня.

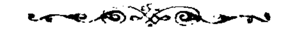
Другія приложенія, которыми мы думаемъ снабжать и слѣдующіе свои выпуски, не лишены также интереса для хрістіанской любознательности, хотя существеннаго значенія въ вопросѣ объ искупленіи они не имѣютъ. О значеніи ихъ говоритъ самое оглавленіе ихъ. А потому, мы предоставляемъ судить объ этомъ самимъ читателямъ. Насъ

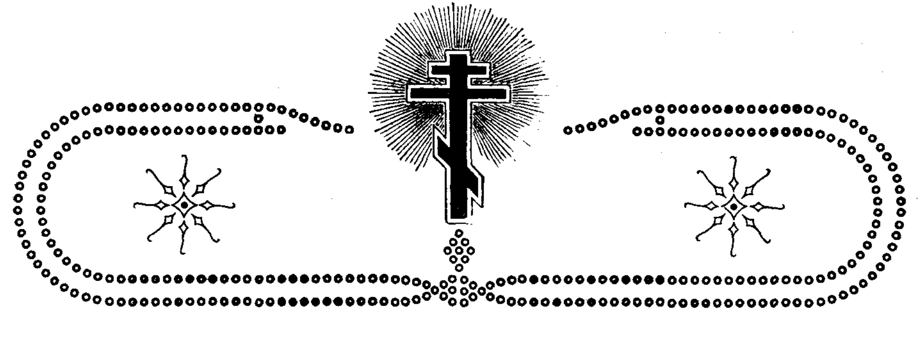
же лично интересуетъ все, что имѣетъ соприкосновеніе съ личностію Хріста и Его искупительною смертію.

Мы издаемъ третій выпускъ о Страждущемъ Хрістѣ, съ пропусками многихъ фактовъ, многихъ моментовъ изъ обстоятельствъ крестной смерти Хріста. Но мы надѣемся, при помощи Божіей, восполнить этотъ недостатокъ и закончить свой трудъ изданіемъ еще четырехъ выпусковъ.

Авторъ.

24 февр. 1915 года.

НА ГОЛГОѲѢ.

Вознесеніе Хріста на крестъ.

„Какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ; такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Ін. 3, 14—15). „И когда Я вознесенъ буду отъ земли; всѣхъ привлеку къ Себѣ. Сіе говорилъ Онъ, давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ“ (Ін. 12, 32—33).

Скорбный путь кончился. Печальная процессія достигла вершины Голгоѳы. Хрістосъ стоитъ среди двухъ злодѣевъ, окруженный римскою когортою вооруженныхъ воиновъ. Вокругъ каждаго изъ осужденныхъ на смертную казнь хлопочутъ и дѣйствуютъ по четыре воина—исполнители казни. Кресты положены на землю, и палачи приступили къ исполненію казни: сбиваютъ кресты, роютъ ямы для крестовъ, распредѣляютъ между собой орудія казни—гвозди, молотки, веревки и т. д. Хрістосъ поставленъ на самомъ высокомъ пунктѣ горы, дабы весь народъ могъ видѣть Невинную Жертву своей ненависти и наслаждаться невы-

разимыми страданіями предсмертной агоніи. Вся гора покрыта народомъ и превратилась въ живое море волнующейся толпы. Ближе всѣхъ ко Христу, за конвоемъ римской стражи, стоятъ самодовольные и торжествующіе первосвященники и всѣ члены Синедріона—фарисеи, саддукеи, книжники и старѣйшины—князья народа. Окруживъ сомкнутымъ кольцомъ центръ ужасной картины, они какъ бы дополняли собою римскій конвой воиновъ, чтобы осужденный „Преступникъ" не могъ прорваться чрезъ охранную цѣпь и искать Себѣ спасенія въ защитѣ преданныхъ друзей, какихъ въ данный моментъ не оказалось. Но слишкомъ велика ихъ злоба противъ Христа и невыразима жажда Его крови, что они еще опасались за окончательный успѣхъ своего дѣла: они составляютъ собою вторую цѣпь, которая отдѣляетъ народъ отъ Христа, и не допуститъ, чтобы кто-нибудь изъ среды его могъ прорваться ко Христу. Отъ чрезмѣрной ненависти ко Христу и непреодолимой жажды Его смерти, они какъ-бы не довѣряютъ вооруженной силѣ закаленныхъ въ бою воиновъ. За этимъ вторымъ сомкнутымъ кольцомъ охранной стражи вокругъ Христа тѣснился народъ, собравшійся изъ всѣхъ странъ земного шара, населенныхъ Израилемъ, на это кровавое „позорище". Какъ дикій звѣрь, онъ жаждетъ крови своего Мессіи—Царя и свой напряженный взоръ сосредоточилъ на Невинной Жертвѣ своего вѣроломнаго богоотступничества. Всѣ смотрятъ въ одну точку и съ нетерпѣніемъ ждутъ, какъ будутъ распинать Христа, какъ застучитъ молотъ, вбивающій желѣзный гвоздь въ живое тѣло Невиннаго Страдальца, какъ брызгнетъ „невинная кровь" ихъ Мессіи, нетерпѣливо и давно ими ожидаемаго, какъ поднимутъ крестъ съ прибитымъ къ нему живымъ человѣкомъ. Ихъ дикіе звѣриные инстинкты ненасытимой кровожадности достигли самой высшей степени своей напряженности, до какой еще не доходили они никогда чрезъ всю исторію человѣческаго рода.

Съ вершины Голгоѳы смотритъ и Хрістосъ на Свой народъ. Вотъ онъ, весь собрался въ Іерусалимъ по заповѣди Бога, чтобы праздновать свое избавленіе отъ Египетскаго рабства. „Три раза въ году, по заповѣди Іеговы, долженъ являться весь мужескій полъ предъ лице Владыки Господа“, чтобы праздновать ежегоднымъ воспоминаніемъ чудо своего спасенія отъ враговъ (Исх. 23, 14, 17; 34, 23; Втор, 16, 16). Въ данный моментъ весь онъ на лицо въ Іерусалимѣ и вокругъ Голгоѳы. Но онъ собрался теперь не для того, чтобы прославлять и благодарить Бога за свое спасеніе, но для того, чтобы убить позорною и мучительною смертію своего Спасителя, который избавилъ ихъ отъ руки Фараона, провелъ чрезъ Чермное море, 40 лѣтъ странствовалъ по пустынѣ, по которой и звѣрь не пробѣгалъ, питалъ ихъ манною съ неба, источалъ воду изъ камня, и ввелъ ихъ „въ землю, кипящую молокомъ и медомъ“ (Исх. 3, 17). „Пришелъ ихъ Избавитель—Мессія къ своимъ, и свои Его не приняли“ (Ін. 1, 11) и теперь распинаютъ Его! Смотритъ Хрістосъ на свой народъ и видитъ среди него тѣхъ, кого Онъ чудесно питалъ въ пустынѣ (Ін. 6, 5—15), исцѣлялъ отъ болѣзней, утѣшалъ въ скорбяхъ, училъ тайнамъ царства Божія, раскрывалъ полную любовь къ нимъ Бога и указывалъ имъ вѣчное счастіе и блаженство на небесахъ въ лонѣ Отца Небеснаго. Онъ видитъ тѣхъ, которые восторгались Его ученіемъ, дивились о словесѣхъ благодати, исходившихъ изъ устъ Его (Лк. 4, 22), говорили, что Онъ учитъ не такъ, какъ книжники и фарисеи, но какъ имѣющій власть (Мѳ. 7, 29), что никогда еще не слыхали, чтобы кто училъ такъ, какъ Онъ учитъ (Ін. 7, 46) и прославляли Бога, что Онъ послалъ имъ великаго Пророка (Лк. 7, 16), о которомъ говорилъ имъ Моисей (Втор. 18, 15). Но все это забыто, попрано ногами и отблагодарено такою неблагодарностію. „Столько чудесъ сотворилъ Іисусъ предъ ними; и они не вѣровали въ Него“ и въ благодарность за все возвели Его на Голгоѳу, чтобы распять (Ін. 12, 37)! Что чувствовалъ Іисусъ въ это время, когда Онъ смотрѣлъ на

свой народъ съ высоты Голгоѳы, мы не можемъ ни понять своимъ умомъ, ни обнять своимъ сердцемъ, ни передать перомъ! Но мы можемъ сказать только каждому: остановись своею мыслію на положеніи Христа въ данный моментъ, проникни своими чувствами въ сердце Іисуса, войди въ настроеніе Его духа и опредѣли, какъ глубока была Его скорбь за свой отверженный народъ!

Когда воины -распинатели подготовляли все необходимое для совершенія смертной казни, Осужденному на смерть „дали пить уксуса, смѣшаннаго съ желчью" (Мѳ. 27, 34). Напитокъ этотъ приготовляли сердобольныя женщины, съ цѣлію притупить острую чувствительность боли у распинаемыхъ. Но Христосъ, добровольно рѣшившійся умереть за грѣшный міръ и въ самой смерти Своей побѣдить врага рода человѣческаго, „отвѣдавъ, не хотѣлъ пить". Онъ не желалъ въ эти страшныя минуты, которыя должны были рѣшить вѣчную судьбу человѣчества побѣдою надъ діаволомъ,—не желалъ терять Свое сознаніе,—Онъ долженъ умереть съ полнымъ сознаніемъ, съ усиленнымъ напряженіемъ всѣхъ своихъ духовныхъ силъ въ рѣшительной борьбѣ со врагомъ и выпить до самаго дна, до послѣдней капли, чашу гнѣва Божія за грѣхъ человѣческій, чтобы побѣдить этотъ грѣхъ міра.

Воины, окончивъ подготовительныя работы, приступаютъ къ совершенію смертной казни. Они снимаютъ одежды съ Іисуса и обнажаютъ Его предъ глазами всего народа, напряженно устремившаго свой взглядъ на Іисуса, обнажаютъ Его предъ лицомъ Неба и земли, предъ лицомъ міра ангельскаго и всего человѣчества на всѣ послѣдующія времена до кончины міра. Что почувствовалъ бы каждый изъ насъ, если бы на обширной площади, наполненной тысячами народа, обнажили на возвышенномъ мѣстѣ, на показъ всему народу, который съ ожесточенною злобою и невыразимымъ злорадствомъ впивается своими злыми глазами въ обнаженное наше тѣло?.. Но этотъ позоръ предъ

лицомъ самой смерти въ страшныхъ мученіяхъ, имѣющей наступить затѣмъ, есть первая ступень уничиженія самой смерти, есть первый моментъ нравственнаго потрясенія наступающей агоніи смерти!... Обнажаютъ распинаемаго на крестѣ, чтобы хищныя птицы клевали Его обнаженное тѣло, когда Онъ испуститъ духъ, а шакалы и гіены грызли-бы Его ноги, пока онъ не истлѣетъ на крестѣ *).

Іисусъ стоитъ обнаженнымъ на высотѣ горы, среди своего народа. При видѣ обнаженнаго Его тѣла, весь народъ долженъ былъ содрогнуться отъ ужаса и стыда своего безчеловѣчно-жестокаго дѣла. Все тѣло Іисуса представляло сплошную рану изрубленнаго бичами тѣла. Вся спина, плечи и грудь покрыты были глубокими ранами, изъ которыхъ сочилась кровь, а мѣстами висѣли клочья разорваннаго тѣла и виднѣлись кости. Лицо было въ синякахъ и кровоподтекахъ отъ сильныхъ

---

*) Евреи, по предписанію закона Моисеева (Втор. 21, 22), должны были погребать казненныхъ преступниковъ въ тотъ же день: „Если въ комъ найдется преступленіе достойное смерти, и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на деревѣ, то тѣло его не должно *ночевать на деревѣ*, но *погреби* его въ тотъ же день; ибо *проклятъ* предъ Богомъ (всякій) повѣшенный (на деревѣ)". (Втор. 21, 22). Но по законамъ римскихъ распятые лишались погребенія и были оставляемы на крестахъ, пока не истлѣютъ. Это видно уже изъ того, что Іосифъ долженъ былъ ли
титься къ Пилату съ просьбою, „выдать ему *тѣло Іисусово*". И „*Пилатъ приказалъ отдать тѣло*" (Мѳ. 27, 58; Лк. 23, 52). Особенно ясно указываетъ на это ев. Іоаннъ. По его точному выраженію, „Іосифъ просилъ Пилата, чтобы *снять* тѣло Іисуса; и Пилатъ *позволилъ*. Онъ пошелъ, и снялъ тѣло Іисуса" (Ін. 19, 38). Мало того, ев. Маркъ подчеркиваетъ съ особенною рельефностію данный фактъ: онъ говоритъ, что Іосифъ „*осмѣлился* войти къ Пилату, и просилъ тѣла Іисусова" (15, 43). Ясно, что просьба Іосифа состояла въ томъ, чтобы Пилатъ сдѣлалъ исключеніе для снятія со креста и погребенія тѣла Іисусова, вопреки требованію закона, который предписывалъ оставлять тѣла распятыхъ на крестѣ для устрашенія народа. На это обстоятельство (что тѣло распятаго Іисуса, по римскимъ законамъ, должно было (для устрашенія народа) истлѣвать на крестѣ и сдѣлаться добычею хищныхъ птицъ) указывалъ еще пр. Исаія за 712 лѣтъ до Р. Хр. Въ 53 гл. своей книги онъ говоритъ о судьбѣ тѣла распятаго Іисуса: „Ему назначили гробъ съ злодѣями (т. е. подвергли общей участи казненныхъ на крестѣ злодѣевъ), но Онъ (сверхъ всякаго ожиданія) погребенъ былъ у богатаго" (ст. 9), который до этого момента былъ тайнымъ ученикомъ Іисуса *изъ страха* отъ іудеевъ (Ін. 19, 38).

ударовъ тростью и кулаками. Съ чела сочилась кровь отъ терноваго вѣнца, по которому били также тростью. И кровь эта смѣшивалась съ плевками неистовыхъ мучителей. Волосы въ безпорядкѣ и цѣлыми клочьями были вырваны руками неистовыхъ безумцевъ. Не осталось ни одного мѣста на тѣлѣ, которое не носило бы на себѣ отпечатокъ безумной ярости потѣшавшихся жестокостями надъ Невинной Жертвой своей дикой оргіи. При видѣ такого тѣла Іисуса, невольно вспоминаются слова пр. Исаіи, устами котораго еще за 712 лѣтъ сказалъ о Себѣ истерзанный теперь Сынъ человѣческій—Хрістосъ: „*Я предалъ хребетъ Мой біющимъ и ланиты Мои поражающимъ; лица Моего не закрывалъ отъ поруганій и оплеванія*" (Ис. 50, 6). И если каменное сердце суроваго римлянина Пилата, привыкшаго ко всякимъ кровавымъ сценамъ, дрогнуло при видѣ Іисуса послѣ бичеванія, въ терновомъ вѣнцѣ, съ каплями крови и плевковъ на лицѣ, и онъ невольно воскликнулъ: „се человѣкъ" (Ін. 19, 5), думая, что устыдится народъ своего жестокаго звѣрства и не будетъ требовать смерти Іисуса, то теперь, когда Іисусъ стоялъ обнаженнымъ предъ народомъ, нельзя было смотрѣть на истерзанное тѣло живаго человѣка: невольно, инстинктивно должны были закрывать свои глаза и отвращать свой взоръ отъ такого ужаснаго вида, который представлялъ Собою Хрістосъ въ данный моментъ. Сынъ человѣческій, „красный добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ" (Псал. 44, 3), представлялся теперь въ такомъ видѣ, который отталкивалъ всѣхъ—однихъ ужасомъ страданій, а другихъ неистовствомъ злобы и ненависти. „*Нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія*", говорилъ пр. Исаія; „*и мы видѣли Его, и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ Него лице свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что ставили Его*" (Ис. 53, 2-3).

Мы остановимся здѣсь на словахъ пророка: „и мы отвращали отъ Него лице свое“. Кто это—„*мы*“ и почему „*отвращали*“? Мы—*всѣ* безъ исключенія: и сохранившіе въ себѣ остатки человѣческаго чувства, и утратившіе въ себѣ все человѣческое и озвѣрѣвшіе до послѣдней степени безумія. Всѣ безъ исключенія отвращали отъ Него свое лице въ данный моментъ: первые отъ ужаса зіяющихъ ранъ на истерзанномъ тѣлѣ, а вторые отъ ненависти и презрѣнія къ Страдальцу. Ненависть ихъ настолько была велика, что они не могли даже смотрѣть на жертву своей жестокости и съ презрѣніемъ отвращали свой взоръ отъ нея. Самыя раны истерзаннаго тѣла разжигали въ нихъ ненависть и презрѣніе къ Нему, подобно тому, какъ видъ и запахъ крови возбуждаетъ жажду крови въ хищныхъ звѣряхъ.

„Онъ изъязвленъ былъ за грѣхи наши, говоритъ пр. Исаія, и мучимъ за беззаконія наши;... и ранами Его мы исцѣлились“ (53, 5). Обиліе и тяжесть ранъ говоритъ о количествѣ и тяжести нашихъ грѣховъ, за которые Онъ страдалъ и которыми наказывали, терзали Его. И чѣмъ грѣшнѣе былъ народъ, тѣмъ тяжелѣе были Его страданія, Его раны. И какъ весь народъ, по изображенію пророка, былъ покрытъ ранами отъ побоевъ за грѣхи, такъ, соотвѣтственно этимъ грѣхамъ, все наказаніе за нихъ перенесено было на Христа. И вотъ получается общая картина наказаній за грѣхи народа, теперь претерпиваемыхъ Іисусомъ отъ самого же виновнаго и преступнаго народа. „Увы, народъ грѣшный, говоритъ Господь, обращаясь къ Евреямъ, народъ, обремененный беззаконіями, племя злодѣевъ, сыны погибельные! Оставили Господа, презрѣли Святаго Израилева,—повернулись назадъ“. За всѣ эти грѣхи и беззаконія Господь наказывалъ ихъ жестокими побоями, мучительными ранами, но они не вразумлялись и не исправлялись. И теперь Самъ Господь удивляется такому упорству въ грѣхахъ и спрашиваетъ ихъ: „Во что васъ бить

еще, продолжающіе свое упорство? Вся голова въ язвахъ, и все сердце исчахло. Отъ подошвы ноги до темени головы нѣтъ у него (народа) здороваго мѣста, язвы, пятна, гноящіяся раны, неочищенныя и необвязанныя, и несмягченныя елеемъ“ (Ис. 1, 4—6). Эта ужасная картина реализировалась теперь въ страданіяхъ Хріста за грѣхи народа и представилась теперь съ буквальною точностію, во всей своей поразительной рельефности, въ истерзанномъ тѣлѣ Іисуса, обнаженномъ предъ лицомъ всего народа на высотѣ Голгоѳы. То, что видитъ теперь народъ своими глазами, есть наказаніе за его вину, которому онъ долженъ былъ подвергнуться,—но за него страдаетъ Невинный Іисусъ, и страдаетъ отъ самого же виновнаго народа за спасеніе котораго Онъ сейчасъ будетъ пригвожденъ ко кресту.

Все готово: глубокая яма вырата, перекладины креста скрѣплены; веревки, гвозди и молоты расположены на своихъ мѣстахъ. Крестъ положенъ на землю такъ, что нижній конецъ висѣлъ надъ самой ямой, въ которую онъ долженъ быть опущенъ съ пригвожденнымъ тѣломъ, когда будутъ его водружать. И обнаженнаго Іисуса берутъ грубыми руками и ведутъ къ кресту, чтобы возложить Его на этотъ жертвенникъ и, вмѣсто веревокъ, которыми обыкновенно связывали всякую жертву, пригвоздить Его желѣзными острыми гвоздями. „Онъ, какъ овца веденъ былъ на закланіе, по слову пророка, и, какъ агнецъ предъ стригущимъ его, былъ безгласенъ, такъ что не отверзалъ устъ Своихъ“ (Ис. 53, 7). Добровольно и покорно ложится на крестъ, простираетъ Свои руки, раскрываетъ Свои длани, къ которымъ приставлены острые длинные гвозди... и раздаются рѣзкіе звуки отъ желѣзнаго молота по желѣзнымъ гвоздямъ! Въ живое тѣло живаго человѣка вбиваются желѣзнымъ молотомъ желѣзные гвозди!... Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй!... Всѣ мускулы и нервы разрываются, заструилась ручьями теплая кровь изъ

глубокихъ ранъ. Земля обогрилась кровію Богочеловѣка, Спасителя міра! Господи помилуй! невольно шепчутъ уста, у кого сердце осталось еще человѣческимъ сердцемъ. Въ этотъ моментъ, по выраженію церковной пѣсни, вся тварь содрогнулась и отъ ужаса вострепетала. „Распинаему тебѣ Хрісте, вся тварь видящи трепеташе, основанія земли колебахуся, страхомъ державы Твоея, свѣтила скрывахуся, и церковная раздрася завѣса, горы вострепеташа, и каменіе разсѣдеся и разбойникъ вѣрный зоветъ съ нами Спасе: помяни во царствіи Твоемъ" (Служба во св. и вел. пят. утра „блаженны" 6 ст.).

Жертва пригвождена, и распинатели начинаютъ водружать крестъ съ тѣломъ въ землю. Медленно поднимаютъ его веревками и сразу опускаютъ въ глубокую яму. Страшное сотрясеніе во всемъ тѣлѣ распятаго Страдальца! Раны отъ гвоздей расширились и кровь хлынула ручьями изъ ранъ. Всѣ язвы спины отъ прикосновенія къ дереву и страшнаго сотрясенія тѣла по грубому дереву креста раскрылись и дали новыя жгучія ссадины. Сердце, легкія и всѣ внутренности отъ сильнаго удара страшно содрогнулись и мѣстами порвались, давъ кровоизліяніе во многихъ мѣстахъ. Самыя основы органической жизни вышли изъ своего нормальнаго положенія. Все избито, изранено, изорвано внутри и снаружи, такъ что не оставалось ни одного органа, ни одного мускула, ни одного нерва въ нормальномъ положеніи. Все горѣло огнемъ страшнаго воспаленія отъ страшной боли, неестественнаго напряженія и ненормальнаго положенія всѣхъ частей живаго еще организма. Жертва горѣла въ огнѣ болѣе страшномъ, болѣе лютомъ и жгучемъ, чѣмъ обыкновенный вещественный огонь, разрушающій организмъ постепенно съ внѣшнихъ покрововъ...

Хрістосъ виситъ на крестѣ. И весь народъ дикими глазами пожираетъ свою Жертву огнемъ своей ненависти и злорадства. А распятый Хрістосъ смотритъ на этотъ

народъ съ высоты креста очами божественной любви и человѣческой жалости къ погибшимъ. Безъ словъ, но краснорѣчивѣе всякихъ словъ, Онъ, самымъ положеніемъ Своимъ въ данный моментъ, говоритъ жестокому и отверженному народу, по выраженію церковной пѣсни, такъ: „Сія глаголетъ Господь Іудеомъ: людіе Мои, что сотворихъ вамъ? или чимъ вамъ служихъ? слѣпцы вашя просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа суща на одрѣ возставихъ; людіе Мои, что сотворихъ вамъ? и что Ми воздаете? за манну - желчь: за воду—оцетъ: за еже любити Мя, ко кресту Мя пригвоздисте. Ктому не терплю прочее, призову Моя языки, и тіи Мя прославятъ со Отцемъ и Духомъ, и Азъ имъ дарую животъ вѣчный“ (Сл. во Св. и вел. пят. утра, антифонъ 12-й).

Въ этой церковной пѣсни мы слышимъ безмолвный укоръ Распятаго, обращенный къ сознанію народа, вызывая въ немъ человѣческое состраданіе къ жестокимъ мукамъ Невиннаго Страдальца. Но народъ этотъ оказался, по изображенію пророковъ, съ каменнымъ сердцемъ, мѣднымъ лбомъ и желѣзнымъ затылкомъ, народомъ жестоковыйнымъ, который всегда противился Господу.

Нельзя ожидать какого-либо состраданія отъ такого народа, который Самъ Хрістосъ назвалъ „порожденіемъ ехидны“ (Мѳ. 23, 33). „Жестоковыйные! люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами“! —обличалъ ихъ первомученикъ Стефанъ. „Вы всегда противитесь Духу Святому, какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы“ (Дн. 7, 51—52).

Такими они остались и по распятіи Іисуса, какъ характеризуетъ ихъ ап. Павелъ. „Они убили и Господа Іисуса и Его пророковъ, и насъ изгнали, и Богу не угождаютъ, и всѣмъ человѣкамъ противятся; они препятствуютъ

намъ говорить язычникамъ, чтобы спаслись, и черезъ это всегда наполняютъ мѣру грѣховъ своихъ“ (1 Сол. 2, 15—16).

Такой народъ не могъ снести святости Хріста среди себя, — а, при видѣ Его невыразимыхъ страданій, еще болѣе ожесточался въ своей ненависти и презрѣніи къ Нему, — и къ физическимъ страданіямъ Висящаго на крестѣ, онъ, съ адскою злобою, готовится присоединить еще нравственныя страданія своимъ богохульнымъ глумленіемъ надъ Распятымъ!

Молитва со креста (Лк. 23, 34).

Первое слово, которое мы слышимъ изъ устъ Іисуса, когда вознесли Его на крестъ, это—молитва Его за своихъ распинателей:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

Хрістосъ молится за своихъ враговъ, потому, что въ нихъ сконцентрировались всѣ убійства на землѣ праведниковъ, вся кровь невинно пролитая на землѣ, начиная съ крови Авеля (Мѳ. 23, 35). Въ ихъ убійствѣ Хріста завершилась вся злоба, ненависть и жестокость людей всего міра, всѣхъ людей (Мѳ. 23, 32). Убивъ Богочеловѣка, они достигли своего апогея въ злодѣяніяхъ, такъ что дальше идти некуда. Неправда и злоба человѣческая достигли полноты своей зрѣлости. То былъ крайній предѣлъ въ развитіи зла (Мѳ. 21, 33—41), когда оно должно было выступить на рѣшительную борьбу съ добромъ въ лицѣ распятаго Хріста. Исходъ борьбы опредѣляетъ вѣчную судьбу человѣчества. А потому моментъ молитвы со креста есть предрѣшеніе вѣчной судьбу всего міра.

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

Съ высоты креста умирающій Спаситель видитъ предъ Собой всю гнусность человѣческаго грѣха, всю жестокость человѣческой неправды, всю дикую и безумную вакханалію человѣческой ненависти. Все, что міръ накопилъ въ тече-

ніи всей исторіи прошлаго,—жестокаго, несправедливаго и богохульнаго,—все сосредоточилось теперь вокругъ креста и съ дикою злобою изливаетъ всю желчь, весь ядъ свой на Распятаго. Вокругъ креста объединились теперь всѣ силы ада, и ударъ за ударомъ наносятъ умирающему за всѣхъ Страдальцу. Хрістосъ слышитъ и видитъ одну только злобу и ненависть, гнусное издѣвательство и страшное богохульство за все то, что Онъ давалъ людямъ. Ни одного слова утѣшенія, ни одного взгляда состраданія. Самые близкіе и вѣрные Ему оттѣснены отъ креста, а другіе въ страхѣ разбѣжались. Онъ видитъ теперь со креста ужасную плату за Свое добро; видитъ—что такое человѣкъ, каковъ человѣкъ и стоитъ ли за него умирать! А впереди выступаетъ предъ Нимъ весь позоръ человѣчества въ будущемъ, всѣ злоупотребленія Его именемъ, всѣ клеветы и богохульныя ругательства развращенныхъ безбожниковъ. И все это ставитъ теперь вспросъ передъ Нимъ: стоитъ ли умирать за такое негодное человѣчество?... И все это разсчитано въ данный моментъ на то, чтобы вызвать въ Немъ отчаяніе и ропотъ, гнѣвъ и проклятіе! Но Умирающій на крестѣ отразилъ всѣ удары адскихъ силъ, сатанинской злобы: Онъ молится не о Себѣ, но за своихъ враговъ. Онъ не проситъ себѣ защиты и облегченія, но проситъ помилованія своимъ распинателямъ. Всѣ скорби и страданія Его любящаго сердца сосредоточены не на тяжести Его личныхъ страданій, но на тяжести грѣха распинателей, на ихъ погибели за такой грѣхъ. Предъ тяжестью вѣчныхъ мученій грѣшниковъ Онъ забылъ о Себѣ и помнитъ только о врагахъ. А потому, Онъ и молится за нихъ:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!..

Здѣсь, подъ крестомъ, на глазахъ умирающаго, воины совершивъ свое кровавое дѣло, рвутъ на части его одежду и бросаютъ жребій о Его хитонѣ. Какое имъ дѣло до страданій невинно Умирающаго въ страшной агоніи невы-

разимыхъ мукъ! Ихъ алчность спѣшитъ воспользоваться клоками Его одежды.... И этотъ клокъ разорванной одежды для нихъ важнѣе, чѣмъ страданія Оклеветаннаго и Опозореннаго на крестѣ. Все вниманіе ихъ поглощено правильнымъ и безобиднымъ для себя раздѣломъ своей добычи. О, какъ ничтоженъ и мелоченъ человѣкъ въ лицѣ этихъ воиновъ, за которыхъ умираетъ Хрістосъ!

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

А предъ лицомъ Умирающаго на крестѣ „упитанные“ „тельцы мнози, юнцы тучніи“, по пророческому выраженію Псаломопѣвца (Пс. 21, 13), члены синедріона, съ Анной и Каіафой во главѣ, злорадостно торжествуютъ свою побѣду надъ Хрістомъ. Они купили вѣроломство Іуды, сломили упрямство гордаго Пилата, склонили на свою сторону неблагодарный народъ,—и вотъ, они пригвоздили ко кресту Того, Кто стоялъ на дорогѣ ихъ къ земной славѣ, господству, богатству и порочной жизни среди изысканной роскоши. Онъ, разрушитель ихъ счастія и власти надъ покорными и забитыми людьми, виситъ на крестѣ, пригвожденъ къ нему желѣзными гвоздьми. Онъ не сойдетъ теперь со креста и не будетъ болѣе обличать ихъ предъ народомъ, раскрывать предъ нимъ ихъ гнусную жизнь, позорную ложь и отвратительное лицемѣріе. Онъ не будетъ теперь мѣшать имъ, не вѣрующимъ ни въ загробную жизнь, ни въ какіе—либо нравственные принципы, свободно продолжать постыдную торговлю въ храмѣ жертвенными животными, торговлю религіей и совѣстію, которыхъ они не признавали. Не скрывая своей эхидной радости, они торжествующе кричали теперь, обращаясь ко Хрісту: „Эй, въ три дня разрушающій, и созидающій церковь, сойди со креста, и мы признаемъ, что Ты правъ; мы повѣримъ, что Ты—Сынъ Божій“! Такою ядовитою насмѣшкою они издѣвались надъ Хрістомъ и безстыдно богохульствовали, выставляя свое гнусное и позорное дѣло, какъ величайшій подвигъ какого-либо безсмертнаго дѣла, совершеннаго ими для блага че-

ловѣчества!... И въ отвѣтъ на эти богохульныя издѣвательства слышится еще голосъ Умирающаго:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

Хрістосъ не сошелъ съ креста, на который Онъ, во исполненіе воли Отца небеснаго, добровольно восшелъ по Своей безпредѣльной любви къ падшему человѣчеству, для спасенія его отъ вѣчной погибели. И милліонная толпа народная, покрывавшая всю гору, вѣроломная, какъ Іуда, чувственная, какъ Каіафа, угнетенная религіознымъ деспотизмомъ синедріона, слѣпо послушная ему во всѣхъ его требованіяхъ,—эта стихійная толпа повторяла теперь безумныя слова, безумный вызовъ первосвященниковъ, видя въ нихъ оправданіе ихъ гнуснаго дѣла. Въ данный моментъ забыла она всѣ тѣ чудеса и милости, которыя щедрою рукою расточалъ ей Іисусъ. Забыла она и свой восторгъ „Его ученіемъ и благодатію, исходившею изъ устъ Его“, забыла и свое торжественное и радостное „осанна“, съ которымъ она пять дней тому назадъ встрѣчала Висящаго на крестѣ, какъ Царя своего. Вожди народа признали Его обманщикомъ и богохульникомъ,—и толпа неистово требовала отъ Пилата Его смерти, и вотъ она видитъ теперь, что права въ своемъ требованіи: Онъ не сходитъ съ креста, Онъ умираетъ позорною и ужасною смертію среди злодѣевъ! Съ яростнымъ озлобленіемъ повторяетъ она злую насмѣшку своихъ вождей: „сойди со креста“!... А въ воздухѣ не смолкъ еще голосъ Умирающаго Іисуса:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

Клокотавшая злоба вокругъ креста заразила или, лучше сказать, увлекла своимъ бурнымъ потокомъ и разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ со Хрістомъ. Ихъ жизнь представляла полную противоположность жизни Іисуса: они причиняли зло людямъ,—обижали, грабили, убивали людей, попирая ихъ человѣческія права, а Хрістосъ только благодѣтельствовалъ, несъ имъ счастіе, миръ и свѣтъ, облегчалъ ихъ скорби, утиралъ слезы несчастныхъ и давалъ

жизнь, полную свѣтлой радости и невыразимаго блаженства. Каждое слово Его, всякое прикосновеніе руки давало окружающимъ утѣшеніе, исцѣленіе и миръ. Еще не было на землѣ такого Благодѣтеля, который принесъ бы людямъ столько добра, столько свѣтлой надежды на близость къ Богу, столько глубокаго сознанія человѣкомъ своего безграничнаго значенія въ очахъ Божіихъ и, въ то же время, своего ничтожества предъ Нимъ по своимъ дѣламъ,—никто изъ людей не могъ такъ глубоко освѣтить сознаніе человѣка и властно ему сказать: **„Ты—человѣкъ“**. какъ сказалъ Христосъ: никто во всемірной исторіи не могъ дать людямъ столько благъ, сколько далъ Христосъ! И вотъ, Онъ среди разбойниковъ на крестѣ, вмѣстѣ съ ними умираетъ, только болѣе страшною и мучительною смертію. чѣмъ они. Естественно ожидать Ему сочувствія къ себѣ со стороны тѣхъ, кто вмѣстѣ съ Нимъ, невиннымъ, висѣли, какъ виновные, на крестахъ.... Однако, и здѣсь не встрѣтилъ Онъ состраданія въ Себѣ: „тожде же и разбойника, замѣчаетъ Евангелистъ, распятая съ Нимъ поношаста Ему“ (Мѳ. 27, 44). И только подъ конецъ одинъ изъ нихъ, сознавъ всю неправоту своей хулы, обратился съ покаяніемъ ко Христу, исповѣдуя Его Господомъ: „помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ“ (Лк. 23, 42). И этотъ вопль покаянія былъ первымъ лучомъ свѣтлой отрады и утѣшенія для умирающаго Христа среди бѣшенной злобы людей... Истинно говорю тебѣ, отвѣчалъ ему Христосъ, нынѣ же будешь со Мною въ раю“ (ст. 43)! И мы вѣруемъ, что покаяніе разбойника есть первый плодъ молитвы Христа за всѣхъ своихъ хулителей:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

А тамъ, вдали надъ пропастью виситъ бездыханное тѣло злосчастнаго Іуды, этого прототипа всѣхъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, лобзаніемъ продающихъ, ради гнусной корысти, неповинныхъ друзей. Судъ надъ нимъ давно уже произнесенъ: „лучше бы не родиться ему“ (Мѳ. 26, 24)!

И этотъ страшный судъ не предостерегъ его отъ злодѣйства: Іуда совершилъ свое гнусное—позорное дѣло, — и это дѣло оказалось настолько тяжкимъ для него, что онъ не могъ пережить его... „и, шедъ удавися“ (Мѳ. 27, 5). Съ него началось кровавое дѣло. Онъ первый открылъ этотъ кровавый путь, и за нимъ уже выступаютъ Каіафа съ синедріономъ, Пилатъ съ воинами. народъ, слуги и разбойники на крестахъ. Таковъ, именно, этотъ позорный путь Іуды, такова судьба и всѣхъ послѣдующихъ „Іудъ“, проливающихъ своимъ предательствомъ неповинную кровь человѣческую!... И за нихъ несется къ небесамъ молитва со креста:

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!...

Хрістосъ молился со креста....
„За родъ людской, за родъ лукавый,
Хрістосъ моленья возсылалъ;
Огонь святого вдохновенья
Сверкалъ въ чертахъ Его лица,
И Онъ. съ улыбкой сожалѣнья,
Сносилъ послѣднія мученья
И боль терноваго вѣнца.
Вокругъ креста толпа стояла,
И грубый смѣхъ звучалъ порой....
Слѣпая чернь не понимала,
Кого насмѣшливо пятнала
Своей безсильною враждой.
Что сдѣлалъ Онъ? За что на муку
Онъ осужденъ, какъ рабъ, какъ тать,
И кто дерзнулъ безумно руку
На Бога своего поднять?
Онъ въ міръ вошелъ съ святой любовью,
Училъ, молился и страдалъ—
И міръ Его невинной кровью
Себя на вѣки запятналъ?
Свершилось! (С. Я. Надсонъ.)

Мы раскрыли первую половину молитвы со креста. Здѣсь умирающій Христосъ, какъ сожигаемая на крестѣ жертва за грѣхъ міра, ходатайствуетъ о прощеніи грѣховъ всего міра. Но вторая половина молитвы выставляетъ основанія къ произнесенію ея: невѣдѣніе не даетъ еще права на прощеніе, а служитъ только основаніемъ къ ходатайству о прощеніи. Раскрытіе глубокаго смысла и значенія второй половины со креста составитъ содержаніе слѣдующей главы.

Глубокій смыслъ и значеніе молитвы со креста (Лк. 23, 34).

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“.

Основаніе для молитвы со креста выражено въ самой молитвѣ: *„не вѣдятъ бо, что творятъ“*. Отсюда открывается глубокій смыслъ и значеніе ея.

Іисусъ Христосъ, умирая на крестѣ, какъ „агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра“ (Ін. 1, 29), ходатайствуетъ о прощеніи грѣховъ всего міра, которые объединились и воплотились въ грѣхѣ распинателей. Полнота и зрѣлость грѣховъ всего міра—это грѣхъ распинателей. И Христосъ, ходатайствуя о прощеніи этого грѣха, выставляетъ основаніе къ тому: не вѣдятъ бо, что творятъ. Невѣдѣніе не даетъ права на прощеніе, а служитъ только основаніемъ къ ходатайству о прощеніи. Прощеніе зависитъ отъ безконечной благости Божіей, излившейся на міръ въ крестной смерти Христа—Спасителя, а ходатайство вытекаетъ изъ самаго факта воплощенія Сына Божія, благоволившаго принять на Себя отвѣтственность за грѣхъ міра. Прощеніе грѣховъ, исходя исключительно отъ Бога, обусловливается со стороны человѣка его покаяніемъ; а ходатайство Христа открываетъ кающемуся двери милосердія Божія. Воплотившійся Сынъ Божій ходатайствуетъ со креста о прощеніи грѣховъ всего міра въ виду возможности покаянія, которая вытекаетъ изъ того положенія, что грѣхъ міра есть

не самобытный грѣхъ людей, а привнесенный въ міръ діаволомъ (1 Ін. 3, 8). Въ виду такой возможности покаянія со стороны людей, Христосъ ходатайствуетъ о прощеніи грѣховъ ихъ, потому что такимъ путемъ, путемъ покаянія и самоисправленія, Онъ возвращаетъ ихъ къ Богу отъ власти діавола и тѣмъ разрушаетъ дѣла діавола (1 Ін. 3, 8). И грѣхъ распинателей есть дѣйствіе діавола противъ Христа, какъ объ этомъ заявилъ Самъ Христосъ (Лк 22, 53; Ін. 8, 44). „Князь міра сего“ (Еф. 2, 2), ослѣпивъ умы и сердца распинателей (2 Кор. 4, 4), возбудивъ въ нихъ грѣховныя страсти до самой высокой степени (Ін. 8, 44), и вложивъ въ сердца ихъ самую мысль и желаніе убить Христа (Ін. 13, 2), сдѣлалъ ихъ слѣпымъ орудіемъ своей злой и богоненавистной воли (2 Тим. 2, 26). Отсюда грѣхъ распинателей является грѣхомъ невѣдѣнія. На немъ мы и остановимъ теперь свое вниманіе.

Ап. Павелъ, раскрывая тайну искупленія, тайну крестной смерти Христа, такъ говоритъ о распинателяхъ Его: „никто изъ властей вѣка сего не позналъ“ „премудрости Божіей, тайной и сокровенной“; „ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы“ (1 Кор. 2, 7—8). Они распяли Христа потому, что не признали Христа за Господа славы. Какъ же это случилось? Исторически и психологически это понятно, а именно:

Ослѣпленные страстями, привязанные чувственностію къ землѣ и земному, они не видѣли славы Божіей во Христѣ и потому не понимали, какъ великъ и тяжекъ грѣхъ, который они совершаютъ, распиная Христа. Все, что было въ Немъ высокаго, святого, Божественнаго, только озлобляло ихъ и сильнѣе вооружало ихъ противъ Него: потому что Его святость изобличала ихъ грѣховность, Его Божественныя дѣйствія указывали въ нихъ исполнителей воли сатаны (Ін. 8, 44). Его добро обнаруживало въ нихъ злое сердце (Мѳ. 12, 34; 15, 19). И потому всякое дѣйствіе Христа они извращали въ глазахъ народа и своими

клеветами возбуждали противъ Него ярость народа и римскихъ властей. Въ Его вліяніи на толпы они усматривали въ Немъ политическаго дѣятеля, который своимъ ученіемъ разрушалъ политическій строй государственной жизни, призывалъ народъ къ перевороту: „мы нашли, обвиняли Его предъ Пилатомъ, что Онъ развращаетъ народъ нашъ, и запрещаетъ давать подать Кесарю, называя Себя Хрістомъ Царемъ, что Онъ возмущаетъ народъ, уча по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи до сего мѣста (Іерусалима) (Лук. 23, 2, 5). И всѣ эти клеветы вытекали изъ того, что Хрістосъ обличалъ Своихъ обвинителей предъ народомъ во всѣхъ ихъ порокахъ, неправдѣ и лицемѣріи и тѣмъ подрывалъ ихъ авторитетъ въ глазахъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и личные ихъ матеріальные интересы.

Чтобы отстоять свое положеніе, защитить свои интересы, чтобы удержать за собой власть и богатство вѣка сего, они обвиняютъ Невиннаго, произносятъ надъ Нимъ смертный приговоръ, лицемѣрно прикрываясь политическимъ мотивомъ и въ самомъ прикрытіи выдавая себя головой, потому что гдѣ страсти управляютъ, тамъ здравой логикѣ нѣтъ мѣста. Пусть всѣ считаютъ Его невиннымъ, разсуждаютъ они, но „этотъ человѣкъ много творилъ чудесъ". А потому, „если оставимъ Его такъ; то всѣ увѣруютъ въ Него", объявятъ Его Мессіей—царемъ и тѣмъ вызовутъ противъ себя римлянъ. Результатъ—очевиденъ: „прійдутъ Римляне, и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ". Поэтому, „лучше намъ, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за людей, нежели, чтобы весь народъ погибъ" (Ін. 11, 47—50).

Так. обр., Божественная слава Хріста Спасителя была закрыта для нихъ ихъ страстями. Подъ вліяніемъ своего личнаго эгоизма, они, распиная Хріста, не вѣдали, что творили; не вѣдали, какъ они извратили правду Божію во вредъ себѣ и на погибель народу; они не разумѣли, что, не признавъ Хріста за истиннаго Мессію, который отрекся

быть земнымъ царемъ и служить ихъ чувственнымъ страстямъ, они распинаютъ „Господа славы“, „Сына Божія“ (Евр. 6, 6). А „распиная и попирая Сына Божія“, они не вѣдаютъ, какъ великъ и необъятенъ грѣхъ, который совершаютъ, они не чувствуютъ, какъ „страшно впасть въ руки Бога живаго“ (Евр. 10, 29, 31). Ихъ грѣхъ—грѣхъ невѣдѣнія. И ходатайство о прощеніи такого грѣха является самою первою и существеннѣйшею обязанностію Мессіи—Христа: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ.*

Когда и какъ эта молитва воздѣйствуетъ на нихъ, мы не знаемъ. Но Слово Божіе проливаетъ свѣтлый лучъ надежды и здѣсь. Мы вѣруемъ, что всемогущее Божественное дѣйствіе молитвы Искупителя откроетъ духовныя очи распинателей, сниметъ съ ихъ сердца слѣпоту невѣдѣнія, и они узрятъ Славу Божію въ распятомъ ими Христѣ. Объ этомъ предсказалъ еще пр. Захарія, это подтвердилъ ап. Іоаннъ Богословъ и, наконецъ, ясно объявилъ Самъ Христосъ.

Такъ, Господь устами пророка говоритъ: „На домъ Давида и на жителей Іерусалима изолью духъ благодати и умиленія, и они воззрятъ на Него, котораго пронзили, и будутъ рыдать о Немъ, какъ рыдаютъ объ единородномъ сынѣ, и скорбѣть, какъ скорбятъ о первенцѣ“ (Зах. 12, 10).

Исполненіе этого пророчества въ первой половинѣ подтверждаетъ очевидецъ Іоаннъ Богословъ, давая тѣмъ ясно понять, что въ Евангельскомъ фактѣ дается полная гарантія исполненія и второй половины пророчества. Стоя при крестѣ и видя своими глазами, какъ „одинъ изъ воиновъ копьемъ пронзилъ Ему (Іисусу) ребра“, онъ говоритъ, что „сіе произошло, да сбудется Писаніе: воззрятъ на Того, котораго пронзили“ (Іоан. 19, 34—37). Здѣсь, какъ видимъ, два факта: одинъ уже совершился (пронзили), согласно пророчеству Захаріи, а другой совершится въ будущемъ (воззрятъ) и будутъ омывать свой грѣхъ слезами раскаянія.

А достовѣрность всего запечатлѣваетъ Самъ Хрістосъ. Раскрывая признаки кончины вѣка и своего пришествія, Онъ говоритъ: „Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя (а не одни только распинатели), и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“ (Мѳ. 24. 30).

Указанныя нами пророческія слова влагаютъ въ насъ дерзновеніе вѣры, что молитва со креста откроетъ очи духовнаго вѣдѣнія и вызоветъ глубокія слезы покаянія, которыми омоется грѣхъ невѣдѣнія подобно покаявшемуся разбойнику на крестѣ, и измѣнится духовная природа распинателей настолько, что они будутъ способны воспринять милость вѣчнаго спасенія, дарованнаго намъ во Хрістѣ и чрезъ Хріста. Мы вѣримъ, что молитва со креста рѣшаетъ судьбу вѣчности для всего человѣчества. Въ этой молитвѣ не человѣкъ, а Сынъ Божій во плоти человѣка взываетъ къ Отцу Небесному: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!

Іуда предатель также не вѣдалъ Хріста и, предавая Его на смерть, руководился въ своихъ дѣйствіяхъ, подобно первосвященникамъ, земными, лично корыстными и политическими соображеніями. Онъ глубоко вѣрилъ въ мессіанскую идею Евреевъ и ожидалъ въ лицѣ Мессіи земного царя, побѣдителя народовъ и отмстителя врагамъ. И такимъ Мессіей онъ призналъ Хріста. И свою вѣру во Хріста онъ основывалъ на несокрушимыхъ фактахъ. Онъ видѣлъ силу и могущество Хріста, видѣлъ то обаяніе, которое производилъ Хрістосъ на толпы, и глубоко вѣрилъ, что Тотъ, Кто однимъ словомъ воскрешаетъ мертвыхъ, разрушаетъ власть смерти,—Тотъ сокрушитъ силу и могущество Синедріона и Рима. Предъ Нимъ не устоитъ ни лукавое коварство фарисеевъ и саддукеевъ, ни несокрушимое могущество римскихъ когортъ. Однимъ мановеніемъ Своей руки Онъ разрушитъ всѣ ихъ ковы, какъ паутину, и раз-

сѣетъ ихъ злые замыслы, какъ дымъ. Признавая за Іисусомъ такую силу и могущество, онъ, Іуда, вызоветъ Его своимъ предательствомъ на рѣшительный бой съ врагами и, въ благодарность за такой вызовъ, получитъ отъ Него, послѣ несомнѣнной побѣды, высокую награду, онъ займетъ первое мѣсто при торжествующемъ Побѣдителѣ - царѣ.

Так. обр., Іуда, весь проникнутый мессіанской идеей въ духѣ древнихъ Евреевъ, являетъ собою воплощеніе честолюбія, властолюбія и сребролюбія. Золото—его кумиръ, а власть надъ всѣми народами земли, о чемъ мечтали и мечтаютъ всѣ Евреи,—его идеалъ, смыслъ и задача жизни, къ осуществленію которыхъ стремится весь еврейскій народъ. Затаенная злоба мщенія врагамъ горитъ въ его груди, а обаяніе власти и блескъ золота зачаровываютъ его сердце. Онъ не видитъ всей несообразности своихъ плановъ, онъ не слышитъ отеческихъ предостереженій Іисуса, не вникаетъ въ ихъ смыслъ и значеніе. Его мысли поглощены были однимъ желаніемъ - отмстить врагамъ и, обладая несмѣтными сокровищами міра, властвовать надъ міромъ. Хрістосъ для него—орудіе, а онъ, Іуда, будетъ главнымъ реформаторомъ человѣчества и обновителемъ міра. Пользуясь силою и могуществомъ Хріста, котораго, тѣмъ не менѣе, считалъ Іуда не способнымъ къ рѣшительнымъ кровавымъ дѣйствіямъ, въ виду Его кротости и смиренія, въ виду Его крѣпко сложившагося характера творить одно только добро людямъ, онъ, Іуда, будетъ управлять міромъ, но не въ духѣ Хріста, мягкаго, добраго, снисходительнаго, а въ духѣ грознаго и безпощаднаго карателя всѣхъ противниковъ. Отъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій его, Іуды, содрогнется земля, затрепещутъ всѣ народы, какъ трепетали когда-то предъ Фараонами, Навуходоносорами, Сеннахиримами. Ему, Іудѣ, нужна только крѣпкая опора, т. е. несокрушимая сила и могущество Іисуса надъ природою и человѣкомъ, а распорядиться этою силою, утилизировать ее въ пользу Евреевъ, сумѣетъ онъ, Іуда... И тогда исполнитъ онъ слова пророка, что „богатство моря обра-

тится къ *нему*, достояніе народовъ прійдетъ къ *нему*, что множество зерблюдовъ“ доставятъ *ему* всѣ сокровища міра. „Драмодеры изъ Мадіама и Ефы, всѣ они изъ Савы прійдутъ, принесутъ (*ему*) золото и ладонъ, и возвѣстятъ славу Господа... Тогда сыновья иноземцевъ будутъ строить стѣны Іерусалима, и цари ихъ служить *ему*. И будутъ всегда отверсты врата Іерусалима, не будутъ затворяться ни днемъ, ни ночью, чтобы приносимо было достояніе народовъ и приводимы были цари ихъ. Ибо народъ и царства, которыя не захотятъ служить *ему*, погибнутъ; и такіе народы совершенно истребятся. И прійдутъ *къ нему* съ покорностію сыновья угнетавшихъ народъ Еврейскій, и падутъ къ стопамъ ногъ *его* всѣ презиравшіе *его*... *Онъ* будетъ насыщаться молокомъ народовъ и груди царскія сосать будетъ“ (Ис. 60 гл.). Тогда всѣ эти обѣщанія Іеговы, данныя чрезъ пророка, онъ, Іуда, выполнитъ съ буквальною точностію, при помощи Іисуса, добраго и нерѣшительнаго на такіе перевороты, предначертанные Самимъ Богомъ!

Но онъ, Іуда, ошибся въ своихъ разсчетахъ, не узналъ Хріста, не понялъ и словъ пророка, онъ обманулся въ своихъ дикихъ мечтахъ, и результатомъ всего этого явилось полное отчаяніе его, разочарованіе во всемъ и ненависть ко всему и самой даже жизни: кумиръ его палъ, идеалъ разрушенъ, мечты разлетѣлись! Все для него погибло и въ мірѣ нѣтъ ничего такого, изъ-за чего стоило бы жить. Такой исходъ неизбѣженъ по самой логикѣ фактовъ: если Хрістосъ, имѣющій въ своихъ рукахъ ключи жизни и смерти, не устоялъ въ борьбѣ съ Синедріономъ и палъ отъ руки Пилата, то никто другой, тѣмъ болѣе, не устоитъ! А потому, напрасны всѣ свѣтлыя мечты о какомъ—то мессіанскомъ царствѣ, которыми живетъ и по нынѣ каждый еврей,—все погибло для Іуды, не стоитъ жить!... А тутъ и совѣсть заговорила, что онъ продалъ Неповиннаго... И этотъ Предатель, совершивъ свое гнусное дѣло, „предавъ кровь неповинную“, погибаетъ!... Но онъ

не исключенъ со всѣми своими преемниками изъ молитвы Христа: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!* Пробудившаяся въ немъ совѣсть довершитъ дѣло покаянія и молитва Христа откроетъ ему дверь спасенія, дверь милосердія Божія.

Двухмилліонная толпа народная, [1]) собравшаяся на праздникъ въ Іерусалимъ, со всѣхъ концовъ міра, съ твердымъ намѣреніемъ провозгласить Іисуса царемъ, вдругъ, увидавъ Его приговореннымъ къ смерти, неистово кричитъ предъ Пилатомъ: распни, распни Его! Она забыла всѣ благодѣянія Христа, всѣ чудеса и милости Его, и вотъ безумно требуетъ смерти, предпочитая Ему даже разбойника Варавву. Она также не узнала Его, и теперь съ яростію мститъ Ему за свою ошибку. Ожидая отъ Него земнаго счастія для себя, грубо-чувственнаго устроенія своей судьбы на землѣ, она увидала теперь свою ошибку, обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, разочаровалась въ Немъ, и горячая фанатическая преданность Ему превратилась въ невыразимую ненависть къ Нему: вчера Онъ—предметъ поклоненія, а сегодня—проклятія и истребленія. Поддавшаяся наущенію первосвященниковъ, эта стихійная, разрушительная сила яростно ревѣтъ, подобно свирѣпымъ волнамъ разъяреннаго моря: Онъ—обманщикъ, Онъ—злодѣй, Онъ—ненуженъ, смерть Ему, распни Его!... И эта бурная волна народная, неукротимая въ своей ярости, готовая разнести все на своемъ пути, упивается теперь кровію невиннаго Іисуса.... Нѣтъ, не то было бы, если бы эта толпа узнала въ Іисусѣ Спасителя міра, „Господа славы“,— она не допустила бы Его до Пилата и Голгоѳы! Въ своемъ самоослѣпленіи распяли Христа эти безумцы. И мы слышимъ молитву за нихъ со креста: *„Отче, отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ“!*

---

1) По свидѣтельству Іосифа Флавія, на праздникъ Пасху собиралось въ Іерусалимъ со всѣхъ концовъ міра до 2,700,000 евреевъ.

Игемонъ Пилатъ, представитель Римской власти, зналъ, что первосвященники предали ему Іисуса „зависти ради“, и, разсматривая всѣ обвиненія ихъ противъ Хріста, находитъ Его невиннымъ. Онъ слышалъ и приговоръ Хріста надъ собой: „предавый Мя тебѣ болій грѣхъ имать“ (Ін. 19, 11). Мало того, „Пилатъ искалъ отпустить Его“ (ст. 12). Но онъ услышалъ угрозу себѣ отъ народа: „аще сего пустити, нѣси другъ кесаревъ. Всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ Кесаря“ (ст. 12), и, руководясь политическими соображеніями, нежелая лишиться благоволенія Кесаря изъ-за невиннаго Іисуса, онъ, „пріемъ воду, умы руцѣ предъ народомъ“ въ крови Праведника и, позорно заявивъ, что онъ „неповиненъ въ крови сего праведника“, предалъ Его на распятіе (Мѳ. 27, 24).

Позорное оправданіе предъ народомъ и исторіей: торжественно объявить на судѣ Подсудимаго невиннымъ и приговорить Его къ смерти! Какое ему дѣло, что Невинный умираетъ по его приговору: онъ думаетъ объ одномъ — какъ бы не лишиться ему благоволенія Кесаря. И этотъ Пилатъ, умывая свои руки въ *крови Праведника*, самъ произноситъ надъ собой страшный приговоръ вѣчнаго осужденія. Сознательно попрать правду и убить Невиннаго Праведника — это исключительный грѣхъ человѣческой жестокости. Нѣтъ смягчающихъ обстоятельствъ къ оправданію его. И Пилатъ сталъ во главѣ всѣхъ, сознательно попирающихъ правду на судѣ изъ-за боязни лишиться благоволенія Кесаря и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять земное свое счастіе. А потому, и за нихъ, какъ Хрістоубійцъ, несется молитва со креста: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!

Слуги архіерейскіе, издѣваясь надъ Невинной Жертвой, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ злой изобрѣтательности оскорбленій, ядовитыхъ насмѣшекъ, жестокихъ побоевъ. Они не думаютъ о томъ, Кто эта Невинная Жертва, для чего Его осудили на смерть, что выйдетъ

изъ такого осужденія; они видятъ и знаютъ только одно, что ихъ начальники ненавидятъ Хріста, и эту ненависть они стараются воплотить въ безчеловѣчныхъ своихъ дѣйствіяхъ. Жестокость въ издѣвательствахъ надъ Хрістомъ снискиваетъ имъ благоволеніе ихъ начальниковъ,—и этого имъ довольно! Они думаютъ только объ одномъ—чѣмъ и какъ угодить своимъ господамъ, какою жестокостію привлечь на себя ихъ вниманіе. И свои издѣвательства надъ Хрістомъ они превращаютъ въ дикую потѣху соревнованія въ жестокости, въ безумную оргію какой-то вакханаліи. Это—типъ служебной челяди низшаго ранга, которая безъ нужды употребляетъ насиліе и жестокость надъ жертвами ихъ издѣвательствъ, чтобы выслужиться тѣмъ въ глазахъ старшихъ. Какой позоръ, какой стыдъ для человѣческаго достоинства такое соревнованіе въ злыхъ насмѣшкахъ и жестокихъ издѣвательствахъ! Изъ какихъ низкихъ побужденій вытекаютъ всѣ поруганія ихъ надъ Хрістомъ! И въ какой постыдной для человѣка формѣ проявляется ихъ мерзкое и отвратительное человѣкоугодничество! И кому же? Злымъ богоубійцамъ, недостойнымъ носить званіе „человѣкъ“! Не зная Хріста, они издѣваются надъ Хрістомъ,—и потому причастны смерти Хріста. Понятно, что и за нихъ возносится молитва со креста: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!

Римскій воинъ, завоевавшій своимъ мечемъ весь міръ и обагрившій человѣческою кровію всю землю, представляетъ собою и доселѣ идеалъ военной дисциплины. Но эта дисциплина убила въ немъ „человѣка“ и вытравила въ его сердцѣ всякое чувство состраданія. Съ тупымъ равнодушіемъ онъ проливаетъ кровь человѣческую, какъ воду, и съ бо́льшимъ интересомъ разрываетъ онъ одежду Распятаго, чѣмъ проникаетъ въ страданія Умирающаго на крестѣ. Занимаясь такимъ пустымъ дѣломъ здѣсь-же, подъ крестомъ, онъ не содрагается при видѣ страшныхъ мученій Хріста. Его не смущаютъ потоки крови со креста,

Онъ тупъ, чтобы чувствовать всю невыразимую тяжесть этихъ страшныхъ минутъ,—онъ занятъ своимъ дѣломъ, и онъ далекъ отъ того, чтобы чувствовать близость предсмертной агоніи Умирающаго на крестѣ. Онъ выполнилъ свое служебное дѣло и спокойно созерцаетъ картину, отъ которой солнце скрыло свои лучи, а земля поколебалась въ своихъ основаніяхъ. Такое извращеніе въ немъ человѣческой природы дѣлаетъ и его преступнымъ участникомъ страданій умирающаго Хріста. Онъ самъ не знаетъ, что творитъ,—иначе онъ не былъ бы такъ тупъ и безсердеченъ къ страданіямъ Хріста. А потому, и за него возносится молитва со креста: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!

„И разбойника, распятая съ Нимъ, поношаста Ему“ (Мѳ. 27, 44). Страннымъ и непонятнымъ казалось бы, какимъ образомъ даже осужденные по винѣ и умирающіе на своихъ крестахъ возстаютъ своею хулою противъ невинно осужденнаго Хріста. Однако, это—фактъ, и этотъ фактъ повторяется и понынѣ: безсердечіе и строгость болѣе всего проявляется въ людяхъ преступныхъ. Наблюденіе и опытъ показываютъ: чѣмъ виновнѣе преступникъ, тѣмъ строже онъ относится къ согрѣшившему. Жестокость свойственна жестокимъ. Зачерствѣлое сердце не чувствуетъ состраданія къ невинному. И если невинный осужденъ, то онъ становится сугубо виновнымъ въ ихъ глазахъ, и, они, сами виновные, съ большимъ злородствомъ нападаютъ на невинность осужденнаго. Такова ужъ вся земля, и надъ этой-то землей носится божественное опредѣленіе по грѣхопаденіи прародителей: „проклята земля въ дѣлахъ твоихъ“ со всѣми обитателями ея (Быт. 3, 17) И разбойники, распятые со Іисусомъ, если бы знали и цѣнили „невинность“ въ человѣкѣ, не поносили бы неповиннаго Хріста! И если бы понимали, почему и для чего умираетъ безгрѣшный Хрістосъ, то съ благоговѣніемъ преклонились бы предъ Его „невинностію“! И если бы чувствовали сердцемъ, Кто

среди нихъ умираетъ съ такою молитвою на устахъ за Своихъ распинателей, то въ слезахъ покаянія поспѣшили бы омыть и исповѣдать свою виновность предъ Нимъ. Они не знали, что Хрістосъ обагрилъ проклятую землю Своею пречистою кровію, чтобы смыть съ нея грѣхъ человѣка, проклятіе осужденія за грѣхъ. А потому, и за нихъ несется молитва со креста: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!

Вникая так. обр., глубже во всѣ обстоятельства человѣческой жизни, мы видимъ, что молитва со креста обнимаетъ собою весь міръ, потому что „весь міръ волѣ лежитъ“ (1 Ін. 5, 19) и весь онъ повиненъ въ смерти Хріста. Всѣ указанныя нами лица вокругъ креста, были и будутъ на землѣ, и каждый изъ насъ, въ такой или иной мѣрѣ принадлежитъ къ какой-либо категоріи изъ нихъ. Но чтобы точнѣе опредѣлить, къ какой именно, необходимо стать каждому предъ Распятымъ и поглубже заглянуть въ свое сердце.

Хрістосъ молился со креста Молится и теперь за враговъ Своихъ, распинающихъ Его доселѣ въ лицѣ Его послѣдователей.

Хрістосъ съ Голгоѳы не сошелъ,
Хрістосъ, какъ прежде, тамъ страдаетъ,
Какъ прежде, міръ нашъ оглашаетъ
Его страдальческій глаголъ...

* * *

Онъ молитъ вновь:
„Отецъ Небесный!
Прости мучителямъ Моимъ!
До этихъ поръ мой подвигъ крестный
Остался чуждъ сердцамъ людскимъ.

* * *

До этихъ поръ вѣнокъ кровавый
Остался здѣсь, въ краю людскомъ,

Моимъ единственнымъ вѣнкомъ,
А для мучителей—забавой...

* * *

До этихъ поръ, главой кивая,
Проходитъ мимо фарисей,
Любовь и правду попирая
Въ сожженной совѣсти своей...

* * *

Но Мнѣ теперь изъ грѣшныхъ рукъ
Не прежній оцетъ преподносятъ,
Теперь вкусить иное просятъ
Для утоленья смертныхъ мукъ...

* * *

Грозя темницей и мечами,
Крича опять: „уа, Хрістосъ"!
Лукавый міръ Мнѣ преподнесъ
Фіалъ, наполненный слезами...

* * *

Слезами вдовъ и нищеты,
Слезами тѣхъ, кому объятья,
Я Самъ простеръ, какъ меньшимъ братьямъ,
Благословляя ихъ кресты...

* * *

Но Ты прости имъ, Отче правый!
Они не знаютъ, что творятъ:
Пока тельца боготворятъ,
Они не кончатъ пиръ кровавый...

* * *

Я выпью, Отче, весь до дна
Фіалъ, наполненный слезами:
За нимъ настанутъ времена
Моей побѣды надъ врагами...

(К. Образцовъ)

„Богъ судилъ быть намъ какъ бы приговоренными къ смерти; потому что мы сдѣлались позорищемъ для міра,

для Ангеловъ и человѣковъ“ (Кор. 4, 9). „За Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе“ (Рим. 8, 36). „Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей (2 Кор. 4, 11).

Распинатели Христа дѣйствуютъ и теперь. И то, что было на Голгоѳѣ, повторяется среди насъ. Виновниковъ и сообщниковъ Голгоѳской катастрофы мы видимъ своими глазами. Мы слышимъ ихъ,—они открыто говорятъ:

„Ты думаешь, Голгоѳа миновала,
При Понтіи Пилатѣ пробилъ часъ,
И жизнь уже съ тѣхъ поръ не повторяла
Того, что быть могло—единый разъ?
Иль ты забылъ? Недавно мы съ тобою
По площади бѣжали второпяхъ,
Къ судилищу, гдѣ двое предъ толпою
Стояли на высокихъ ступеняхъ.
И спрашивалъ одинъ, и сомнѣвался,
Другой молчалъ,—какъ и въ былые дни
Ты все впередъ, къ ступенямъ порывался...
Кричали мы: Распни его, распни!
Шелъ въ гору Онъ—ты помнишь?—безъ сандалій...
И ждалъ Его народъ изъ ближнихъ мѣстъ.
Съ Молчавшаго мы тамъ одежды сняли
И на веревкахъ подняли на крестъ.
Ты, помню, былъ на лѣстницѣ, направо...
Къ ладони узкой я приставилъ гвоздь.
Ты стукнулъ молоткомъ по шляпкѣ ржавой,—
И вникло остріе, не тронувъ кость.
Мы о хитонѣ спорили съ тобою,
Въ сторонкѣ сидя, у костра, вдвоемъ...
Не на тебя-ль попала кровь съ водою,
Когда ударилъ я Его копьемъ?
И не съ тобою ли у двери гроба

Мы тѣло сторожили по ночамъ?

. . . .

Вчера, и завтра, и до вѣка, оба—
Мы повторяемъ казнь—Ему и намъ.

(З. Гиппіусъ).

И эти заплечные мастера Голгоѳской казни натворили много дѣлъ и впереди не предвидится конца.

„Сколько въ лѣсѣ листовъ, столько въ полѣ крестовъ,
Сосчитай пригвожденныхъ Хрістовъ!
И Хрістосъ твой—соромъ: вотъ идутъ на погромъ—
И несутъ Его стягъ съ топоромъ.

(Вячеславъ Ивановъ).

И эта молитва со креста не остается безъ своего воздѣйствія и теперь на сердца многихъ, не внимавшихъ прежде призыву Хріста.

„Столько чудесъ сотворилъ Іисусъ предъ ними; и они не вѣровали въ Него... потому что ослѣпили глаза свои, и окаменили сердце свое, да не видятъ глазами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ“ (Ін. 12, 37—40; Ис 6, 10).

Но это невѣріе въ вѣкъ невѣрія пробуждается въ сознаніи къ покаянію.

Хрістосъ! Хрістосъ! Я не изъ тѣхъ,
Кто входитъ робкими стопами
Въ Твой храмъ безмолвный,—и утѣхъ
Для скорби сердца ищетъ въ Храмѣ.
Я не изъ тѣхъ, кого влечетъ
Твоя Голгоѳа, кто лобзая
Твой крестъ, въ раскаяніи льетъ
Моленья слезы... Нѣтъ, когда я
Стою подъ портикомъ святымъ,
Гдѣ сонмъ молящихся колѣни
Склоняютъ предъ лицомъ Твоимъ
Подъ звуки тихихъ пѣснопѣній,

Какъ клонится, порой, тростникъ
Подъ лаской вѣтерка морского, —
Хрістосъ! Мнѣ чуждо въ этотъ мигъ
Твоихъ молитвъ святое слово!
Увы, я поздно родился,
Я встрѣтилъ жизни увяданье,
И не являютъ небеса
Мнѣ ничего для упованья.
Смѣнился вѣкъ надеждъ святыхъ
На вѣкъ безстрашнаго сомнѣнья,
И ангеловъ, Хрістосъ, Твоихъ
Низвергъ онъ въ бездну разрушенья!
И славы блескъ Твоей погасъ:
Ты на крестѣ висишь предъ нами,
Еще удержанный гвоздями.

* * *

Да! Но пускай мои уста
Прильнутъ къ подножію креста,
И пусть моя слеза прольется
На этотъ прахъ! Хрістосъ внемли!
Я, рабъ безвѣрья и сомнѣнья,
Я возношу къ Тебѣ моленья
О возрожденіи земли!
Своею смертію когда-то
Ты далъ ей жизнь; теперь она
Вновь тлѣнію обречена.
О, Іисусъ, уже-ль возврата
Ей къ прежнему, спасенья нѣтъ,
Уже-ль одряхшимъ поколѣньямъ
Вновь не заблещетъ жизни свѣтъ?

(А. Мюссе).

Пробужденіе сознанія переходитъ въ слезное покаяніе предъ Распятымъ подъ воздѣйствіемъ молитвы со Креста.

Предъ ликомъ страждущимъ Хріста
Стою я, угнетенъ тоскою,

И думаю—какъ жизнь пуста,
Безцѣльно прожитая мною.
Полжизни шумныхъ кутежей,
Полжизни пошлаго разврата,
Да фразъ истрепанныхъ, рѣчей
О горѣ страждущаго брата.
И рѣчи лили мы волной,
За пьяной чашей круговой,
Въ часы разгула и досуга...
Хотѣли что-то совершить,
Да и отдѣлались словами...
Намъ не пришлось какъ надо жить
За шумомъ пира кутежами
Вся жизнь безцѣльно протекла...
Намъ чужды чистые восторги,
Въ глазахъ темно, туманъ и мгла,
Да чадъ въ мозгахъ отъ дикихъ оргій.
Полунѣмой, едва живой,
Я на Тебя гляжу, Учитель,
И мысль одна въ душѣ больной,
Спасать не стоитъ насъ, Спаситель!

(Вл. Гиляровскій).

„Невозможно, однажды просвѣщенныхъ, и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ, опять обновлять покаяніемъ; когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія, и ругаются Ему“ (Евр. 6, 4—6). „Если мы, получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ: то не остается болѣе жертвы за грѣхи, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ. Если отвергающійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается смертію: то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ“ (10, 26—29).

Нравственно-догматическая основа молитвы Спасителя со креста о прощеніи распинателей (Лк. 23, 34).

„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“.

Хрістосъ невинно осужденъ на смерть [1]): осужденъ какъ Царь—Мессія, какимъ призналъ Его народъ своимъ „осанна“ и какимъ Онъ Самъ заявилъ Себя на судѣ предъ Пилатомъ (Ін. 18, 33—38).

По закону Моисея и по уголовнымъ законамъ другихъ народовъ убійцы невиннаго подлежали смертной казни. Законъ Моисея говорилъ: „если кто убьетъ человѣка: то убійцу должно убить по словамъ свидѣтелей“ (Числ. 35, 30—31, 16; Исх. 12, 12; Лев. 24, 17; Втор. 19, 11; 17, 6). „Если выступитъ противъ кого свидѣтель несправедливый, обвиняя его въ преступленіи: то... судьи должны хорошо изслѣдовать, и если свидѣтель тотъ—свидѣтель ложный, ложно донесъ на брата своего: то сдѣлайте ему то, что онъ умышлялъ сдѣлать брату своему“ (Втор. 19, 16—19). Основной законъ Моисея: „око за око, зубъ за зубъ“ (Исх. 21, 24).

По этому закону убійцы Хріста подлежали смертной казни. И никто изъ посторонних не имѣлъ права ходатайствовать о прощеніи виновныхъ.

Но Хрістосъ отмѣнилъ этотъ законъ возмездія и замѣнилъ его Своимъ закономъ, закономъ всепрощающей любви. По этому закону оскорбленный долженъ прощать своего оскорбителя. Ему, слѣдов., и предоставлено право ходатайствовать о прощеніи виновнаго. „Вы слышали, го-

---

1) Пилатъ шесть разъ объявлялъ Іисуса невиннымъ и призналъ Его праведникомъ: Ін. 18, 38=Лк. 23, 4; Лк. 23, 14; Лк. 23, 22; Ін. 19, 4; Ін. 19, 6; Мѳ. 27, 24. Иродъ, ничего не нашелъ въ Немъ достойнаго смерти: Лк. 23, 15. Жена Пилата ходатайствовала за Него, какъ Праведника: Мѳ. 27, 19. Іуда раскаялся, что „предалъ кровь невинную“: Мѳ. 27, 4. Первосвященники подтвердили это, признавъ 30 сребренниковъ „цѣною крови“: Мѳ. 27, 6. Сотникъ, стоявшій при крестѣ, исповѣдалъ Іисуса праведникомъ: Лк. 23, 47 1. Вотъ сколько свидѣтелей о невиновности Іисуса открылось на судѣ.

ворить Хрістосъ въ Своей Нагорной проповѣди, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противиться злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего, и ненавидь врага твоего. А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ: да будете сынами Отца вашего небеснаго" (Мѳ. 5, 38—39, 43—45).

И этотъ законъ вѣчной правды и милосердія Онъ оправдалъ Своимъ примѣромъ и запечатлѣлъ вѣчность его Своею молитвою на крестѣ: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ"*! Только Онъ одинъ могъ простить Своихъ распинателей по закону вѣчной правды и любви.

Но, прощая Своихъ враговъ за Себя, Онъ въ то же время ходатайствуетъ о прощеніи ихъ и предъ Отцемъ Своимъ Небеснымъ: потому что грѣхъ противъ Него есть грѣхъ и противъ Отца: „вѣрующій въ Меня не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня" (Ін. 12, 44). „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца" (Ін. 14, 9). „Кто Меня приметъ, тотъ не Меня принимаетъ, но пославшаго Меня" (Мр. 9, 37). „Ненавидящій Меня ненавидитъ и Отца Моего" (Ін. 15, 23). „Я и Отецъ одно" (Ін. 10, 30).

Въ виду такого единства Хріста, какъ Сына Божія, съ Отцемъ Небеснымъ, грѣхъ распинателей есть грѣхъ и противъ Отца. А потому, никто, кромѣ Сына, не можетъ ходатайствовать предъ Отцемъ о прощеніи грѣха распинателей. Только Хрістосъ, какъ „пострадавшій" и какъ безгрѣшный имѣетъ право умолять Отца Небеснаго о прощеніи Своихъ враговъ. Только оскорбленный имѣетъ право прощать своихъ оскорбителей. Только безгрѣшный можетъ ходатайствовать о помилованіи виновныхъ. А грѣшный самъ нуждается въ помилованіи. И этотъ законъ вѣчной правды Хрістосъ осуществляетъ въ Своей молитвѣ со креста: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ"*!

Примѣръ Хріста и Его молитва со креста есть вѣчный и непреложный законъ и для всѣхъ насъ не только прощать своихъ враговъ, но и молиться за враговъ во имя Хріста (Ін. 16, 23—27; 15, 7). „Когда стоите на молитвѣ; прощайте, если что имѣете на кого, дабы и Отецъ вашъ небесный простилъ вамъ согрѣшенія ваши“ (Мр. 11, 25). Ясно, что сила и дѣйствіе молитвы обусловливается прощеніемъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ прощенія,—не пріемлется и молитва. И если бы Хрістосъ не простилъ Своихъ распинателей, то Онъ не могъ бы и ходатайствовать о прощеніи грѣха ихъ. А грѣхъ распинателей есть грѣхъ всего міра, грѣхъ, въ которомъ сливаются грѣхи всего человѣчества. А потому, молитва Его со креста есть молитва Искупителя и Спасителя всего міра.

Прощеніе враговъ, сопровождаемое молитвою за враговъ, есть проявленіе всеобъемлющей любви Божіей. Спасеніе міра, совершенное крестною смертію Хріста, вытекаетъ изъ вѣчной любви Божіей къ падшему человѣчеству. „Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего единароднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Ін. 3, 16). Отсюда основа хрістіанкой жизни есть любовь и само хрістіанство есть воплощеніе, реализація, осуществленіе вѣчной Божественной любви Божіей, проявленной въ крестной смерти Хріста. Тамъ, гдѣ всепрощающая любовь, тамъ и Хрістосъ; а гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и Хріста, а безъ Хріста нѣтъ и хрістіанства. Только воплощающіе въ себѣ любовь Хрістову могутъ такъ говорить о себѣ: „любовь Хріста объемлетъ насъ всѣхъ“ (2 Кор. 5, 14). А неимѣющіе въ своемъ сердцѣ любви къ ближнему лишаются и любви Хрістовой, любви Божіей. Смерть Хріста показала намъ, что „Богъ есть любовь“ (1 Ін. 4, 8). Но этой смерти мы не понимали бы, если бы не было молитвы со креста: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“*!* Такую молитву можетъ возносить къ Отцу Небесному только чистая, святая и безграничная

любовь Божія. И эта-то молитва со креста говоритъ намъ, что царство Хріста есть царство любви (Ін. 15, 13; 13, 35; 1 Ін. 3, 1, 16; 4, 16, 12). А слѣдов., членомъ этого царства можетъ быть только тотъ, кто, по примѣру Хріста, возноситъ эту молитву за своихъ враговъ: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“*.

Молитва Хріста произнесена была со креста. А крестъ былъ центромъ міровой исторіи человѣчества. Вокругъ креста сосредоточены были всѣ силы ада, всѣ страсти и пороки человѣчества, всѣ умы и сердца людей весь благоговѣйный трепетъ небожителей предъ величіемъ тайны искупленія. Здѣсь, на крестѣ, въ страданіяхъ и смерти Хріста, разрѣшалась вѣчная судьба человѣчества, проблема добра и зла, роковая борьба и вѣчная побѣда истины надъ ложью, добра надъ зломъ, любви и благости Бога надъ враждою и ненавистью противниковъ Бога. Крестъ — это такой пунктъ, куда устремлены были взоры всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, праведниковъ и поборниковъ истины и добра во всеміpной исторіи человѣчества. Голгоѳская молитва и смерть на крестѣ опредѣляютъ: быть или не быть человѣку на своемъ мѣстѣ по плану Божественнаго міроздания, быть или не быть ему выразителемъ безконечныхъ совершенствъ Бога, осуществить ему или не осуществить вѣчный идеалъ Творца, положенный въ основу всего міра, вѣнцомъ котораго назначенъ человѣкъ, открыть или оставить закрытымъ для человѣка путь на небо, т. е. безконечному совершенству, безграничному проявленію свойствъ Бога, вѣчному блаженству человѣка чрезъ постепенное гармоническое единеніе съ Божествомъ путемъ усвоенія божественныхъ совершенствъ и свойствъ Его природы. Смерть Богочеловѣка на крестѣ открываетъ всѣмъ людямъ свободный путь къ богочеловѣчеству.

Такова тайна креста и молитвы со креста. И эту тайну открываетъ намъ Самъ Хрістосъ.

Прощаясь съ учениками предъ Своимъ выступленіемъ на крестную смерть, Хрістосъ ясно и опредѣленно указываетъ имъ и виновника Своей смерти. „Идетъ князь міра сего“, съ которымъ Онъ вступитъ въ рѣшительную борьбу, и успѣхъ Своей побѣды гарантируетъ предъ учениками тѣмъ, что Онъ, „князь міра во Мнѣ не имѣетъ ничего“ (Ін. 14, 30). Торжество Своей побѣды надъ княземъ міра Хрістосъ уже раньше возвѣстилъ: „нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“ (Ін. 12, 31) потому что онъ, „князь міра сего“, уже „осужденъ“ (Ін. 16, 11).

Самое воплощеніе Сына Божія имѣло своею цѣлію „разрушить дѣла діавола“ (1 Ін. 3, 8) и Своею „смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, т. е. діавола“ (Евр. 2, 14) и так. обр., „избавить насъ отъ власти тьмы“ (Кол. 1, 13). И дѣйствительно, Своею смертію на крестѣ Онъ, „отнявъ силу у начальствъ и властей, властно подвергъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собой“ (Кол. 2, 14—15).

Итакъ, главнымъ виновникомъ смерти Хріста, былъ сатана. Распятіе Хріста есть дѣло сатаны въ своемъ историческомъ проявленіи. А распинатели? Ихъ роль—роль исполнителей воли сатаны. Погрязшіе въ своихъ страстяхъ, они впали въ сѣти діавола (1 Тим. 3, 7; 2 Тим. 2, 26) и дѣйствовали „по волѣ князя, господствующаго въ воздухѣ, духа, дѣйствующаго въ сынахъ противленія“ (Еф. 2, 2). Какъ рабы діавола, „они исполняли похоти отца своего діавола“ (Ін. 8, 44). И дѣйствительно, когда „первосвященники, и начальники храма и старѣйшины“ явились въ садъ Геѳсиманскій, „чтобы взять Іисуса“, то Онъ сказалъ имъ: „каждый день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, и вы не поднимали на Меня рукъ; но теперь ваше время и власть тьмы“ (Лк. 22, 52—53). И эта власть тьмы проявилась въ томъ, что первосвященники и старѣйшины распяли Хріста.

Так. обр., распятіе Хріста есть дѣло сатаны. Объ этомъ

положительно говорятъ Евангелисты и подтверждаетъ Самъ Хрістосъ. Такъ Іоаннъ говоритъ, что „діаволъ вложилъ въ сердце Іудѣ Симонову Искаріоту предать Іисуса“ (Ін. 13, 2). Ев. Лука дополняетъ, что „сатана вошелъ въ Іуду“ и руководилъ его дѣйствіями (Лк. 22, 3), а Іоаннъ точнѣе отмѣчаетъ этотъ фактъ: „Хрістосъ, обмакнувъ кусокъ хлѣба, подалъ Іудѣ. И послѣ сего куска вошелъ въ него сатана“, и Іуда тотчасъ же оставилъ вечерю и отправился къ первосвященникамъ за стражей (Ін. 13, 26—27, 30). Вѣрность всего этого подтверждаетъ Самъ Хрістосъ тѣмъ, что еще въ Капернаумской синагогѣ Онъ назвалъ Іуду діаволомъ (Ін. 6, 70); а всѣхъ іудеевъ обличилъ въ томъ, что они хотятъ исполнить похоти отца своего діавола, который „былъ человѣкоубійца отъ начала“ (Ін. 8, 44).

Указанныя обстоятельства крестной смерти Хріста съ опредѣленною точностію устанавливаютъ отношеніе распинателей Хріста къ факту распятія и тѣмъ самымъ выясняютъ смыслъ и значеніе молитвы со креста о прощеніи ихъ грѣха. Діаволъ, этотъ „богъ вѣка сего ослѣпилъ ихъ умы, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Хріста, который есть образъ Бога невидимаго“ (2 Кор. 4, 4). И „невѣрующіе“ распинатели, исполняя „волю князя міра сего“ (Еф. 2, 2), подъ вліяніемъ своихъ страстей, воплотили въ себѣ все зло міра сего (1 Ін. 5, 19) и направили его противъ Хріста, убивъ Его на крестѣ. Ихъ грѣхъ, какъ исходящій отъ діавола и направленный противъ Хріста и Бога, есть грѣхъ всего міра, который является участникомъ убіенія Хріста. Отсюда и молитва за распинателей со креста есть молитва за весь міръ, „лежащій во злѣ“ (1 Ін. 5, 19) и потому повинный въ смерти Хріста. Каждый человѣкъ своимъ грѣхомъ и невѣріемъ распинаетъ Хріста (Евр. 6, 6), такъ какъ онъ исполняетъ злую волю діавола, направленную противъ Бога. Въ виду этого молитва со креста обнимаетъ собою весь міръ, насколько является онъ распинателемъ Хріста. А смыслъ и значеніе этой молитвы пояснилъ

намъ Самъ Хрістосъ. Посылая ап. Павла съ проповѣдію Евангелія къ язычникамъ, Онъ указываетъ и конечную цѣль такого посольства: „открыть глаза имъ, чтобы они обратились отъ тьмы къ свѣту, и отъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощеніе грѣховъ и жребій съ освященными“ (Дѣян. 26, 18). Но чтобы вѣрою въ Іисуса люди могли получить прощеніе своихъ грѣховъ, для этого и необходима была молитва Искупителя со креста: *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“!* Безъ этой молитвы ни одинъ человѣкъ не можетъ получить прощенія грѣховъ отъ Бога.

Спасеніе міра совершилось на крестѣ. Прощеніе даровано по молитвѣ Хріста, и людямъ остается принять и усвоить милость Хріста и ждать суда за пренебреженіе Его дара.

„И когда пришли на мѣсто, называемое лобное; тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону“ (Лк. 23, 33).

И—пройденъ крестный путь... Голгоѳа... Совершилось...
И распятъ былъ Хрістосъ, страданіемъ Своимъ
Исполнившій завѣтъ... И въ мірѣ искупилось
Все зло; вся тьма грѣха развѣялась какъ дымъ...
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка... Но мы увидимъ снова
Среди сыновъ вражды грядущаго Хріста:
Пройдетъ Онъ посреди смятенія земного,—
Но не подъ бременемъ сіонскаго креста...
Нѣтъ, трепещи земля, поправшая такъ много
Завѣтовъ Истины великой и благой!...
Придетъ къ тебѣ Хрістосъ, но въ грозной славѣ Бога,
Не всепрощающимъ Страдальцемъ, а—Судьей...

(Аполлонъ Коринѳскій).

И этотъ судъ неизбѣженъ, если мы продолжаемъ распинать Хріста и кричать,—подобно древнимъ іудеямъ:

„Распни Его! Распни! Варавв dай свободу!
Вопила яростно толпа и ей въ угоду.

* * *

Позорно пролита была святая кровь
Того, Кто возвѣстилъ прощенье и любовь".

(В. Лихачевъ).

„Но они продолжали съ великимъ крикомъ требовать, чтобы Онъ (Іисусъ) былъ распятъ; и превозмогъ крикъ ихъ и первосвященниковъ. И Пилатъ рѣшилъ быть по прошенію ихъ. И отпустилъ имъ посаженнаго за возмущеніе и убійство въ темницу, котораго они просили; а Іисуса предалъ въ ихъ волю" (Лк. 23, 23—25).

Хрістосъ былъ распятъ и убитъ, Варавва пущенъ на свободу
Но крикъ „распни"! не прекращенъ, — мы слышимъ ясно и теперь.

Голгоѳскій Искупитель.

Лукаво выданный своимъ ученикомъ,—
Онъ былъ жестокому подвергнутъ поруганью:
Увѣнчанъ терніемъ и преданъ бичеванью,
И осужденъ на смерть неправеднымъ судомъ.
И былъ Онъ на крестѣ позорно пригвожденъ,
Обагрена земля божественною кровью;
Но съ высоты креста изрекъ прощенье Онъ,
Учившій воздавать за зло любовью.

(Кругловъ).

Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Совершилось искупленье—
И озарило міръ великое ученье:

* * *

Пріявшему отъ насъ и муки и хулы
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы;

* * *

Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ же фарисеи!
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи

* * *

Порою чуть блеснетъ—ужъ въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ;

* * *

А если прозвучитъ нежданно и сурово
Отважнаго ума бичующее слово—

* * *

О, въ тѣ мгновенія ретивы и дружны,
Безумно-яростной враждой ослѣплены,—

* * *

Мы полчищу Вараввъ предать себя готовы,
Чтобы наложить на мысль безмолвія оковы:

* * *

Вараввы насъ тогда не устрашаютъ—нѣтъ,
Мы передъ истиной дрожимъ: намъ страшенъ свѣтъ.

(В. Лихачевъ).

Съ тѣхъ поръ столѣтія надъ міромъ протекли...
Во храмѣ гимны мы Распятому возносимъ,—
И гонимъ истину, ея сыновъ поносимъ,
И распинаемъ тѣхъ, кто свѣтъ и соль земли!

(Кругловъ).

Возраженія противъ молитвы со креста „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“ (Лк. 23, 34).

Противъ молитвы Спасителя со креста ставятъ слѣдующіе вопросы:

1) Не противорѣчитъ ли эта молитва приговору Христа на послѣднемъ судѣ: „идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его“ (Мѳ. 25, 41—46)?

2) Своимъ ходатайствомъ о прощеніи распинателей, которые такъ попираютъ волю Божію, законъ Божій и всякую правду, не отрицаетъ ли она правду въ Богѣ?

3) Парализуя всѣ нравственные законы, карающіе преступниковъ за ихъ беззаконія, не поощряетъ ли она безнаказанностію ихъ развитіе зла на землѣ?

4) Если Богъ прощаетъ хрістоубійцъ и награждаетъ ихъ Своимъ благоволеніемъ, то не утрачиваетъ ли Онъ тѣмъ всѣ свои нравственныя совершенства?

Всѣ эти вопросы, при непониманіи искупительнаго акта крестной смерти Хріста—Спасителя, могутъ смущать многихъ. Такъ, по первому вопросу, Хрістосъ на судѣ представляется совершенно другимъ, чѣмъ на крестѣ. Это—два лица, взаимно исключающіе другъ друга. На крестѣ Онъ молится о прощеніи грѣховъ не только Своихъ злѣйшихъ враговъ, безпримѣрно-жестокихъ и несправедливыхъ, но и страшныхъ богохульниковъ: а въ день Суда Онъ караетъ вѣчнымъ наказаніемъ вмѣстѣ съ діаволомъ тѣхъ, которые не накормили голодныхъ, не посѣтили больныхъ, не утѣшили заключенныхъ. Если сопоставить дѣла тѣхъ и другихъ, то получится такое разстояніе ихъ между собою, какъ неба отъ земли. Здѣсь злоба, ненависть и жестокость, а тамъ выставляется только неоказаніе милости голодному, холодному, больному, страннику и заключенному, въ страданіяхъ которыхъ они невиновны. Здѣсь страдаетъ и умираетъ лютою смертію отъ распинателей Самъ Хрістосъ, а тамъ претерпѣваютъ нужду только меньшіе изъ братій Его. Здѣсь испрашивается полное прощеніе и милости, неразрывныя съ прощеніемъ, а тамъ посылаются на мученія въ вѣчный огонь съ діаволомъ. И если здѣсь представляется возражателямъ Хрістосъ несправедливо милостивымъ, то тамъ незаслуженно жестокимъ.

Все это можетъ смущать, но только тѣхъ, кто поверхностно смотритъ на дѣло Хріста, не углубляется въ искупительный актъ Его смерти и не понимаетъ, въ чемъ состоитъ самое искупленіе. На крестѣ въ день смерти и на престолѣ славы въ день Суда—два положенія, два момента совершенно различные, но тѣсно связанные между

собою внутреннимъ единствомъ: на крестѣ Хрістосъ—Искупитель міра, а на престолѣ Онъ—Судія всего міра. Искупленный Имъ міръ подлежитъ Его суду, и наказаніе, опредѣляемое въ день Суда, вытекаетъ изъ пренебретенія того, что далъ имъ Искупитель со креста. Всѣ люди получили помилованіе на крестѣ, и это помилованіе каждый долженъ былъ съ благодарностію принять, усвоить, воплотить въ себѣ и преобразить себя по образу Хріста. Искупленіе не есть внѣшній актъ измѣненія положенія человѣка, перевода изъ одного мѣста въ другое, по наглядному представленію—изъ ада въ рай, а это есть внутреннее возрожденіе человѣка, измѣненіе его природы, всего существа не только духовнаго, но и физическаго. И разъ искупленные не преобразились по образу Хріста, не восприняли Его духа, не усвоили Его природы, а остались такими же чувственными, жестокими и непокорными Богу, то нѣтъ имъ мѣста со Хрістомъ, они идутъ въ вѣчный огонь къ діаволу, которому служили, отвергнувъ милость Искупителя. О таковыхъ ап. Павелъ говоритъ: „Или не знаете, что неправедные царства Божія не наслѣдуютъ? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наслѣдуютъ. И такими были нѣкоторые изъ васъ: но омылись, но освятились, но оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Хріста и Духомъ Бога нашего“ (1 Кор. 6, 9—11). Ясно, что кто изъ искупленныхъ „омылся“, „освятился“ и „оправдался“, тотъ и будетъ съ своимъ Искупителемъ въ Его царствѣ вѣчной славы. А кто отвергъ своего Искупителя, тотъ остается подъ властію діавола и идетъ къ діаволу. Хрістосъ разъ навсегда умеръ за всѣхъ людей. И если кто отвергъ Его даръ спасенія, то онъ не приметъ и отвергнетъ его и въ томъ случаѣ, если бы Хрістосъ умеръ за него во второй и третій разъ. А потому, нѣтъ нужды Хрісту повторять Свою жертву на крестѣ.

Ап. Павелъ о такомъ психическомъ состоянiи пренебрегшихъ даромъ Божiимъ говоритъ такъ: „невозможно однажды просвѣщенныхъ, и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божiя и силъ будущаго вѣка. и отпадшихъ, опять обновлять покаянiемъ; когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божiя, и ругаются Ему“ (Евр. 6, 4 -6).

Отсюда молитва со креста есть не только ходатайство о прощенiи распинателей, но и вѣчный приговоръ на отвергающихъ даруемое имъ спасенiе.

Второе возраженiе—не отрицается ли правда Божiя ходатайствомъ о прощенiи распинателей, разрушающихъ всякую правду;—устраняется тѣмъ, что молитва эта несется со креста изъ устъ Умирающаго на немъ за грѣхъ всего мiра. Тотъ, Кто добровольно принялъ на Себя отвѣтственность за грѣхи всѣхъ людей, имѣетъ право, не нарушая правды, ходатайствовать о прощенiи всѣхъ. Прощенiе это дается, также безъ нарушенiя правды Божiей, въ виду того, что виновные, въ лицѣ ходатая за нихъ, являются уже наказанными за свои грѣхи. Наказанiе Невиннаго вмѣняется виновнымъ, по безконечной благости Божiей, въ силу нравственнаго, воздѣйствiя его на послѣднихъ и подъ условiемъ духовнаго ихъ возрожденiя при усвоенiи искупительной жертвы Христа. Получаютъ прощенiе по молитвѣ Христа только тѣ, кто, при взглядѣ на распятаго Христа, горько, горько оплакиваетъ предъ Нимъ свой грѣхъ, свое участiе въ распятiи Его. А если такъ, то кто же можетъ ограничить милость прощенiя при такихъ обстоятельствахъ? Прощенiе оскорбленнымъ своего оскорбителя не можетъ быть нарушенiемъ юридической правды: потому что прощенiе есть неотъемлемое право каждаго и проявленiе высшей правды, а не нарушенiе ея. Прощенiе можетъ еще быть нѣкоторымъ нарушенiемъ правды только въ томъ случаѣ, когда оно является актомъ насилiя и ведетъ къ разрушенiю, а не укрѣпленiю добра.

Третіе возраженіе—прощеніе и безнаказанность распинателей не поощряетъ ли развитіе зла на землѣ—вытекаетъ не изъ существа самаго прощенія, а изъ злоупотребленія прощеніемъ. А тамъ, гдѣ злоупотребляютъ даромъ, не дается и дара. Относительно этого Хрістосъ далъ положительную заповѣдь апостоламъ: „не давайте святыни псамъ, и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобъ онѣ не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали васъ“ (Мѳ. 7, 6). Ясно, что только достойные, т. е. глубоко сознающіе свой грѣхъ и и горько оплакивающіе его, получаютъ съ невыразимою радостію даръ прощенія своихъ грѣховъ и съ твердою рѣшимостію уже болѣе не грѣшить. А въ подобныхъ случаяхъ прощеніе не развиваетъ зло, а укрѣпляетъ добро. Злоупотребляющіе же даромъ прощенія, которые, послѣ такой милости, продолжаютъ съ большею дерзостію грѣшить, разсчитывая на безмѣрный даръ всепрощенія, лишаются милости Божіей. И для нихъ молитва со креста остается недѣйственною.

Четвертое возраженіе—не утрачиваетъ ли Богъ своихъ нравственныхъ совершенствъ, если Онъ, прощаетъ хрістоубійцъ—разрѣшается уже разъясненіемъ предыдущихъ возраженій. Господь Богъ, создавъ человѣка, далъ ему высшій даръ—свободу. И актъ спасенія человѣка есть актъ проявленія высшей свободы какъ со стороны Бога спасающаго, такъ и со стороны человѣка спасаемаго. Безъ свободы нѣтъ спасенія. Безъ свободы есть только насиліе. А тамъ, гдѣ насиліе нѣтъ и нравственнаго добра. И если бы молитва Хріста о прощеніи лишала человѣка свободы и спасала грѣшника противъ его воли, то она ограничивала бы нравственныя совершенства Бога. Но въ дѣйствительности она вызываетъ въ грѣшникѣ слезы покаянія и кающемуся открываетъ дверь спасенія, въ которую онъ съ радостію входитъ, по своему доброму искреннему желанію. И въ такомъ состояніи покаявшійся грѣшникъ перестаетъ

уже грѣшить, потому что онъ возненавидѣлъ уже свой грѣхъ, о чемъ говоритъ самое покаяніе его. Вѣдь покаяніе есть актъ отреченія отъ грѣха, проявленіе ненависти ко грѣху. Что молитва со креста не лишаетъ свободы человѣка и оправдываетъ все сказанное выше, это подтверждаетъ намъ Евангельскій фактъ: изъ двухъ разбойниковъ, распятыхъ со Христомъ, только одинъ откликнулся на молитву Христа и своимъ покаяніемъ получилъ свободный входъ въ рай, открытый для всѣхъ молитвою Христа (Лк. 23, 42—43).

Так. обр., молитва со креста есть самое ядро въ актѣ спасенія людей. Эта молитва есть ходатайство „единаго" „Ходатая предъ Отцемъ, праведника", который есть умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра" (1 Ін. 2, 1—2). „Ибо единъ Богъ, единъ и посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, предавшій Себя для искупленія всѣхъ" (1 Тим. 2, 5—6). И это ходатайство было принято Отцемъ Небеснымъ, какъ говоритъ ап. Павелъ: „Онъ во дни плоти своей, *съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія* могущему спасти Его отъ смерти; и услышанъ за свое благоговѣніе", (какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ славное воскресеніе Его); „хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навыкъ послушанію; и совершившись сдѣлался для *всѣхъ послушныхъ Ему* виновникомъ спасенія вѣчнаго" (Евр. 5, 7—9).

И эта молитва со креста есть выраженіе всего христіанства: потому что она говоритъ о вѣчной любви Бога ко всѣмъ людямъ и заповѣдуетъ такую же любовь всѣмъ людямъ: любовь всепрощенія и молитвы за враговъ. Но она обнимаетъ собою только „*послушныхъ Ему*".

Дѣйствительно, только „*послушные Ему*" являются наслѣдниками вѣчнаго спасенія. Непокорные же и противящіеся Ему подлежатъ вѣчному осужденію. Вотъ что говоритъ объ этомъ ап. Павелъ:

„Если мы, получивъ познаніе истины, произвольно грѣшимъ: то не остается болѣе жертвы за грѣхи, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ. Если отвергшійся закона Моисеева, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, безъ милосердія наказывается смертію: то сколь тягчайшему, думаете, наказанію повиненъ будетъ тотъ, кто попираетъ Сына Божія, и не почитаетъ за святыню кровь завѣта, которою освященъ, и Духа благодати оскорбляетъ“ (Евр. 10, 26—29)?

Так. обр., съ разъясненіемъ внутренняго характера молитвы со креста и всѣхъ обстоятельствъ ея дѣйствія на людей, всѣ возраженія противъ нея падаютъ сами собою. Только поверхностное отношеніе къ смерти Христа и легкомысленное непониманіе словъ Христа можетъ вызывать и ставить столь неосновательные вопросы противъ молитвы со креста!

Съ психологической точки зрѣнія, смерть Христа и молитва со креста вызываетъ не безпечность о спасеніи и нравственное отупѣніе, а горячія слезы покаянія и пламенную молитву о помилованіи. Вѣрующій христіанинъ, вникнувъ въ проявленіе безграничной любви Божіей въ крестной смерти Христа, стоя предъ Распятымъ, льетъ слезы рѣкою и трепетно шепчетъ молитвую свою:

„*На древѣ Распятый*! распни мои страсти,
Пречистою Кровью мнѣ скверну омой:
Терпѣвый обиды! избавь отъ напасти,
Отъ тяжкихъ соблазновъ меня Ты укрой.

* * *

Главу обагренну на грудь преклонивый!
Житейскую гордость во мнѣ Ты смири,
И нравъ мой мятежный и духъ мой строптивый
Въ покорность и кротость овцы претвори.

* * *

Въ стопы прободенный, страдавшій отъ муки!
Стопы моя къ правдѣ и свѣту направь,

Изъязвленной дланью храни мои руки
Отъ дѣлъ нечестивыхъ, ко благу наставь.

* * *

Желчь съ оцтомъ устами своими вкусивый,
Отъ жажды томяся на древѣ честномъ!
Очисти языкъ мой и студный, и лживый,
И даруй храненье нечистымъ устамъ.

* * *

Копьемъ прободенное сердце имѣяй!
Въ моемъ сердцѣ двери открой для любви,
Чтобы къ Богу и ближнимъ душой пламенѣя,
Я могъ исполнить велѣнья Твои;

* * *

Чтобъ чистой любовью, какъ свѣтомъ сіяя,
Мнѣ славѣ Господней всю жизнь послужить;
Чтобъ братьевъ заблудшихъ, на путь наставляя,
Во дворъ ихъ церковный изъ тьмы приводить.

* * *

Прославивъ съ любовью Хрістово терпѣнье,
Къ Тебѣ я, Сынъ Божій, взываю съ мольбой:
Заблудшимъ собратьямъ подай вразумленье,
Да чтутъ они крестъ Твой предивный—святой....

И эта молитва предъ Распятымъ на крестѣ, очищая сердце и укрѣпляя волю, воспламеняетъ духъ горячимъ и чистымъ порывомъ къ новой молитвѣ. Чистыя уста, съ благоговѣйнымъ трепетомъ радостнаго сердца, изливаютъ настроеніе духа въ слѣдующихъ словахъ:

Предъ Тобою, мой Богъ,
Я затеплю свѣчу —

О прощеньи грѣховъ
Я молиться хочу.
Боже, помилуй мя!

Твой Божественный Ликъ
На иконѣ святой
Всѣмъ прощенье сулитъ,
И любовь, и покой.
Боже, помилуй мя!

Ты страдалъ на Крестѣ,
Пролилъ кровь за людей;
Насъ съ Отцомъ примирилъ
Крестной смертью Своей.
Боже, слава Тебѣ!

На поносномъ Крестѣ
И въ терновомъ вѣнцѣ
Ты Отца умолялъ
За враговъ при концѣ.
Боже, слава Тѣбѣ!

Ты и намъ завѣщалъ
Не роптать на людей,
Повелѣлъ забывать
Объ обидѣ своей.
Боже, слава Тебѣ!

Предъ Тобою, мой Богъ,
Нынѣ я предстою
И съ поникшей главой
О прощеньи молю.
Боже, помилуй мя

Изъ нужды, нищеты
Мнѣ исходъ укажи.
И въ несчастьи—бѣдѣ
Ты меня поддержи.
Боже, помилуй мя!

От соблазновъ, грѣховъ
Отклони, сохрани,
Духа злобы, вражды
Отъ меня отжени.
Боже, помилуй мя!
И людямъ послужить
Дай мнѣ силу, Творецъ!
Чтобъ съ спокойной душой
Встрѣтить жизни конецъ.
Боже, услыши мя!

Крестная смерть Iисуса Христа.

Въ изступленiи дикомъ терзаютъ...
А страдалецъ взываетъ къ Отцу:
„Отче! милостивъ буди къ неправдамъ,—
Вѣдь не знаютъ они, что творятъ!

* * *

А въ отвѣтъ на молитву Христа
Дикiй хохотъ несется кругомъ,
Онъ взываетъ къ Отцу, безпомощный;
А народъ?—„Пусть сойдетъ со креста“!

* * *

„Боже Мой, Боже! Зачѣмъ Ты оставилъ
Страдать такъ люто отъ враговъ“?!..
„Ты—безгрѣшенъ.... но Ты долженъ
Смыть „грѣхъ мiра на крестѣ“!

Отвѣтъ Отца на молитву.

* * *

Злая брань, дикiй ревъ и насмѣшка
Отвѣчаютъ Страдальцу на зовъ!...
Стонетъ мiръ, стонетъ все проклятьемъ ада:
Чаша гнѣва за грѣхъ пролита!...

* * *

Какъ отверженецъ неба, Онъ, одинокiй,
Умирая, виситъ на крестѣ.

Онъ одинъ—безъ грѣха, Милосердый,
Такъ не мѣсто Ему на землѣ!

* * *

Мы погрязли въ грѣхахъ безконечно,—
Намъ мучительна святость Его:
Стонетъ адъ, а народъ повторяетъ,
Изрыгая проклятья Ему!

(Кр-н-въ П.).

Крестная смерть Іисуса Христа,—источникъ и залогъ нашего спасенія, неопровержимая печать истины Его ученія и всего служенія,—поднимаетъ предъ нами завѣсу, которая до времени прикрывала предвѣчный Совѣтъ о спасеніи человѣка, и обнажаетъ тайныя пружины человѣческихъ дѣйствій вокругъ креста. То, что совершилось на Голгоѳѣ, повторяется во все время исторической жизни человѣчества. Тѣ страсти, скрытые мотивы, то лицемѣріе и ненасытимая жадность къ золоту, власти и земной славѣ, та чувственная испорченность, низкая продажность и вѣроломная измѣна, та дикая жестокость и поразительная несправедливость, которая клокотала адскимъ пламенемъ вокругъ креста,—всѣ эти страсти остаются дѣйствующими пружинами въ мірѣ и до-нынѣ, хотя безъ сомнѣнія, въ меньшихъ размѣрахъ. Въ Голгоѳской смерти, какъ въ фокусѣ, сосредоточено все, что переживалось и переживается человѣчествомъ. А потому, „Голгоѳа"—не историческое только событіе, но всегда и всѣми переживаемое міровое и вѣчное явленіе.

Въ виду этого, крестная смерть Христа является фактическимъ отраженіемъ міровой жизни всего человѣчества, вѣрнымъ зеркаломъ души каждаго человѣка, со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами, со всѣми ея тайными изгибами грѣховныхъ наклонностей и сокровенными мотивами всѣхъ ея дѣйствій и состояній. Тѣ страсти, которыя волновали вождей еврейскаго народа и подъ вліяніемъ ко-

торыхъ они вознесли Сына человѣческаго на крестъ,—всѣ эти страсти навѣки осуждены крестною смертію Христа.

Смерть Христа есть вѣчная побѣда надъ грѣхомъ, смертію и адомъ. Она уничтожила силу грѣха, сокрушила державу смерти и разрушила царство сатаны. А съ побѣдою этихъ враговъ рода человѣческаго, измѣняется и весь строй грѣховной жизни людей на проклятой землѣ. И послѣ Голгоѳской Жертвы нѣтъ уже извиненія для тѣхъ, кто требуетъ повторенія ея своими грѣхами (Евр. 6, 4—6; ср. 10, 26—29).

Смерть Христа—міровой и вѣчный вопросъ во всемірной исторіи человѣчества. Въ немъ скрещиваются всѣ эти религіозно-нравственныя мнѣнія, сужденія, взгляды и убѣжденія, какія только можетъ вызвать доброе сердце и злая воля человѣка. Безконечное разнообразіе человѣческихъ сужденій по данному вопросу простирается отъ благоговѣйнаго преклоненія и умиленія предъ необъятнымъ актомъ проявленія здѣсь божественной любви въ Умирающемъ до сатанинскаго богохульства, нечеловѣческаго глумленія и озлобленія. Смерть Христа—міровая загадка для человѣчества:

Разумъ думаетъ напрасно
Оправдать себя въ крови:
Мучитъ совѣсть не напрасно
Обагреннаго въ крови!

* * *

Вотъ загадка міровая:
Крестъ все тянетъ насъ къ себѣ!
Сколько лѣтъ прошло съ поры той,
А Голгоѳа—какъ вчера!....

* * *

Родъ за родомъ идутъ въ вѣчность,
Но Голгоѳы не забыли.
Всѣ проходятъ чрезъ Голгоѳу,
А другого нѣтъ пути!

* * *

Тамъ, вѣдь, судъ, нашъ, тамъ спасенье:
Кто повѣритъ въ смерть Его,
Онъ слезою горько—сладкой
Свято мѣсто ороситъ!

* * *

О, спѣши же, другъ, туда,
Гдѣ Онъ умеръ за тебя!
Пусть умолкнутъ твои страсти
У подножія креста!

* * *

Ороси святое мѣсто
Изліяньемъ слезъ твоихъ:
Ты—убійца, ты—предатель,—
Ты отвѣтишь за Него!

* * *

Ты отвергъ любовь Христа,
Изливъ ярость безъ конца.
Онъ погибъ,—никто не внялъ
Страшнымъ мукамъ нѣжныхъ чувствъ!

* * *

Его кровь теперь на насъ
И на дѣтяхъ будетъ вѣчно...
Что-жъ? Пойдемъ мы всѣ къ Нему
Съ воплемъ, стономъ и любовью!

* * *

Онъ, безгрѣшный, милосердъ,
И молился на крестѣ.
За насъ грѣшныхъ, какъ враговъ:
„Отпусти имъ всѣмъ, Отецъ"!

* * *

Вѣра—путь прямой къ кресту,
Слезы жизнь даютъ душѣ!
Добродѣтель—наша крѣпость,
А любовь—цементъ единства.

* * *

Слезы радость намъ несутъ,
Очищая наше сердце:
Почву добрую даютъ
Для посѣва жизни вѣчной!

* * *

О, Спаситель нашъ! Умершій
Въ страшныхъ мукахъ на крестѣ!
Ты спаси отъ смерти вѣчной
Прибѣгающихъ къ Тебѣ!....

(Кр-н-въ П.)

Въ смерти Христа повинны всѣ, какъ рабы грѣха.

Голгоѳское событіе представляется въ такомъ видѣ: „грѣхъ міра", тотъ самый грѣхъ, въ которомъ повинны всѣ, который обнимаетъ всѣхъ людей, проходитъ чрезъ всю исторію, дѣйствуетъ во всѣхъ и въ каждомъ, проникаетъ все существо человѣка, всѣ его силы и способности, всѣ его мысли и желанія, чувства и стремленія, намѣренія и дѣйствія,—„грѣхъ міра", эта испорченность всего человѣчества, въ моментъ смерти Христа достигъ,—въ своемъ развитіи, полноты зрѣлости. Онъ созрѣвалъ въ теченіи 5508 лѣтъ и теперь онъ является во всеоружееніи своей силы на Голгоѳѣ.

По тому, какъ онъ проявляется здѣсь, мы видимъ и понимаемъ, что такое—грѣхъ, каковъ онъ по своей природѣ и въ своемъ проявленіи, какова его сила и каковы дѣйствія.

Здѣсь, на Голгоѳѣ, онъ сконцентрировался противъ Христа во всемъ своемъ могуществѣ. Христосъ сталъ мишенью, въ которую онъ, „грѣхъ міра", вонзаетъ всѣ свои ядовитыя стрѣлы. Нѣтъ ни одной страсти, ни одного порока, который не проявилъ бы здѣсь себя въ той или дру-

гой формѣ. Здѣсь, на Голгофѣ, мы видимъ, что такое—грѣшные люди, каковы они въ себѣ, къ чему направлены ихъ дѣйствія и какой характеръ таковыхъ. Крестъ на Голгоѳѣ—это центръ, средоточіе всего „грѣха міра“, который вступаетъ теперь въ рѣшительную борьбу съ Безгрѣшнымъ и Святѣйшимъ Искупителемъ міра. Онъ напрягаетъ теперь всѣ свои силы, чтобы восторжествовать надъ Праведникомъ и, съ побѣдою надъ Нимъ, удержать господство надъ всѣмъ міромъ.

Въ чемъ же суть этой борьбы и гдѣ причина ея?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ разъясненіе и другого положенія; почему и какъ Безгрѣшный очутился въ положеніи „грѣшника“, на котораго все человѣчество, въ лицѣ распинателей, изливаетъ всю ярость своей злобы, ненависти, мщенія, жестокости, несправедливости и презрѣнія? Хрістосъ „ни единаго зла сотвори“ (Лк. 23, 41), и никто не могъ обличить Его въ неправдѣ (Ін. 8, 46), а напротивъ, Онъ умѣлъ творить одно только добро людямъ, облегчать скорби, утирать слезы, исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ,—умѣлъ только любить всѣхъ и Своею любовію согрѣвать и спасать всѣхъ: и вдругъ, такая ненависть къ Нему всѣхъ, такая злоба и жестокость, какъ будто Онъ—общій врагъ всѣхъ и личный—каждаго, какъ будто Онъ только зло дѣлалъ на землѣ?!

Разъясненіе этой загадки вытекаетъ изъ свойствъ самого грѣха.

Съ момента крещенія Безгрѣшный и Святой, этотъ „Агнецъ Божій, вземляй грѣхъ міра“ (Ін. 1, 29), становится лицомъ къ лицу съ этимъ „грѣхомъ міра“, созрѣвшимъ въ людяхъ къ тому времени. И чѣмъ болѣе проявлялась святость Его, тѣмъ сильнѣе вооружался противъ Него „грѣхъ міра“ въ людяхъ, тѣмъ ярче и настойчивѣе выступала противъ Него злоба и ненависть грѣшныхъ

людей. Святость и грѣхъ—двѣ непримиримыя, взаимно исключающія другъ друга, противоположности, которыя не могутъ совмѣстно существовать, какъ свѣтъ со тьмою (2 Кор. 6, 14). Хрістосъ сказалъ о Себѣ: „Азъ есмь свѣтъ міру" (Ін. 9, 5; 8, 12; 12, 46). И этотъ „свѣтъ пришелъ въ міръ; но люди болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій худыя дѣла, ненавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы" (Ін. 3, 19—21).

На Голгоѳѣ, когда, Сынъ человѣческій вознесенъ былъ на крестъ, этотъ „грѣхъ міра", эта злоба и ненависть грѣшныхъ людей къ Безгрѣшному и Святому, Непорочному Агнцу Божію, достигла своего апогея, своей вершины, и изливаются теперь во всемъ своемъ гнусномъ безобразіи и неестественной жестокости. Грѣхъ міра принимаетъ теперь чудовищную форму. Ненависть преслѣдуетъ Невиннаго, уже умирающаго, до самой послѣдней минуты Его жизни. И мы не могли бы понять этой тайны дѣйствія „грѣха міра", если бы не объяснилъ ея намъ Самъ Хрістосъ. Въ дикомъ преслѣдованіи умирающаго Хріста проявляется вся сила „темной власти", дѣйствующей теперь на Голгоѳѣ (Лк. 23, 53). Это—послѣднее напряженіе своихъ силъ „князя міра сего", господствующаго въ воздухѣ и дѣйствующаго въ сынахъ противленія—распинателяхъ Хріста (Ін. 14, 30; 12, 31; 16, 11; Еф. 2, 2). А потому, во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ на Голгоѳѣ мы видимъ теперь дѣйствія „области темной", „князя міра сего", проявляющаго свою власть и силу чрезъ „грѣхъ міра". И этотъ „грѣхъ міра" есть страшная и невыразимая сила ненависти, направленная къ разрушенію и уничтоженію того, что „*не-грѣхъ*", къ истребленію всего святого, истиннаго, божественнаго. И если этотъ „грѣхъ міра" овладѣлъ всѣмъ міромъ, то нѣтъ уже мѣста Праведному и Святому среди

грѣшниковъ. Онъ не долженъ жить на грѣшной землѣ. Смерть Ему! Распни Его! Долой Его съ земли!

Во грѣхахъ мы всѣ родились,—
Намъ ненужна благодать!
Узы крѣпкіе сомкнулись,—
Кто посмѣетъ разорвать?!.

* * *

Земля наша, наша власть,—
Онъ ненуженъ среди насъ:
Что захочемъ, то творимъ,—
Онъ безсиленъ противъ насъ!

* * *

Его смерть есть наша жизнь,—
Жизнь постыдная въ грѣхахъ!
А живи Онъ среди насъ,—
Мы-бъ не смѣли быть въ грѣхахъ!

Кр-н-въ П.

Таковъ лозунгъ дѣйствій грѣха. Ненависть и нетерпимость ко всему святому—это природа грѣха. Иначе и не можетъ быть. Безгрѣшный, при столкновеніи съ грѣшными людьми, Своею святостію освѣтилъ всю ихъ грѣховность, какъ въ зеркалѣ показалъ имъ ихъ самихъ—что такое они и каковы они, и тѣмъ вызвалъ въ нихъ ненависть къ Себѣ. Они не могли снести Его свѣта, потому что дѣла ихъ злы. А отречься отъ своихъ дѣлъ они—не въ силахъ, потому что они возлюбили зло и возненавидѣли добро. Отсюда—ихъ ненависть ко Хрісту, который сталъ мишенью для нападенія ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы стереть Его съ лица земли!

Хрістосъ! Гдѣ Ты, Хрістосъ, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви!...
Взгляни,—Твой храмъ опять поруганъ торгашами,

И мечъ, что Ты принесъ, запятнанъ весь руками,
Повинными въ страдальческой крови!...

* * *

Взгляни, кто учитъ міръ тому, чему когда-то
И Ты училъ его подъ тяжестью креста!
Какъ ярко ихъ клеймо порока и разврата,
Какія лживыя за страждущаго брата,
Какія гнойныя открытыя уста!...
О, если-бъ только зло!... Но рвутся всей душою
Разсѣять это зло, трудиться для людей,—
И горько сознавать, что объ руку съ тобою
Кричитъ объ истинѣ, ломаясь предъ толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!...

(С. Я. Надсонъ.)

Сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не воскликните: благословенъ грядый во имя Господне" (Мѳ. 23, 39)... „Сказавъ сіе, Іисусъ отошелъ и скрылся отъ нихъ" (Ін. 12, 36).

Къ чему направлены всѣ силы ада въ крестной смерти Хріста?

Когда Хрістосъ висѣлъ на крестѣ, то всѣ силы ада вооружились противъ Него. „Грѣхъ міра" во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ пускалъ свои стрѣлы въ Умирающаго на крестѣ. Здѣсь все было планомѣрно, и каждая стрѣла вражды и ненависти, хулы и издѣвательства, клеветы и богохульства, жестокости и мщенія направлена была въ опредѣленную цѣль, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы не дать времени Страдальцу укрѣпиться духомъ противъ нихъ. Стрѣла за стрѣлой, ударъ за ударомъ, сыплются со всѣхъ сторонъ и касаются всѣхъ духовныхъ силъ Страдальца, всѣхъ высшихъ сторонъ Его души, самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ Его сердца. Ни одна добродѣтель, ни одинъ высокій и святой порывъ Его сердца не оставлены

въ покоѣ. Все осмѣяно, все поругано, все оскорблено въ самой недоступной глубинѣ Его духа. Онъ видитъ одно только зло вокругъ Себя; Онъ слышитъ одни только клеветы и богохульство; Онъ окутанъ непроницаемымъ мракомъ зла,—то было полное и безграничное царство грѣха и власть сатаны: Онъ не видитъ ни одной искры добра, ни одного луча божественной святой любви и человѣческаго состраданія и правды. Все здѣсь—ненависть, клевета и богохульство. Вся гора содрагается и весь воздухъ потрясается дикимъ хохотъ злорадства.

Такая страшная и невыразимая атака грѣха вокругъ креста сосредоточила всѣ свои силы на томъ, чтобы поколебать святость въ Безгрѣшномъ, ослабить несокрушимую вѣру Его въ Бога—Отца, расшатать твердую надежду на Его покровительство, вызвать въ Немъ жалобу на тяжесть Своего положенія, ропотъ на жестокую несправедливость, желаніе мстить неблагодарнымъ, погасить въ Его сердцѣ любовь къ людямъ, недостойнымъ того, чтобы за нихъ страдать и умирать, разрушить увѣренность въ успѣхѣ и цѣлесообразности своего искупительнаго дѣла, поселить въ Немъ отчаяніе, въ виду неспособности людей понять Его и принять тотъ даръ, за который Онъ умираетъ, вызвать даже ропотъ на Бога, оставившаго Его страдать и умирать среди враговъ. Съ какихъ, какихъ сторонъ не было нападеній на Хріста, чтобы хоть на одну минуту затмить и подавить въ Немъ сознаніе того, за что Онъ умираетъ, порвать въ Немъ тѣсную связь и единеніе съ Отцемъ Небеснымъ! Достаточно было одного только мгновенія Его слабости предъ силою напора грѣха, малѣйшей тѣни колебанія въ чемъ-либо изъ указанныхъ сторонъ, какъ Онъ погубилъ бы Свое дѣло и, вмѣсто Искупителя міра, Самъ сталъ бы рабомъ грѣха и во власти сатаны! Допусти Онъ хоть на одну секунду малѣйшую тѣнь чего-либо подобнаго въ своемъ сердцѣ, и Онъ, безгрѣшный, сталъ бы подъ власть грѣха, былъ бы виновенъ предъ Богомъ и достоинъ вѣчнаго осужденія и проклятія вмѣстѣ съ другими!...

Борьбу эту Онъ долженъ былъ выдержать,—и дѣйствительно выдержалъ до послѣдняго вздоха. Только смерть, прекратившая такую атаку грѣха (діавола), чтобы покорить Его подъ свою власть, могла быть и дѣйствительно была гарантіею Его побѣды надъ грѣхомъ. Только смерть могла прекратить и дѣйствительно прекратила эту борьбу грѣха съ Безгрѣшнымъ. И Онъ устоялъ противъ такого напора грѣха, противъ такой атаки духовнаго врага. А потому, смерть Хріста есть вѣчная побѣда надъ грѣхомъ!

Иначе и не могло быть. Разъ „грѣхъ міра" довелъ Безгрѣшнаго до смерти и, съ другой стороны, Безгрѣшный остался безгрѣшнымъ въ этой борьбѣ до послѣдняго Своего вздоха, то эта смерть дала Ему вѣчную побѣду надъ грѣхомъ и діаволомъ, а слѣдов., и надъ самою смертію, которая есть слѣдствіе грѣха. Слѣдов., въ смерти Хріста—начало Его воскресенія. А Его воскресеніе есть воскресеніе и всѣхъ насъ, органически соединенныхъ съ Нимъ чрезъ Его плоть. Безъ смерти нѣтъ побѣды надъ смертію, нѣтъ и нашего воскресенія!

Чтобы ярче освѣтить Голгоѳское событіе съ внутренней стороны, мы должны отмѣтить еще нѣсколько психическихъ моментовъ даннаго факта.

Прежде мы указали, что Святѣйшій не имѣетъ мѣста среди грѣшниковъ, Безгрѣшный не можетъ быть терпимъ грѣшниками, Онъ ненавидимъ и гонимъ ими: Его стираютъ съ лица земли. Теперь взглянемъ на этотъ моментъ съ другой стороны, а именно:

Безгрѣшный и Святѣйшій Хрістосъ въ крещеніи добровольно принимаетъ на Себя „грѣхъ міра". Не сдѣлавъ грѣха, Онъ ставитъ Себя въ отвѣтственное положеніе „грѣшника всего міра", т. е. такого грѣшника, который какъ бы воплотилъ въ Себѣ „грѣхъ всего міра". Но грѣхъ, какъ грѣхъ, есть оскорбленіе Бога, причиненіе зла ближнему. Грѣхъ всего міра есть такой грѣхъ, который оскорбилъ весь міръ, причинилъ зло всему міру, всѣмъ людямъ.

И вотъ, по закону Синайской правды—„око за око“,—Онъ получаетъ теперь какъ бы возмездіе за этотъ „грѣхъ міра“. Онъ, безгрѣшный, виситъ теперь на крестѣ, какъ самый страшный грѣшникъ изъ всѣхъ людей, нанесшій оскорбленіе всему міру. Добровольно принявъ на Себя „грѣхъ всего міра“, Онъ получаетъ теперь возмездіе за него отъ людей всего міра. Они мстятъ Ему, какъ будто Онъ „своимъ“ грѣхомъ, добровольно принятымъ на Себя, оскорбилъ всѣхъ людей, причинилъ всѣмъ зло. На Него клевещутъ, какъ будто бы Онъ Самъ клеветалъ на другихъ; надъ Нимъ издѣваются, какъ будто бы Онъ Самъ издѣвался надъ другими; Его подвергаютъ жестокимъ истязаніямъ, мученіямъ, какъ будто бы Онъ Самъ мучилъ и истязалъ другихъ; Его человѣческія права попираютъ такъ, что Онъ сталъ червь, а не человѣкъ, поношеніе человѣкомъ, по выраженію Псалмопѣвца, какъ будто бы Онъ Самъ попиралъ всѣ человѣческія права другихъ; Его убиваютъ, какъ будто бы Онъ Самъ убивалъ другихъ. Надъ Нимъ какъ бы исполняется приговоръ Его собственной заповѣди: „въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ“ (Мѳ. 7, 2).

По смыслу этой заповѣди, грѣхъ самъ въ себѣ носитъ и свое возмездіе, и мѣра возмездія равняется силѣ грѣха. И судя по возмездію, какое воздаютъ теперь Христу, мы можемъ заключать о силѣ и степени грѣха, какой Онъ воспринялъ на Себя добровольно. Безъ Своего личнаго грѣха Онъ получаетъ теперь возмездіе за „грѣхъ всего міра“. И этимъ возмездіемъ увлекаются теперь всѣ люди, сами повинные грѣху. Виновные за свой грѣхъ, они мстятъ за него Невинному. Чтобы видѣть психическій процессъ этого мщенія, взойдемъ опять на Голгоѳу и заглянемъ въ душу толпы.

Поспѣшимъ, другъ, на Голгоѳу,—
Распинаютъ тамъ Христа:
Вѣдь и мы—дѣти Адама,—
Наше мѣсто у креста!

Но вотъ слышится голосъ предостереженія, въ виду угрожающей тамъ опасности увлеченія бурнымъ потокомъ народной лавы:

Тамъ бушуетъ страстей ураганъ,
Увлекая потокомъ своимъ:
Но нечужды и мы, вѣдь, страстей,—
Такъ, не лучше-ль бѣжать отъ бѣды?!..

* * *

Противъ такого предостереженія протестуетъ голосъ грѣховной природы, жадной до крови:

Но природа влечетъ насъ туда,—
Разъ идетъ тамъ кровавое дѣло:
Страсти вспыхнули мигомъ въ крови,
Любопытство сжигаетъ все тѣло.

* * *

На пути къ Голгоѳѣ они встрѣчаютъ предостереженіе въ лицѣ бѣгущаго Іуды:

-- Вотъ встрѣчается съ нами Предатель,
Видъ страданій Хріста не по немъ:
Онъ спѣшитъ отъ креста на погибель,
Чтобъ скорѣе покончить съ собой!

Но это предостереженіе не спасло любопытныхъ, въ которыхъ пробуждается дикій инстинктъ ихъ грѣховности.

То—Предатель, а не мы!
Его дѣло—не для насъ.
Пусть погибнетъ,—что же намъ?
Мы не слѣдуемъ за нимъ!..

* * *

Опять слышится голосъ предостереженія:
— Воротиться бы намъ хоть теперь:
Испытанье опасное дѣло.

Вѣдь погибнемъ мы въ морѣ страстей,—
Нѣтъ спасенья въ моментъ роковой!...

* * *

Но этотъ голосъ благоразумія парализуется страстью любопытства.

Любопытство влечетъ насъ туда,
Гдѣ опасностей—цѣлое море:
Гдѣ безумство реветъ безъ стыда,
Совершая позорное дѣло.

* * *

— Остановимся здѣсь отдохнуть,—
Вѣдь минута спасетъ отъ бѣды
Можетъ „шквалъ“ пронесется до насъ,—
Мы спасемся отъ страшной вины.

* * *

Но насъ гонитъ туда злой рокъ.—
Власть, невѣдомая людямъ святымъ:
Какъ? Безъ насъ тамъ рѣшаютъ вопросъ
О судьбѣ на землѣ человѣка?!....

* * *

— Вотъ и мы у позорной горы:
Что же видимъ на ней мы теперь?
Цѣпенѣетъ языкъ передать!...
Ужъ не можемъ понять... и обнять!...

* * *

Вотъ, мы стоимъ на Голгоѳѣ предъ Распятымъ. Мы видимъ здѣсь оргію грѣха и слышимъ ревъ безумія вокругъ. Но что же мы чувствуемъ въ себѣ? Устояли ли крѣпко въ своемъ искушеніи? Увлекаемые общимъ потокомъ грѣха, мы, наконецъ, сливаемъ свой голосъ съ общимъ ревомъ безумной толпы. Такова гипнотизація толпы на почвѣ грѣховной склонности души. Паденіе всегда начинается простымъ любопытствомъ, но возбужденные имъ грѣховные инстинкты доводятъ до паденія.

Мы прислушались къ буйной толпѣ....
Что же слышимъ въ душѣ-то своей?—
Изъ груди нашей смѣло идетъ
Страшный ропотъ всей жизни плотской!..

* * *

То—не голосъ любви, состраданья,
А скорѣе—того же проклятья.
Вѣдь и мы—также дѣти Адама,—
Такъ зачѣмъ отставать отъ другихъ?...

* * *

„Распинайте"! какъ буря ревемъ,
Чтобы страсти остались при насъ:
Мы сроднились всю жизнь—съ колыбели,
И намъ страшенъ теперь ужъ Хрістосъ!

* * *

Гвозди въ руки Его мы вбиваемъ,
Чтобъ свободу на зло дать рукамъ!
И терновымъ вѣнцомъ мы вѣнчаемъ...
Чтобъ позоромъ покрыть намъ себя.

* * *

Въ страшной жаждѣ,—сгораетъ огнемъ,
И мы капли воды не даемъ:
Пусть умретъ Онъ въ страданьяхъ жестокихъ,—
Намъ свободнѣй грѣшить безъ Него!

* * *

Жжетъ любовью Своей нашу совѣсть,—
Такъ, пронзите-жъ скорѣй Ему грудь:
Пусть не мучитъ Онъ насъ, безсердечныхъ,—
Вѣдь жестокость—удѣлъ на землѣ!

* * *

Ну, снимайте-жъ живѣй со креста,
Дабы совѣсть спокойна была...
И печатайте камень надъ Нимъ,
Чтобъ Умершій не всталъ никогда!

* * *

Онъ не нуженъ для міра людей,
Когда міръ весь во злѣ такъ лежитъ:
Онъ добро лишь одно всѣмъ творилъ,
А мы—злы и на зло рождены!....

(Кр-н-въ П.).

Такъ грѣхъ міра глубоко овладѣлъ природой человѣка и жестоко мститъ за себя Безгрѣшному, отстаивая свои права надъ человѣкомъ. И это отстаиваніе своихъ правъ проявляется въ его усиліи побѣдить Спасителя міра на крестѣ. Всѣ стрѣлы мірового грѣха направлены въ самое сердце Хріста!

Чтобъ избавиться отъ такого владычества грѣха, мы должны обращаться съ пламенной молитвой къ Распятому на крестѣ и изъ глубины своей души, съ сокрушеннымъ сердцемъ, постоянно къ Нему взывать:

„Научи меня, Боже, скорбѣть
О моихъ предъ Тобой согрѣшеньяхъ,
И въ молитвахъ святыхъ, пѣснопѣньяхъ,
О несчастныхъ душою болѣть.

Научи меня, Сильный, идти
Лишь стезею святого ученья;
Одного лишь искать мнѣ спасенья,
Правды вѣчной завѣты блюсти.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда ни роптать
На свою многотрудную долю.

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ.

Научи меня вѣрить, Святой,
Что возможно души обновленье,
Что доступно грѣховъ искупленье,
И что милостивъ гнѣвъ правый Твой.

Научи меня, Отче, обнять
Всѣхъ лишь чистою братской любовью,
А за Церковь—родную мнѣ Мать—
Научи пострадать даже кровью.
Научи меня, Щедрый, отдать
Свои силы добру на служенье,
Чтобъ страдальцамъ нести утѣшенье,
Съ ними славить Твою благодать.
Подкрѣпи, научи врачевать
Моихъ братьевъ душевныя муки,
Чтобы горя замолкнули звуки
И чтобъ некому было стонать!....

Для чего Христосъ добровольно поставилъ Себя въ положеніе отвѣтственнаго грѣшника, не будучи таковымъ?

Во первыхъ для того, чтобы показать и Самому испытать, съ одной стороны, все величіе безконечной любви и милосердія Божія и, съ другой стороны, раскрыть всю гнусность и мерзость грѣха и тѣмъ вызвать въ человѣкѣ: а) стремленіе и любовь къ Богу и б) отвращеніе къ грѣху и ненависть къ виновнику грѣха.

Во вторыхъ для того, чтобы самому лично вступить въ борьбу со грѣхомъ и виновникомъ его и, одержавъ побѣду, сдѣлать участниками ея и всѣхъ людей.

Въ третьихъ для того, чтобы, совершивъ актъ спасенія людей, раскрыть все величіе и богатство премудрости и благости Божіей и сдѣлать людей „причастниками Божескаго естества“.

Въ общемъ, чрезъ крестную смерть Христа, раскрывается вѣчная правда Божія, въ которой мы познаемъ Бога и, познавъ Его, стремимся къ Нему.

Остановимся пока на первомъ пунктѣ.

Въ жизни встрѣчаются такіе примѣры, хотя и рѣдкіе, когда врачъ, движимый любовію къ страждущему человѣ-

честву, безъ всякой болѣзни принимаетъ иногда ядъ или прививаетъ себѣ болѣзнь, чтобы личнымъ опытомъ узнать дѣйствіе яда и провѣрить открытое имъ лекарство. И своимъ опытомъ, съ большимъ рискомъ для себя, онъ служитъ самымъ дѣломъ на пользу больнымъ.

Хрістосъ Самъ называетъ Себя врачемъ (Мѳ. 9, 12; Мр. 2, 17; Лк. 5, 31—32) и, какъ врачъ, „Онъ самъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ“; а потому, „можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. 2, 18). А такъ какъ искушаемые „причастны плоти и крови, то и Онъ также воспринялъ оныя, дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, то есть, діавола“. „Посему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ,“ Чтобы знать ихъ всѣ немощи и оказать въ нихъ дѣйствительную помошь (ст. 14 и 17). Безгрѣшный, Онъ опытомъ узналъ всю силу и всю мерзость грѣха, не будучи Самъ повиненъ грѣху. И это сознаніе Хріста будетъ сознаніемъ всего человѣчества: какъ Хрістосъ, Своимъ опытомъ въ борьбѣ со грѣхомъ, узналъ всю гнусность и мерзость грѣха, такъ и послѣдователи Хріста имѣютъ проникнуться такимъ же знаніемъ Хріста. Но это дальнѣйшій вопросъ въ развитіи даннаго предмета. А теперь продолжимъ раскрытіе внутренней стороны Голгоѳской борьбы со грѣхомъ и побѣды надъ грѣхомъ. Продолжимъ психологію этой борьбы и побѣды.

Хрістосъ принялъ на Себя „грѣхъ міра“, но Самъ не сдѣлался чрезъ то грѣшникомъ. Онъ допустилъ дѣйствіе на Себя жала грѣха, но Самъ не заразился этимъ ядомъ грѣха. Онъ сталъ мишенью для всѣхъ стрѣлъ „грѣха“, но ни одна изъ нихъ не ранила Его, не проникла въ самое существо Его природы. Эти стрѣлы наружно Его уязвляли, но вреда Ему не причиняли. Судя по ранамъ, Онъ весь былъ, какъ бы, покрытъ „грѣхомъ“, но Самъ былъ свободенъ отъ всякаго грѣха. И чѣмъ чище и безгрѣшнѣе Онъ въ Себѣ, тѣмъ сильнѣе и грознѣе была атака на Него. А чѣмъ сильнѣе и настойчивѣе про-

являлъ „грѣхъ“ атаку на Него, тѣмъ полнѣе и рельефнѣе раскрывалась вся гнусность грѣха передъ Нимъ, тѣмъ глубже развивалось отвращеніе къ нему въ сознаніи Его, тѣмъ, слѣдов., мужественнѣе становилась борьба Его съ грѣхомъ, тѣмъ побѣдоноснѣе Онъ шелъ въ подвигѣ искупленія отъ него всего человѣчества. Кто изъ людей могъ съ такою силою возненавидѣть грѣхъ, какъ возненавидѣлъ его безгрѣшный Хрістосъ, испытавшій всю мерзость его? Кто изъ людей могъ съ такою несокрушимою устойчивостію выступить на борьбу со грѣхомъ, какъ не безгрѣшный Хрістосъ, проникшій во всю гнусность его? Всю люди, какъ зараженные грѣхомъ, легко могутъ мириться съ нимъ. Но безгрѣшный Хрістосъ—никогда! Мало того, грѣхъ намъ кажется даже пріятнымъ, когда мы во власти его. Но этотъ обманъ зависитъ отъ того, что грѣхъ проникъ въ нашу природу и льститъ нашей чувственности. Грѣхъ, пріятенъ, потому что онъ—въ насъ. Но всякій грѣхъ представляется и намъ отвратительнымъ и мерзкимъ, когда онъ не коснулся насъ, когда онъ—внѣ насъ.

Так. обр., безгрѣшный Хрістосъ добровольно принялъ на Себя „грѣхъ міра“, чтобы обнажить предъ человѣчествомъ всю гнусность его, чтобы вызвать въ людяхъ отвращеніе и омерзеніе къ нему, чтобы пробудить въ сердцѣ человѣка всю ненависть къ нему!

Дѣйствительно, во всемірной исторіи всего человѣчества грѣхъ никогда и нигдѣ такъ не обнажался во всей своей гнусной и отвратительной наготѣ, какъ въ крестной смерти Хріста. И эта-то обнаженная мерзость грѣха была исходнымъ пунктомъ побѣды Хріста надъ нимъ. А побѣда надъ грѣхомъ есть освобожденіе отъ грѣха. И эта побѣда надъ грѣхомъ логически вытекаетъ изъ природы самаго грѣха. Этотъ фактъ психологически понятенъ: праведникъ не можетъ поддаться грѣху по отвратительной гнусности грѣха, вызывающей ненависть къ нему. Понятно,

что и Христосъ не могъ проявить всего того, что вызывалъ въ Немъ грѣхъ самою лютостію нападокъ на Него. Христосъ, подъ ударами стрѣлъ „грѣха міра“, не могъ на крестѣ ни роптать на Бога, ни жаловаться на жестокость и несправедливость враговъ, ни мстить имъ за Себя и ненавидѣть за ихъ дѣла: потому что все это—грѣхъ. А грѣхъ слишкомъ мерзокъ и ненавистенъ въ очахъ Его, какъ это видитъ и испытываетъ на Себѣ Онъ Самъ. Зачѣмъ Онъ будетъ мстить и ненавидѣть, когда Онъ знаетъ теперь по опыту, какъ гнусна и отвратительна эта ненависть въ людяхъ, проявляемая къ Нему!...

Отвратительная гнусность грѣха въ себѣ самомъ заставляетъ теперь Христа забыть Свои личныя страданія, которыя кажутся Ему ничтожными предъ необъятною мерзостью „грѣха“. И этимъ грѣхомъ заражены не одинъ, не два человѣка, а всѣ люди поголовно, все человѣчество въ своемъ цѣломъ. По распинателямъ Своимъ Онъ судитъ о всѣхъ людяхъ: потому что всѣ до одного заражены одною и тою же закваскою грѣха, всѣ до одного находятся во власти сатаны, всѣ они искалѣчены грѣхомъ и утратили всякое подобіе образа Божія въ себѣ. Какъ жалки всѣ эти люди вокругъ креста, изощряющіеся въ жестокости и богохульствѣ противъ Бога и Христа! Сердце Спасителя проникается превышающею наше разуменіе жалостью и состраданіемъ къ нимъ, и Его глубоко потрясенное чувство изливается въ недоступной для нас молитвѣ къ Отцу: „*Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ*“!... Нѣтъ, они не сдѣлали бы того, что дѣлаютъ теперь, если бы могли взглянуть на Свое дѣло *отвнѣ*, какъ на постороннее для нихъ дѣло, если бы они могли понять и сознать всю гнусность и мерзость своего дѣла! И потому не о Себѣ Онъ молитъ Отца Небеснаго, но о врагахъ Своихъ, которыхъ даже не считаетъ и врагами,—такъ жалки и несчастны они въ глазахъ Его! Не проситъ Себѣ облегченія или избавленія отъ нихъ, но

проситъ полнаго прощенія Своимъ распинателямъ и хулителямъ Бога!...

Так., обр., Безгрышный, принимая на Себя „грѣхъ міра“, показалъ все отталкивающее безобразіе его, вызывающее ненависть къ нему. А вступивъ въ борьбу со грѣхомъ, Хрістосъ показалъ и все безсиліе его и Свое торжество надъ нимъ. Зло, дѣлая атаку на Хріста, истощилось въ своей изобрѣтательности, жестокости и несправедливости противъ Хріста и не могло сокрушить въ Немъ ни Его вѣры и упованія на Бога, ни Его любви къ людямъ, ни Его терпѣнія въ мукахъ на крестѣ, слѣдов., ни Его господства надъ Собой, надъ Своею плотію. Молитва со креста ясно говоритъ о побѣдѣ Хріста. Онъ не только Самъ прощаетъ Своихъ враговъ, но Онъ ходатайствуетъ за нихъ и предъ Отцемъ Небеснымъ, чтобы Онъ отпустилъ имъ грѣхъ ихъ.

И все это Хрістосъ могъ показать и совершить только подъ условіемъ принятія на Себя „грѣха міра“. Не прими на Себя этого грѣха, Онъ не имѣлъ бы возможности вступить въ борьбу съ нимъ; а безъ борьбы со грѣхомъ невозможна и побѣда надъ грѣхомъ; безъ побѣды же надъ грѣхомъ немыслимо и самое спасеніе людей. Вѣдь только Побѣдитель грѣха могъ дать свободу отъ грѣха людямъ и ходатайствовать о спасеніи ихъ предъ Отцемъ Небеснымъ. Только беггрѣшный Хрістосъ, какъ Сынъ Отца Небеснаго, побѣдивъ „грѣхъ міра“ на крестѣ, могъ явить Себя „Единымъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ“ (2 Тим. 2, 5; Евр. 9, 15; 8, 6). Никто изъ людей, ни даже ангелъ съ неба не могли и не имѣли права такъ ходатайствовать: только Онъ одинъ, безгрѣшный побѣдитель грѣха и діавола, могъ вознести такую молитву къ Отцу Своему. И притомъ, не въ другое какое-либо время своей жизни, а только тогда, когда Онъ, сдѣлавшись дѣйствительною жертвою человѣческой злобы, человѣческаго грѣха, фактически пролилъ кровь Свою на крестѣ „въ отпущеніе грѣховъ“.

Все это ясно говоритъ о томъ, почему безгрѣшный Хрістосъ принялъ на Себя грѣхъ міра. Отвѣтъ понятенъ: никто, кромѣ Хріста, не могъ снять его съ человѣка. Самъ человѣкъ безсиленъ загладить его и не имѣетъ средствъ очистить его: потому что онъ—рабъ грѣха и исполняетъ волю виновника грѣха, т. е. діавола. Самъ по себѣ человѣкъ никакимъ покаяніемъ, никакими подвигами и жертвами, никакими добрыми дѣлами не можетъ снять вину съ себя предъ Богомъ и загладить свой грѣхъ: потому что все указанное есть долгъ человѣка, а не заслуга, и, съ другой стороны, разрушенное грѣхомъ онъ безсиленъ возсоздать. Только всемогущая божественная сила творческая въ состояніи исправить разрушенное грѣхомъ человѣка.

Хрістосъ принялъ на Себя грѣхъ міра и вознесъ его на крестъ. Но въ распятіи Хріста выражается отверженіе Самого Бога. Объ этомъ Хрістосъ ясно говорилъ: „вѣрующій въ Меня, не въ Меня вѣруетъ, но въ пославшаго Меня. И видящій Меня видитъ пославшаго Меня“ (Ін. 12, 44—45; 14, 9); „принимающій Меня, принимаетъ пославшаго Меня“ (Ін. 13, 20; Мѳ. 10, 40; Мр. 9, 37; Лк. 9, 48), „а отвергающій Меня отвергается пославшаго Меня“ (Лк. 10, 16). Ясно, что грѣхъ противъ Хріста, есть грѣхъ противъ Бога. И этотъ грѣхъ противъ Бога можетъ быть прощенъ только Богомъ. Кто можетъ исходатайствовать это прощеніе у Бога? Только безгрѣшный Хрістосъ, равный Богу по Своему Божеству!

Но если спасеніе отъ грѣха возможно только чрезъ крестную смерть Хріста, иначе сказать, чрезъ воспріятіе на Себя „грѣха міра“ безгрѣшнымъ Хрістомъ, то отсюда открываются въ самой смерти Хріста безпредѣльная любовь Бога къ падшему человѣчеству. „Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Ін. 3, 16). Онъ не пощадилъ Сына Своего, но предалъ Его на смерть для искупленія многихъ“ (Мѳ. 20, 28; Мр. 10, 45). Безгрѣшный Хрістосъ принялъ на Себя грѣхъ

міра и, по безконечной любви Своей (Ін. 13. 1). предалъ Себя на смерть „для искупленія всѣхъ“ (1 Тим. 2. 6).

Отсюда актъ смерти Хріста есть актъ проявленія безконечной божественной любви къ падшему человѣчеству. И эта смерть Хріста раскрываетъ намъ—насколько ненавистенъ грѣхъ въ очахъ Божіихъ, настолько безпредѣльна любовь Божія къ грѣшному человѣку. Богъ, по Своей безконечной любви, не можетъ допустить, чтобы люди находились подъ владычествомъ грѣха, столь ненавистнаго для Него, и спасая людей отъ грѣха, проявляетъ тѣмъ свою вѣчную безпредѣльную любовь къ человѣку. Чѣмъ ужаснѣе грѣхъ, тѣмъ выше и безграничнѣе любовь Божія, спасающая отъ грѣха. Съ другой стороны, чѣмъ выше жертва, спасающая отъ грѣха, тѣмъ цѣннѣе и даръ спасенія, раскрывающій безпредѣльность любви Божіей.

Отсюда крестная смерть Хріста, раскрывающая предъ нами, съ одной стороны, всю мерзость грѣха, а съ другой—всю безпредѣльность любви Божіей къ человѣку, невольно вызываетъ въ послѣднемъ какъ отвращеніе ко грѣху, такъ и любовь къ Богу. И чѣмъ больше человѣкъ подъ вліяніемъ смерти Хріста, ненавидитъ грѣхъ, тѣмъ больше онъ любитъ Бога; чѣмъ сильнѣе отвращается отъ грѣха, тѣмъ пламеннѣе стремится къ Богу, и чѣмъ дальше онъ отъ грѣха, тѣмъ ближе къ Богу.

Но такое состояніе человѣка и отношеніе его къ грѣху и Богу могло выясниться только чрезъ крестную смерть Хріста, иначе сказать, чрезъ принятіе на Себя бегрѣшнымъ Хрістомъ „грѣха міра“. Не поставь Себя безгрѣшный Хрістосъ въ отвѣтственное положеніе грѣшника, иначе сказать, не умри Онъ на крестѣ за „грѣхъ міра“, люди не знали бы ни глубины и мерзости самого грѣха, ни безпредѣльной любви и благости Бога къ падшему человѣку.

„И неся крестъ свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое лобное, по еврейски Голгоѳа. Тамъ распяли Его и съ Нимъ двухъ другихъ, по ту и по другую сторону, а посреди Іисуса“ (Ін. 19, 17—18).

Хрістосъ виситъ на крестѣ, и весь міръ смотритъ на Него въ страшномъ смущеніи и дикомъ недоумѣніи. Одни плачугъ, а другіе злорадствуютъ и богохульствуютъ. На крестѣ Онъ—знаменіе пререканій. Всѣ стоятъ и смотрятъ на Него и говорятъ:

„Вотъ Онъ, Хрістосъ, за грѣшный міръ распятый,
Униженный, осмѣянный толпой,
Избитый въ кровь и пыткою измятый
Съ опущенной главой!
Вотъ, Онъ, Хрістосъ, великій свѣточь міра,
Пришедшій въ міръ, какъ бѣдный сынъ земли,
Гдѣ не виссонъ, не царская порфира
Станъ стройный облекли!
Вотъ Онъ, любви и истины глашатай,
Творецъ и Богъ и міра Властелинъ
Среди толпы, невѣріемъ объятой,
Лишь вѣрившій Одинъ.
Вотъ Онъ, пророкъ, чья мысль, какъ лучъ, горѣла
Средь косной тьмы безжизненнаго дня,
Кому бы снять ничья рука не смѣла
Сандаліи ремня,—
Кто въ дни тревогъ, сомнѣній и печали
Училъ людей смиренью и добру;
Тотъ, чьи персты недужныхъ исцѣляли,
Касаясь къ ихъ одру,
Предъ Кѣмъ, смиряясь, склонялись властелины
И мудрецы и геніи земли,
И плакалъ грѣхъ, и слезы Магдалины
Въ раскаяніи текли.

(Леонидъ Афанасьевъ.

„Вотъ Онъ, истерзанный мученьемъ
Апостолъ истины святой,
Измятый пыткой и презрѣньемъ,
Распятый буйною толпой;

Богъ осужденный приговоромъ
Слѣпыхъ, подкупленныхъ судей!
Вотъ Онъ!.. Горитъ нѣмымъ укоромъ
Небесный взоръ Его очей.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ терновый
Чело Спасителя язвитъ....
Вотъ Тотъ, Кого народъ толпою
Недавно какъ царя встрѣчалъ.
Вотъ Тотъ, Кто свѣтъ зажегъ надъ міромъ,
Кто не кадилъ земнымъ кумиромъ
И зло открыто обличалъ! —
Погибъ, забросанный презрѣньемъ,
Измятый пыткой и мученьемъ!

(С. Я. Надсонъ.)

Идите всѣ, кто плачетъ и смѣется,
Идите всѣ—къ Нему,

(З. Гиппіусъ.)

Падите ницъ предъ этимъ блѣднымъ ликомъ!
Падите ницъ, склоняяся во прахъ,
Сознавъ грѣхи въ смятеніи великомъ,
Въ молитвѣ и слезахъ.
Падите ницъ, какъ, каясь, Магдалина
Склонилась въ прахъ въ смиренной простотѣ!
Къ ногамъ Христа—Божественнаго Сына,—
Въ страданьяхъ на крестѣ!...

(Леонидъ Афанасьевъ.)

Смерть Христа—побѣда надъ грѣхомъ.

Вся земная жизнь Іисуса Христа представляетъ собою непрерывную борьбу Его съ виновникомъ грѣха, діаволомъ. Не было ни одного момента въ Его искупительной дѣятельности, когда врагъ вѣчнаго нашего спасенія не разставлялъ бы Ему своихъ сѣтей, чтобы уловить Его въ грѣхъ.

Послѣ искушенія Его въ пустынѣ діаволъ отошелъ отъ Него до времени" (Лк. 4, 13), но не оставилъ Его безъ своего воздѣйствія чрезъ людей. Онъ постоянно вызывалъ въ книжникахъ и фарисеяхъ вражду и ненависть ко Хрісту, осыпалъ Его страшными клеветами (Мѳ. 11, 19; Ін. 7, 20; 8, 59); обвинялъ Его устами законниковъ въ нарушеніи закона (Ін. 5, 16; Мѳ. 15, 2; 12, 1—2), богохульствѣ и возмущеніи народа (Мѳ. 9, 3; Ін. 7, 12), ставилъ Его въ такое положеніе, гдѣ легко можно было уклоняться отъ истины (Мѳ. 22 гл.), самое добро, совершенное Хрістомъ, Его чудеса и милости, оказанныя народу, онъ превращалъ въ оружіе противъ Хріста, (Мѳ. 9, 34), вызывая въ народѣ ложный фанатическій энтузіазмъ, (Ін. 6, 14—15), разрушавшій все дѣло Хріста (Ін. 9 гл.) И чѣмъ больше творилъ добра людямъ, тѣмъ больше разжигалась злоба и ненависть ко Хрісту, такъ что послѣднее чудо, самое поразительное изъ всѣхъ чудесъ Его, вызвало рѣшительный смертный приговоръ противъ Него (Ін. 11, 46—53).

Изъ всѣхъ этихъ столкновеній Хрістосъ всегда выходилъ побѣдителемъ, такъ что не задолго до Своей смерти Онъ сдѣлалъ вызовъ—„кто обличитъ Меня въ неправдѣ" (Ін. 8, 46)? а когда висѣлъ на крестѣ, то даже разбойникъ, съ Нимъ распятый, исповѣдалъ, что „Сей ни единаго зла сотвори" (Лк. 23, 41).

Послѣднее рѣшительное столкновеніе и личное, и чрезъ народъ, съ вождями его во главѣ, было въ Геѳсиманскомъ саду и послѣдующихъ затѣмъ истязаніяхъ на судѣ и въ крестной смерти. Въ этой послѣдней борьбѣ всѣ силы ада вооружились противъ Хріста (Лк. 22, 53; Ін. 12, 31; 14, 30; 16, 11) и напрягли свои силы до послѣдней степени, какъ это мы уже раскрыли. Молитва Хріста со креста говоритъ о Его торжествѣ надъ врагомъ: Онъ остается незапятнаннымъ, чистымъ отъ грѣха. Но пока жизнь Его таилась въ Его сердцѣ, пока сердце Его билось въ груди, нельзя еще сказать объ окончаніи борьбы, а слѣдов., и о полномъ торжествѣ побѣды Его надъ грѣхомъ. Въ самый послѣдній

моментъ Его жизни врагъ надѣялся Его побѣдить. Только моментъ смерти прекращаетъ борьбу, и этотъ-то моментъ представляетъ собою торжество побѣды Хріста надъ врагомъ. Въ этотъ-то самый послѣдній моментъ жизни, Хрістосъ, провозглашая Свою побѣду, восклицаетъ: „совершилось" дѣло спасенія! Врагъ побѣжденъ. (Ін. 19, 30). И чтобы запечатлѣть торжество Своей побѣды и акта спасенія, „Іисусъ, возгласивъ громкимъ голосомъ, (чтобы слышали и на небѣ и въ аду) сказалъ (на всю вѣчность): *Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой.* И сіе сказавъ, испустилъ духъ" (Лк. 23, 46).

Итакъ, послѣдній моментъ жизни Хріста рѣшаетъ Его побѣду надъ врагомъ: Онъ предаетъ духъ Свой въ руки Отца Своего Небеснаго,—слѣдов. связь единенія Его съ Богомъ Отцомъ не порвана у Него: Онъ чистъ, Онъ безгрѣшенъ, Онъ восторжествовалъ надъ грѣхомъ и виновникомъ его діаволомъ. Не умри Хрістосъ на крестѣ, грѣхъ продолжалъ бы свою атаку на Него, и борьба представлялась бы еще не законченною, а побѣда—нерѣшенною. Но теперь мы видимъ, что грѣхъ, напрягая въ своей атакѣ послѣднія силы, самъ довелъ до смерти Хріста и, убивъ Хріста, онъ тѣмъ самымъ убилъ и себя, уступивъ Ему окончательную побѣду надъ собой. И такою „смертію" на крестѣ Хрістосъ „лишилъ силы имѣющаго державу смерти, то есть, діавола" (Евр. 2, 14). „Отнявъ силу у начальствъ и властей, властно подвергъ Онъ ихъ позору, восторжествовавъ надъ ними Собою" (Кол. 2, 15).

Вотъ почему мы и обращаемся къ Нему, какъ Побѣдителю грѣха и діавола, съ покаяніемъ и пламенною молитвою о помощи:

„Господи помилуй,
Господи прости!
Помоги мнѣ, Боже,
Крестъ свой донести.

Ты прошелъ съ любовью
Свой тернистый путь;
Ты несъ крестъ безмолвно,
Надрывая грудь.
И за насъ распятый
Много Ты терпѣлъ,
За враговъ молился,
За враговъ скорбѣлъ.
Я же слабъ душою,
Тѣломъ также слабъ,
И страстей грѣховныхъ
Я преступный рабъ.
Я великій грѣшникъ
На земномъ пути,
Я ропщу, я плачусь. .
Господи, прости!
Помоги мнѣ, Боже!
Дай мнѣ крѣпость силъ,
Чтобъ свои я страсти
Въ сердцѣ погасилъ...
Помоги мнѣ, Боже!
Щедрою рукой
Ниспосли терпѣнье,
Радость и покой.
Грѣшникъ я великій
На земномъ пути...
Господи помилуй,
Господи, прости!...

Въ смерти Христа заключается и Его воскресеніе.

Если смерть Христа есть торжество Его побѣды надъ грѣхомъ и діаволомъ, то результатомъ ея является славное воскресеніе Его. Одинъ фактъ не отдѣлимъ отъ другого. Одинъ фактъ не мыслимъ безъ другого. Разъ Христосъ по-

бѣдилъ грѣхъ и діавола, то тѣмъ самымъ Онъ восторжествовалъ и надъ смертію: потому что „грѣхъ раждаетъ смерть“ (Іак. 1, 15), „возмездіе за грѣхъ смерть“ (Рим. 6, 23), „грѣхомъ вошла въ міръ смерть“ (Рим. 5, 12). И Хрістосъ, побѣдивъ грѣхъ, „разрушилъ тѣмъ и смерть“ (2 Тим. 1, 10) Царство грѣха—царство смерти (Рим. 5, 21). Одно заключается въ другомъ. А потому, разрушеніе одного является разрушеніемъ и другого. Отношеніе ихъ между собою—отношеніе причины и слѣдствія.

Съ другой стороны, и по плану строительства Божія, одно невозможно безъ другого: смерть Хріста безъ Его воскресенія не имѣетъ смысла и значенія,—не цѣлесообразна, а воскресеніе безъ смерти, т. е. безъ побѣды въ смерти надъ грѣхомъ, немыслимо. Два факта собственно представляютъ двѣ стороны одного акта. Не умри Хрістосъ,—не было бы и Его воскресенія. А разъ Онъ умеръ побѣдителемъ грѣха, то не могъ не воскреснуть. Одно заключается въ другомъ.

Въ день воскресный нашъ Спаситель
Всеобъемлющій воскресъ
И весь міръ, грѣхомъ убитый,
Въ рай торжественно вознесъ.
Въ день воскресный тайной силой
Всемогущій Духъ Святой
Съ благоденственностью мира
На апостоловъ снисшелъ...
Богъ въ воскресный день родился
И въ воскресный день воскресъ,
Врагъ спасенья сокрушился,
Человѣкъ достигъ небесъ.
О, почтимъ же день воскресный
Со всей вѣрою души;
Онъ есть день благословенный
Радость небу и земли!

Пустыня и Голгоѳа—начало и конецъ

Пустыня сорокодневнаго искушенія и Голгоѳа крестной смерти Хріста представляютъ два предѣльные пункта искупительной дѣятельности Хріста и находятся въ самомъ тѣсномъ взаимоотношеніи между собою. Сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, мы видимъ, что въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствующая рука одна и таже,—только тамъ, въ пустынѣ, непосредственно, а здѣсь, на Голгоѳѣ, посредственно чрезъ народъ.

Затѣмъ, въ томъ и другомъ случаѣ выступаютъ три пункта, три искушенія, обнимающія собою всю тройственную сумму грѣховъ человѣческаго рода, подраздѣляемыхъ Іоанномъ Богословомъ на три похоти въ мірѣ: „похоть плоти, похоть очей и гордость житейская" (1 Ін. 2, 16). Съ этихъ трехъ сторонъ были искушаемы наши: прородители въ раю (Быт. 3, 6), Хрістосъ въ пустынѣ отъ діавола, во время общественнаго служенія отъ книжниковъ, фарисеевъ и народа и, наконецъ, на крестѣ отъ распинателей и хулителей. И тамъ, и здѣсь—полная побѣда Хріста, которая началась въ пустынѣ, а закончилась на Голгоѳѣ.

Взаимное соотношеніе трехъ пунктовъ искушеній въ пустынѣ и на Голгоѳѣ таково: тамъ сатана лукаво предлагаетъ Хрісту три плана, три проэкта утвердить Свою власть надъ міромъ. И Хрістосъ отвергъ. А здѣсь народъ глумится надъ Хрістомъ за отверженіе Имъ трехъ пунктовъ сатаны и своимъ издѣвательствомъ какъ бы вызываетъ на осуществленіе того, что предлагалъ Ему сатана. Смыслъ всѣхъ ругательствъ таковъ: если Ты хочешь управлять народомъ, т. е. быть Мессіей, то выполни то, что предлагалъ Тебѣ сатана. И такъ какъ ты отказался отъ исполненія его предложеній, то страдай и умирай теперь позорною смертію на крестѣ. Получаешь достойное за Свое ослушаніе. Сатана мститъ!

Для большаго уясненія внутренняго смысла того и другого факта сопоставимъ ихъ взаимное соотношеніе между собой.

Послѣ сорокодневнаго поста „Іисусъ взалкалъ“. „И приступилъ къ Нему искуситель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій; скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами“. Если Ты хочешь управлять народомъ, то покажи, что Ты можешь накормить голодныхъ. И докажи это прежде всего самымъ дѣломъ, по отношенію къ Себѣ Самому. Уничтожь противорѣчіе: Сынъ Божій—и голоденъ, другихъ хочетъ спасать отъ страданій голода, а Самъ страдаетъ!

На Голгоѳѣ мы слышимъ отголосокъ этого искушенія, но уже въ укоризненно-насмѣшливомъ духѣ: „Другихъ спасалъ, а Себя Самого не можетъ спасти“. Какой же Онъ Мессія? „Если Онъ царь Израилевъ; пусть теперь сойдетъ со креста, и увѣруемъ въ Него“ (Мѳ. 4, 2—3; 27, 42).

Ясно, что Онъ—не Мессія, коль скоро Онъ не можетъ удовлетворить всѣхъ нашихъ плотскихъ желаній, но даже и Себя не въ силахъ спасти отъ физическихъ страданій на крестѣ!

„Если Ты Сынъ Божій, говоритъ діаволъ Христу, когда поставилъ Его на крылѣ храма, бросься внизъ; ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею“. Ты—Мессія, реформаторъ религіи, посланный отъ Бога,—докажи это самымъ дѣломъ, что Ангелы Тебѣ служатъ.

На Голгоѳѣ мы слышимъ издѣвательство надъ Его претензіями на какую-то роль религіознаго реформатора и перестроителя храма: „Э! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій! спаси Себя Самого. Если Ты Сынъ Божій (а не царь Израилевъ); сойди съ креста“.

Тамъ и здѣсь выдвигается на сцену храмъ. Тамъ и здѣсь отмѣчается близость отношенія искушаемаго къ Богу.

Тамъ отмѣчается особенное благоволеніе и покровительство Бога своему Избраннику, а здѣсь выставляется любовь Бога, какъ Отца къ Своему Сыну.

Въ третьемъ искушеніе „діаволъ показываетъ Іисусу всѣ царства міра и славу ихъ, и говоритъ Ему: все это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ". Сатана уступаетъ свою власть надъ міромъ, если только Онъ отречется отъ Бога и признаетъ его, діавола, за бога. Но Хрістосъ остался вѣренъ Богу и прогналъ искусителя.

Теперь надъ этою вѣрностію Единому Истинному Богу издѣвается сатана устами распинателей богохульниковъ. „Уповалъ на Бога; пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ сказалъ: Я Божій Сынъ". А когда Хрістосъ, въ страшномъ томленіи духа, воскликнулъ: „Илú, Илú! ламá савахѳани? т. е. Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ"?—то окружавшіе, издѣваясь, будто не понимая словъ Его, говорили: „Илію зоветъ Онъ... посмотримъ, прійдетъ ли Илія спасти Его" (Мѳ. 4, 5—6, 8—9; 27, 40, 43, 46).

Общій смыслъ этихъ издѣвательствъ при крестѣ такой же, какъ и въ искушеніяхъ въ пустынѣ и во все время общественнаго служенія Его. Какъ сатана предлагалъ, такъ и народъ требовалъ отъ Хріста одного, а именно:

Сойди со креста и сокруши однимъ словомъ всѣхъ враговъ; покажи Свою силу, несокрушимое могущество и обаяніе царской власти; докажи на Самомъ себѣ, что Ты можешь осчастливить весь народъ свой на землѣ, устроить его благополучіе и полное счастіе, дать ему во всемъ довольство и власть надъ всѣми народами, собрать къ его ногамъ всѣ сокровища міра въ полное распоряженіе и собственность,—и тогда весь народъ преклонится предъ Тобой, признаетъ Тебя своимъ царемъ и смѣло пойдетъ за Тобой, сытый и довольный, чтобы истребить всѣхъ враговъ своихъ.

Но Хрістосъ остался вѣренъ Себѣ, какъ и въ пустынѣ, и добровольно умеръ на крестѣ, чтобы разрушить всѣ эти безумныя мечты сатанинскаго царства!

Онъ остался вѣренъ Богу и пошелъ на крестъ:

„Подъ тяжестью креста, за темный міръ страдая,
Онъ шелъ въ послѣдній путь—Учитель Назорей;
Предъ Нимъ лежалъ Сіонъ, въ сіяньи дня блистая
Священной красотой и роскошью своей....
И шла за Нимъ толпа—безмолвіемъ объята,
Въ невѣдѣньи своемъ преступная толпа,
Предавшая Хріста на судъ земной Пилата
Къ ученью Истины негаснущей слѣпа...
Мессія, Царь и Богъ—Онъ былъ толпѣ невѣдомъ
Въ хитонѣ красоты и кротости святой:
Зачѣмъ не велъ народъ ко славѣ и побѣдамъ,
Зачѣмъ не свергнулъ Римъ, всевластною рукой?
Для гордыхъ книжниковъ, для взора фарисея
Онъ—проповѣдуя, прощая и любя—
Былъ сыномъ плотника изъ дальней Галилеи,
Лишь имя Божіе принявшимъ на Себя...
„Распни, распни Его,—Вараввѣ дай свободу“!
Имъ вторитъ весь народъ... И внялъ ему судья,
И предалъ онъ Хріста, сказавъ въ отвѣтъ народу:
„Онъ вами осужденъ, виновны вы—не я“!...

(Аполлонъ Коринфскій).

И вотъ
Въ вѣнкѣ терновомъ, крестъ тяжелый на плечахъ,
Не слыша злобныхъ криковъ и проклятій,
Взирая на толпу лишь съ жалостью въ очахъ,
Терпя, любя, прощая, шелъ Онъ на распятье.
И всѣ бросали камнями въ Него,
„Въ печальника Святого своего.

* * *

Межъ тѣмъ, Варавву громко чествуя, за нимъ
Ликуя шелъ народъ, въ преступномъ ослѣпленьи,
Его привѣтствуя избранникомъ своимъ.
Въ тупомъ безсмысліи, въ безумномъ изступленьи
Пороку наглому воздвигнувъ храмъ,
Толпа ему кадила ѳиміамъ.

(М. Ватсонъ).

Значеніе крестной смерти Хріста.

а) Крестная смерть Хріста есть центральный пунктъ всего Откровенія, зерно нашего спасенія.

Отъ перваго обѣтованія, даннаго въ раю нашихъ прародителямъ, до Виѳлеемскихъ яслей человѣчество подготовляемо было къ факту воплощенія Сына Божія, къ явленію и принятію Мессіи, а съ Виѳлеемскихъ яслей открывается прямой путь къ кресту на Голгоѳѣ. Отсюда, смерть Хріста есть душа всего Откровенія, центръ домостроительства нашего спасенія. Воскресеніе, какъ мы уже сказали, есть неизбѣжное слѣдствіе смерти, божественная печать божественнаго характера и значенія смерти Хріста. А потому, если фактъ воплощенія Сына Божія есть величайшее чудо, то смерть Богочеловѣка есть чудо изъ чудесъ божественной премудрости, благости и всемогущества. Въ смерти Хріста оправдывается и актъ воплощенія Сына Божія. Въ смерти Хріста открылась вся „божественная правда“, проявились всѣ божественныя совершенства Его природы. Раскрыть эту „правду Божію“ въ смерти Хріста—это значитъ раскрыть и выяснить сущность, духъ и задачу всего хрістіанства. Это значитъ дать отвѣтъ на всѣ тѣ возраженія, которыя со всѣхъ сторонъ раздаются и теперь противъ даннаго факта, подобно тому, какъ они изрыгались и на

Голгоѳѣ въ моментъ смерти Христа. А возраженія эти говорятъ о томъ, что для невѣрующихъ грѣхъ остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и тогда.

б) Въ крестной смерти Христа оправдывается все ученіе Его.

Въ крестной смерти Христа фактически, самымъ дѣломъ осуществляется, во всей полнотѣ и со всею точностію, все ученіе Его. Мы видимъ здѣсь, что онъ поступилъ, именно, такъ, какъ и училъ. Ни на одинъ волосъ, ни на одну іоту Онъ не отступилъ отъ Своего ученія, не измѣнилъ Своему закону, не перетолковалъ Своей заповѣди. Онъ показалъ здѣсь самую полную, совершенную, идеальнѣйшую любовь къ людямъ, Свою кротость и смиреніе, терпѣніе и всепрощеніе въ перенесеніи жесточайшихъ мученій, оскорбленій, обидъ и клеветъ, безусловную покорность Отцу въ своихъ страданіяхъ и безграничную преданность Богу въ самой смерти. Слово съ дѣломъ не разошлось и смерть Его есть Божественная печать истинности божественнаго ученія Его! А это несетъ безграничное утѣшеніе намъ, вливаетъ неизмѣримую радость въ душу вѣрующаго христіанина. Знать, что все ученіе Христа есть абсолютная божественная истина—это значитъ всегда имѣть подъ ногами твердую несокрушимую скалу, а впереди предъ собой положительную реальную цѣль своихъ стремленій и своего бытія. Вся жизнь освѣщена яркимъ небеснымъ свѣтомъ и спокойно течетъ по прямой и гладкой дорогѣ къ вѣчному идеалу вѣчной жизни.

в) Въ смерти Христа раскрываются всѣ совершенства Бога.

Въ страданіяхъ и крестной смерти Христа полнѣе раскрываются свойства и совершенства божественной природы, чѣмъ въ грозныхъ наказаніяхъ за грѣхъ. Мы видимъ здѣсь милующаго, любящаго Отца, спасающаго грѣховный міръ отъ вѣчнаго проклятія такою необъятною Жертвою, какъ

смерть Хріста. Среди проклятій, язвительныхъ издѣвательствъ и кощунственнаго богохульства разъяренной до безумія толпы слышится успокоительное вѣяніе божественной любви Отца Небеснаго! Слышится молитва со креста— *„Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“*,—молитва—это чудо изъ чудесъ, какихъ міръ еще не зналъ! Умирающій за грѣшный міръ на крестѣ Своею чудною молитвою къ Отцу, испрашивая прощеніе виновнымъ, примиряетъ Бога съ грѣшнымъ „человѣкомъ“! И эта молитва къ Отцу, и это примиреніе Бога съ человѣкомъ, ясно и неопровержимо говоритъ, что *„Богъ есть любовь“* (1 Ін. 4, 8), а не грозный каратель преступниковъ. „Не послалъ Богъ Сына своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ былъ спасенъ чрезъ Него“ (Ін. 3, 17). И эту любовь Божію запечатлѣлъ Хрістосъ Своею смертію: „Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Ін. 15, 13). „Но Богъ Свою любовь къ намъ доказалъ тѣмъ, что Хрістосъ умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками“ (Рим. 5, 8). „Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ, и послалъ Сына своего въ умилостивленіе за грѣхи наши“, „чтобы мы получили жизнь чрезъ Него“ (1 Ін. 4, 9—10).

г) Смерть Хріста—не возмездіе за грѣхъ, а средство спасенія грѣшника.

Въ крестной смерти Хріста Спасителя не возмездіе за грѣхъ воздается, а средство къ исправленію грѣшника подается. Если бы это было возмездіемъ за грѣхъ, то должны были бы подвергнуться ему виновные, т. е. сами грѣшники, а не Хрістосъ, безгрѣшный и ни въ чемъ неповинный. Если же Хрістосъ и страдалъ за „грѣхъ міра“, то это говоритъ не о мщеніи какомъ-либо со стороны Бога, а о естественныхъ слѣдствіяхъ самаго грѣха, который Онъ добровольно принялъ на Себя. Такова ужъ природа грѣха, что онъ самъ въ себѣ носитъ и свое наказаніе. „Вотъ, Я предлагаю вамъ путь жизни и путь смерти“, сказалъ Господь народу устами

пр. Іереміи (21, 8). И отъ самихъ же людей зависитъ выборъ того или другого пути. И этимъ выборомъ самъ человѣкъ опредѣляетъ свою судьбу. Такой принципъ своего міроправленія установилъ Господь еще чрезъ Моисея. Важность этого принципа Онъ утверждаетъ клятвою. „Во свидѣтели предъ вами призываю сегодня небо и землю, говорилъ Господь народу еврейскому: жизнь и смерть предложилъ Я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь, дабы жилъ ты и потомство твое, любилъ Господа, Бога твоего, слушалъ гласъ Его и прилѣплялся къ Нему; ибо въ этомъ жизнь твоя и долгота дней твоихъ“ (Втор. 30, 19—20). Значитъ, самъ человѣкъ избираетъ себѣ путь грѣха, путь смерти и тѣмъ налагаетъ на себя и наказаніе за свой выборъ. Что же касается Бога, то Онъ съ клятвою объявилъ: „Живу Я, говсритъ Господь Богъ: не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего, и живъ былъ. Обратитесь, обратитесь отъ злыхъ путей вашихъ; для чего умирать вамъ, домъ Израилевъ“ (Іезек. 33, 11; 18, 32, 23)? И если когда, то, именно, послѣ смерти Христа человѣкъ становится отвѣтственнымъ за свой грѣхъ, за свою погибель! И это понятно почему. Смерть Христа, раскрывая всю гнусность грѣха и безграничную любовь Божію, отвращаетъ человѣка отъ грѣха и привязываетъ къ Богу, вызывая въ немъ любовь къ Богу и стремленіе къ самоисправленію и борьбѣ со грѣхомъ. И кто любитъ Бога, тотъ не можетъ грѣшить: „всякій любящій родившаго, любитъ и рожденнаго отъ Него“ (1 Ін. 5, 1). „И всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога“ (1 Ін. 4, 7). А „всякій, рожденный отъ Бога, не дѣлаетъ грѣха; потому что сѣмя Его пребываетъ въ Немъ; и онъ не можетъ грѣшить, потому что рожденъ отъ Бога“ (1 Ін. 3, 9).

д) Смерть Христа есть показатель природы и силы грѣха.

Вникая глубже во всѣ обстоятельства крестной смерти Христа, мы видимъ, что на Голгоѳѣ обнажается грѣхъ во

всей своей наготѣ. Смерть Хріста показываетъ намъ, до какой степени люди злы, возненавидѣли истину и возлюбили тьму. Главными мотивами къ убіенію Хріста послужили любовь къ угожденію своей плоти, къ міру и ненависть къ Богу. Во всей этой мрачной исторіи выступаютъ предъ нами три виновника смерти въ убійцахъ Хріста: плоть, міръ и діаволъ. Эти три стимула реализировались вокругъ креста въ эгоизмѣ, корыстолюбіи и упорномъ противленіи Богу. Убійцы Хріста слишкомъ были чувственны въ угожденіи своей плоти, корыстолюбивы, честолюбивы и властолюбивы, и, наконецъ, вѣрные слуги сатаны, исполняющіе всѣ похоти его въ озлобленіи противъ Бога. „У нихъ, по выраженію апостола, чрево ихъ богъ“ (Фил. 3, 19), „любостяженіе“—ихъ культъ, „идолослуженіе“ (Кол. 3, 5; Еф. 5, 5), „сребролюбіе“—ихъ идеалъ, „корень всѣхъ золъ ихъ“ (1 Тим. 6, 10; ср. Лк. 16, 14). „Они были самолюбивы и сребролюбивы“ (2 Тим. 3, 2) и „возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божію“ (Ін. 12, 43) и потому, „богъ вѣка сего ослѣпилъ ихъ умы“ (2 Кор. 4, 4). „Они болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы“ (Ін. 3, 19). „Они не имѣли въ себѣ любви къ Богу“ (Ін. 5, 42) и по своей духовной природѣ были дѣтьми діавола, дѣла котораго они творили (Ін. 8, 41). Они „искали убить Іисуса, сказавшаго имъ истину“, потому что „ихъ отецъ—діаволъ, и они хотѣли исполнять похоти его“. А „онъ былъ человѣкоубійца отъ начала, и не устоялъ въ истинѣ; ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое; ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“ (Ін. 8, 40, 44).

Такими являются распинатели Хріста по своему духовно-нравственному облику. Въ нихъ и чрезъ нихъ открывается намъ природа грѣха, сила его разрушительнаго дѣйствія на человѣка, обнимающаго всѣ духовныя и физическія силы каждаго грѣшника, а также ярко опредѣляется и степень развитія его въ моментъ смерти Хріста. На послѣднее обстоятельство нельзя не обратить своего

вниманія, такъ какъ моментъ смерти Христа есть моментъ зрѣлости грѣха. Мы отмѣтимъ это.

„Каинъ убилъ брата своего“ по зависти, что „дѣла его были праведны“ (1 Ін. 3, 12); евреи избивали пророковъ Божіихъ за ихъ обличенія (Мѳ. 23, 37; Дѣян. 7, 52; Мѳ. 5, 12; Лк. 4, 24—26); а современники Христа убиваютъ Богочеловѣка, Самого Сына Божія, принявшаго плоть человѣческую (Мѳ. 21, 33—41, 45—46). Здѣсь, какъ видимъ, святость, въ лицѣ Христа, и грѣховность, въ лицѣ Его враговъ, стоятъ другъ противъ друга и оттѣняютъ другъ друга во всей поразительной ясности. Чрезъ сопоставленіе рядомъ этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ является предъ нами во всей божественной чистотѣ святость Христа и во всей омерзительной гнусности грѣховность Его распинателей и хулителей Бога. Безъ крестной смерти Христа, мы не знали бы, что такое святость и что такое грѣхъ, по своей внутренней природѣ, могуществу и внѣшнему проявленію. Здѣсь-то, именно, и начинается тяготѣніе человѣка къ Богу и отвращеніе отъ грѣха.

е) Смерть Христа есть судъ міру, по слову Самого Христа.

Идя на Свои вольныя страданія, Христосъ сказалъ: „нынѣ судъ міру сему; нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“ (Ін. 12, 31). Своею смертію Онъ показалъ людямъ: каковы они и на что способны, какъ велика ихъ злоба и ненависть къ истинѣ и добру, какова ихъ несправедливость и жестокость къ ближнему, каково противленіе ихъ Самому Богу въ отверженіи Его Сына чрезъ распятіе на Голгоѳѣ. Всѣ эти историческіе примѣры—живые и вѣчные примѣры для всего человѣчества. А потому, смерть Христа ставитъ каждаго на судъ: кто—онъ, каковъ—онъ и что онъ сдѣлалъ. Смерть Христа есть зеркало для каждаго человѣка, въ которомъ отражается все его нравственное безобразіе, уклоненіе отъ своего идеала, извращеніе его природы, неестественность его состоянія, умственное и нравственное его уродство.

Отсюда, Голгоѳа есть мѣсто суда и для насъ, и для каждаго человѣка, гдѣ бы и когда бы онъ ни жилъ, и кто бы онъ ни былъ. Разъ мы грѣшны, то чрезъ свои грѣхи мы и участники въ смерти Хріста. Если мы замѣтимъ въ себѣ хоть одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, которые вызвали въ свое время убійство Хріста, то мы уже являемся соучастниками въ Его смерти. „Грѣхъ міра", а слѣдов., и наши грѣхи въ частности—причина смерти Хріста. Будь люди безгрѣшны,—и Хрісту не зачѣмъ было бы воплощаться и умирать. И по самому существу дѣла, мы каждымъ грѣхомъ своимъ ставимъ себя въ такое же отношеніе ко Хрісту, въ какомъ находились распинатели и хулители Его. Всякій грѣхъ нашъ говоритъ: „долой Хріста, смерть Хрісту, распни, распни Его"!

ж) Въ смерти Хріста—„правда Божія".

Въ смерти Хріста не въ томъ проявилась „правда Божія", что Жертва (Сынъ Б.) принесена была за „грѣхъ міра", а въ томъ, что эта жертва сдѣлала людей способными принять даръ прощенія грѣховъ, милость Божію. Правда Божія была бы нарушена, если бы Богъ, по своей безконечной любви, простилъ грѣхи людей, а люди не поняли бы этого, не оцѣнили бы такой милости—не измѣнились бы къ лучшему, а остались бы такими же упорными грѣшниками, какими и были они. Это было бы насильственное спасеніе въ нарушеніе „правды Божіей".

з) Смерть Хріста даетъ намъ такой завѣтъ:

„Когда тропой тернистой
Господь ведетъ,—ступай.
И лишь молитвой чистой
Дорогу расчищай.
Когда кругомъ лишенья,
Потери и бѣды,
Въ колѣноприклоненьи

Отраду находи
Когда позоръ проклятья
На голову спадутъ,
Молись ты у распятья,—
Замолкнутъ побѣгутъ.
Пусть міръ въ ожесточеньи
Отниметъ все,—отдай.
И что сказалъ въ лишеньи
Мужъ Іовъ —вспоминай.
Страдалецъ! вѣрь въ спасенье,
На Бога уповай...
За горе. за терпѣнье,
Господь даруетъ рай.

Пусть жребій твой весьма печаленъ,—
Судьбу свою не проклинай,
И подъ бичемъ невзгодъ суровыхъ
На Бога только уповай!
Пусть боленъ ты душой и тѣломъ,
Но смерть къ себѣ не призывай,
Молись Творцу и терпѣливо
На исцѣленье уповай!
Пусть бѣденъ ты, но будь доволенъ--
Обогащенья не желай,
И, лишь трудясь для пропитанья,
На помощь Бога уповай!....
И пусть ты ближними обиженъ,
Терпи обиды и прощай.....
И вотъ весь смыслъ, вся мудрость жизни:
„На Бога только уповай“!...

Въ чемъ состоитъ искупленіе и какъ оно проявляется въ крестной смерти Христа?

Грѣхъ есть реальная сила въ человѣчествѣ. Чтобы уничтожить ее, требуется другая, противоположная, такая

же реальная, но высшая сила, которая можетъ исходить только отъ Бога, а не человѣка: потому что простить грѣхъ и освободить отъ слѣдствій его—свойственно одному только Всемогущему Богу. Слѣдов., вопросъ теперь состоитъ въ томъ, какъ смерть Хріста могла сообщить человѣку реальную божественную силу для уничтоженія въ немъ реальной силы грѣха.

Искупленіе человѣка не есть только прощеніе грѣховъ его, но внутреннее перерожденіе всего существа его, измѣненіе всей природы его, обновленіе человѣка, новое рожденіе его въ новую жизнь. Возрожденіе это совершается, подъ вліяніемъ крестной смерти Хріста—Спасителя, всемогущимъ дѣйствіемъ благодати Св. Духа. Крестная смерть Хріста возжигаетъ въ сердцѣ человѣка новую жизнь, которая совершенно угасала въ немъ подъ воздѣйствіемъ грѣха, короче сказать: искупленіе человѣка есть полное освобожденіе его отъ грѣха. Въ этомъ и состоитъ его спасеніе.

Процессъ духовнаго обновленія или возрожденія совершается такъ:

Крестная смерть Хріста раскрываетъ предъ человѣкомъ безконечную любовь Бога и, обнажая во всей наготѣ всю гнусность грѣха, вызываетъ въ немъ ненависть и отвращеніе къ грѣху. Смотря на распятаго Хріста и вникая глубже во всѣ обстоятельства Его смерти, нельзя не полюбить отъ всего сердца Хріста, нельзя не привязаться всѣмъ существомъ къ Богу, а вмѣстѣ съ этимъ, нельзя не возненавидѣть всѣми силами „грѣха", который такъ мерзокъ въ очахъ Божіихъ и такъ гнусенъ и отвратителенъ, какимъ онъ явился во всѣхъ обстоятельствахъ крестной смерти Хріста.

Спасеніе человѣка отъ грѣха, вытекающее изъ безконечной любви Бога къ человѣку и абсолютной ненависти Его ко грѣху, становится теперь, по тѣмъ же мотивамъ, задачею жизни и для человѣка, который на любовь Бога отвѣчаетъ своею любовью къ Богу и абсолютною нена-

вистью къ грѣху. Тотъ, кто любитъ Бога, тотъ ненавидитъ грѣхъ, тотъ осуждаетъ грѣхъ. А осудить грѣхъ во плоти—это значитъ ввести въ сознаніе человѣка ясное представленіе о гнусности грѣха, полное и совершенное отвращеніе ко грѣху, такъ чтобы грѣхъ болѣе уже не царствовалъ въ смертномъ его тѣлѣ (Рим. 6, 12), не распоряжался въ немъ, какъ полновластный хозяинъ и владыка (Дѣян. 26, 18; Кол. 1, 13). Воля Бога, направленная къ добру и ненавидящая зло, становится теперь волею человѣка, вполнѣ и абсолютно гармонирующею съ волею божественною. А потому человѣкъ не можетъ теперь допустить господства грѣха въ своей области, во всемъ своемъ существѣ. Въ немъ пробуждается такая же ненависть къ грѣху, какая существуетъ въ самомъ Богѣ: идеалъ добра въ Богѣ становится идеаломъ и человѣка. Онъ можетъ любить только добро, стремиться къ добру и жить добромъ. Добро и правда—это основа бытія человѣка, атмосфера въ которой проявляется и развивается его жизнь и осуществляется цѣль бытія, для которой онъ и созданъ.

Понятно теперь, что спасти человѣка отъ грѣха—это не значитъ только юридически освободить его отъ отвѣтственности за грѣхъ, отъ наказанія за грѣхъ, снять вину грѣха, но измѣнить самую природу человѣка, возродить все существо его, сдѣлать его новымъ твореніемъ, пересоздать его на новыхъ началахъ, вложить въ него новый духъ, новую закваску жизни, новую цѣль и новыя стремленія во всемъ существѣ его. Прежде онъ жилъ для грѣха, а теперь для Бога; прежде онъ считалъ свое „*Я*“ центромъ и цѣлію своего бытія, а теперь этотъ центръ онъ переноситъ на Бога и себя всецѣло отдаетъ на служеніе ближнему; прежде онъ стремился господствовать надъ другими, а теперь онъ ищетъ послужить другимъ; прежде онъ требовалъ себѣ жертвъ отъ другихъ, а теперь онъ себя приноситъ въ жертву другимъ; прежде онъ во всемъ исполнялъ волю діавола, а теперь воля Бога—законъ для него,—короче

сказать: прежде другіе, не исключая и Самаго Бога, существовали для него, а теперь онъ существуетъ для другихъ. Центръ всего его бытія измѣнился.

Так. обр., вся сила крестной смерти Хріста заключается въ томъ, что она воспламеняетъ въ сердцѣ человѣка любовь къ Богу, вызываетъ въ немъ глубокое чувство виновности предъ Богомъ и сознаніе безконечнаго милосердія Божія къ падшему человѣчеству.

Общій завѣтъ крестной смерти можно освѣтить примѣромъ страдальцевъ при крестѣ:

У креста стоятъ въ молчаньи
Друзья распятаго Хріста.
Тяжелъ ихъ жребій—въ ожиданьи
Грядущей смерти безъ конца.

* * *

Среди клеветъ, среди проклятій
Онъ долженъ вѣрно умереть:
И мечъ пронзаетъ сердце жаломъ,—
Имъ легче-бъ было умереть!

* * *

Сердце ихъ бьется любовью къ Страдальцу,—
На любовь отвѣчаетъ Любовь:
„Вотъ—твой Сынъ, а Ты будь Мать“,—
Залогъ спасенья всѣмъ любовь!..,

А гдѣ любовь, тамъ и молитва сильна предъ Богомъ, подъ воздѣйствіемъ которой вѣрующій постоянно обновляется и укрѣпляется духомъ. Труденъ подвигъ борьбы со грѣхомъ, но силенъ Богъ на защиту отъ натиска врага. Близость Бога даетъ ему силу и живую увѣренность въ побѣдѣ. Этотъ грѣхъ уже побѣжденъ Хрістомъ; но Хрістосъ—мой братъ по плоти, глава тѣла, членомъ котораго я состою. Въ лицѣ Хріста и я, какъ единый съ Нимъ по своей природѣ, какъ членъ Его тѣла, становлюсь участни-

комъ въ Его торжествѣ надъ грѣхомъ. Его сила—моя сила; Его побѣда—моя побѣда. Мнѣ остается только поддержать единство съ Нимъ, своимъ стремленіемъ къ Нему и молитвой о помощи Его. Постоянная молитва поддерживаетъ и укрѣпляетъ такое духовное объединеніе со Хрістомъ; а гдѣ Хрістосъ, тамъ нѣтъ грѣха, тамъ врагъ побѣжденъ. А потому.

„Молись въ день радужнаго счастья,
Предъ труднымъ подвигомъ молись!
Молись, когда грозитъ ненастье,
Когда смущаешься, молись!
Молись, когда за милыхъ просишь,
Когда въ опасности, молись!
Молись, когда слабѣютъ силы,
Когда возносишься, молись!
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденнаго молись!
Молись въ минуту искушенья,
Коль побѣдилъ себя, молись!
Молись въ предсмертное мгновенье,
Чтобъ Богъ простилъ тебя, молись!

Какимъ образомъ смерть Хріста становится фактическимъ достояніемъ человѣка?

Хрістосъ, какъ побѣдитель грѣха, объединившись со всѣмъ человѣчествомъ Своею плотію, сталъ источникомъ жизни для всѣхъ людей, прививкомъ новой жизни, чистой закваской святой жизни, новымъ принципомъ духовнаго возрожденія. Хрістосъ, какъ побѣдитель грѣха, неизбѣжно становится побѣдителемъ и смерти, какъ слѣдствіемъ грѣха, а также и діавола, какъ виновника грѣха и смерти въ людяхъ. Смерть не царствуетъ надъ Безгрѣшнымъ и діаволъ утратилъ то оружіе, которымъ онъ держалъ у себѣ въ рабствѣ все человѣчество отъ Адама до Хріста.

Отсюда всѣ во Хрістѣ, объединенные съ Нимъ въ Его воплощеніи, становятся, въ Его лицѣ, участниками и побѣды Его надъ грѣхомъ, смертію и діаволомъ, причастниками Его славнаго воскресенія и вѣчной духовной жизни, какъ пріобщившіеся къ Его божественной природѣ. Они умерли и воскресли со Хрістомъ и вѣчно живутъ во Хрістѣ, потому что они—едино съ Хрістомъ, одно тѣло Хріста.—Они во Хрістѣ и Хрістосъ въ нихъ. Онъ глава ихъ. И какъ глава не можетъ быть отдѣлена отъ тѣла, такъ и тѣло - отъ главы. Жизнь всего организма—въ цѣломъ.

А потому, побѣда и святость Хріста становятся и ихъ побѣдою во Хрістѣ и святостію со Хрістомъ. Безъ Него они, какъ оторванные отъ источника жизни, какъ отложившіяся отъ лозы вѣтки, опять возвращаются подъ власть грѣха и умираютъ.

Отсюда царство Хріста—царство побѣды надъ грѣхомъ, смертію и діаволомъ, царство святости и вѣчной жизни, въ противоположность царству грѣха, смерти и діавола. И какъ діаволъ „дѣйствуетъ въ сынахъ противленія“ (Еф. 2,2) и царствуетъ надъ ними посредствомъ грѣха, такъ и Хрістосъ, объединившись чрезъ плоть съ вѣрующими, господствуетъ надъ ними, укрѣпляя въ нихъ „свой Духъ“ (Рим. 8, 9). Это царство вѣчнаго мира и блаженства открыто смертію Хріста для всѣхъ, и желающіе имѣютъ туда свободный доступъ, свободный входъ и, при этомъ, получаютъ все необходимое для осуществленія такого желанія.

Безконечная любовь Божія, открывшая смертію Хріста свободный входъ въ вѣчное царство Его, дѣйствительно сообщила человѣку и необходимыя къ тому средства и полную физическую возможность. Для этого она установила Церковь, гдѣ каждый можетъ проявлять свою свободу стремленія ко Хрісту, преодолѣвать всѣ препятствія на этомъ пути, развивать и укрѣплять свои силы въ борьбѣ съ этими препятствіями и тѣмъ закалять свою волю въ достиженіи добрыхъ цѣлей и совершенствовать свою любовь къ источ-

нику истины и добра—Богу. Такою борьбою со грѣхомъ вѣрующій очищается отъ грѣха и, пользуясь всѣми благодатными средствами, самъ становится побѣдителемъ грѣха и діавола чрезъ Хріста. Онъ отрекся отъ грѣха, онъ ненавидитъ грѣхъ, который вознесъ Сына Божія на крестъ, онъ живетъ для Хріста, во Хрістѣ и со Хрістомъ. Хрістосъ для него—жизнь, а физическая смерть—пріобрѣтеніе (Фил. 1, 21). Вся временная жизнь его на землѣ—ничто въ его глазахъ, Его духовные взоры, его мысли и чувства устремлены на небо,—его истинное отечество, откуда и ждетъ онъ себѣ избавленіе отъ суетнаго міра (Фил. 3, 20; Еф. 3, 15; 2 Кор. 5, 1). Живой примѣръ этого мы видимъ въ ап. Павлѣ. Онъ говоритъ о себѣ и за всѣхъ истинно вѣрующихъ: „что для меня было преимуществомъ, то ради Хріста я почелъ тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познанія Хріста Іисуса, Господа моего. Для Него я отъ всего отказался, и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Хріста“ (Фил. 3, 7—8). А когда онъ пріобрѣлъ Хріста, то чувствовалъ, что никто не могъ разлучить его съ Нимъ.

„Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ“?... „Я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Хрістѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“ (Рим. 8, 38—39).

А среди гоненій за Хріста онъ побѣдоносно заявлялъ: „Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Хрістѣ“ (Фил. 4, 13). Въ своемъ стремленіи ко Хрісту онъ преодолѣвалъ всѣ препятствія на пути и торжественно говорилъ: „Все преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ“ (Рим 8, 37).

Примѣръ ап. Павла положительно говоритъ, на основаніи личнаго опыта жизни, что смерть Хріста привлекаетъ

къ себѣ человѣка любовію, которая и связываетъ ихъ вѣчными неразрывными узами между собою. А тамъ, гдѣ любовь, тамъ и побѣда. Таково ужъ свойство любви, „Великое дѣло любовь, говоритъ Ѳома Кемп.—воистину и благо она великое: она одна изъ тяжкаго творитъ легкое и всякую неровность ровно переноситъ; ибо тягость носитъ она безъ тягости, и все горькое превращаетъ въ сладкое и пріятное. Чистая любовь къ Іисусу подвигаетъ къ великимъ дѣламъ и возбуждаетъ въ душѣ желанія одно другаго совершеннѣе. Любовь всегда вверхъ стремится, и ни отъ какихъ нижнихъ дѣлъ не терпитъ задержанія. Любовь хочетъ быть свободна и чужда всякой мірской привязанности, чтобъ ничѣмъ не смущалось въ ней внутреннее зрѣніе, чтобъ не связывало ее никакое временное благо, чтобы временная потеря ее не обезсилила. Нѣтъ ничего слаще любви, ничего крѣпче, ничего выше, ничего шире, ничего пріятнѣе, ничего—полнѣе, ничего нѣтъ лучше ея ни на земли, ни на небѣ. Ибо любовь рождена отъ Бога, и въ одномъ только Богѣ можетъ успокоиться превыше всякаго творенія".—„Любовь не чувствуетъ бремени, о трудахъ не помышляетъ; на что нѣтъ силы, и того стремится достигнуть. Не разсуждаетъ она о невозможности, потому что на все дерзаетъ. И такъ есть у нея сила на все, и многое она наполняетъ и приводитъ въ дѣйствіе тамъ, гдѣ неимущій любви отпадаетъ и низлагается" *).

И такое свойство и дѣйствіе любви объясняется природою любви. А природу ея опредѣляетъ Слово Божіе такъ: „Богъ есть любовь" (1 Ін. 4, 8). А потому, „любовь никогда не перестаетъ" (1 Кор. 13, 8),—любовь вѣчна, какъ вѣченъ Богъ!

И эту любовь заповѣдалъ намъ Хрістосъ Своею смертью на крестѣ. Страдалецъ міра всему міру говоритъ:

---

*) „О подраж. Хрісту". Пер. К. Н. Побѣдоносцева. СПБ. 1893 г. стр. 98—99.

„Пойди къ томящимся въ больницѣ,
Ихъ успокой, имъ послужи.
Иль съ заключенными въ темницѣ
Поплачь, посѣтуй, потужи.
Убогихъ, сирыхъ и бездомныхъ
Подъ кровъ свой ласково введи,
Изнемогающихъ, голодныхъ
За столъ съ собою посади.
Пойди во храмъ, проникнись духомъ
Всего свершаемаго въ немъ.
Приникни сердца жаднымъ ухомъ
Къ глаголамъ, дышащимъ огнемъ.
Прильни съ любовію къ подножью
Креста Христова, позабывъ
Весь міръ съ его грѣхомъ и ложью...
Прими Христа съ живой надеждой,
Любовью, вѣрою,—держись
За край святой Его одежды,
Имъ укрѣпляйся, Имъ бодрись.
Взывай къ Нему ты неустанно
Своею жаждущей душой,—
И будешь видѣть непрестанно
Его въ себѣ и предъ собой.

Послѣднія минуты на крестѣ.

„Іисусъ же, опять возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ. И вотъ, завѣса въ храмѣ раздралась надвое, сверху до низу; и земля потряслась; и камни разсѣлись; и гробы отверзлись; и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли; и, вышедши изъ гробовъ, по воскресіи Его, вошли во святый градъ, и явились многимъ“ (Мѳ. 27, 50—53).

Распятый на крестѣ нечистыми руками,
Межъ двухъ разбойниковъ, Сынъ Божій умиралъ.

Кругомъ мучители нестройными толпами.
У ногъ рыдала Мать. Девятый часъ насталъ:
Онъ предалъ духъ Отцу. И тьма объяла землю,
И громъ гремѣлъ, и, гласу гнѣва внемля,
Евреи въ страхѣ пали ницъ...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробницъ,
И мертвые, возставъ, явилися живыми...
А между тѣмъ, въ далекомъ Римѣ
Надменный временщикъ безумно пировалъ,
Стяжаніемъ неправеднымъ богатый,
И у воротъ его палаты
Голодный нищій умиралъ.
А между тѣмъ софистъ, на догматы ученья
Всѣ доводы ума напрасно истощивъ,
Подъ бременемъ неправдъ, подъ игомъ заблужденья,
Являлся въ сонмищахъ унылъ и молчаливъ.
Народъ блуждалъ во тьмѣ порока,
Неслись стенанія съ земли,—
Все ждало истины...;
И скоро отъ Востока
Пришельцы новое ученье принесли...
И, старцы разумомъ и юные душою,
Съ молитвой пламенной, съ крестомъ на раменахъ,
Они пришли—и пали въ прахъ
Слѣпые мудрецы, предъ рѣчію святою,
И нищій жизнь благословилъ,
И въ запустѣніи богатаго обитель,
И въ прахѣ идолы, а въ храмахъ Бога силъ
Сіяетъ на крестѣ Голгоѳскій Искупитель!

(Апухтинъ).

И напрасно весь міръ
На Тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Отъ Тебя осуждалъ;

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца Ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

(А. В. Кольцовъ).

Снятіе со креста и почитаніе креста.

„Когда же насталъ вечеръ; пришелъ богатый человѣкъ изъ Аримаѳеи, именемъ Іосифъ“ (Мѳ. 27, 57). *„Онъ просилъ Пилата, чтобы снять тѣло Іисуса; и Пилатъ позволилъ. Онъ пошелъ, и снялъ тѣло Іисуса. Пришелъ также и Никодимъ и принесъ составъ изъ смирны и алоя, литръ около ста. И такъ они взяли тѣло Іисуса, и обвили его пеленами съ благовоніями“* (Ін. 19, 38—40) *„и положили Его во гробѣ, который былъ высѣченъ въ скалѣ, и привалили камень къ двери гроба“* (Мр. 15, 46).

Пречистое тѣло Господа сняли со креста и погребли въ новомъ гробѣ, а крестъ оставили для видимаго благоговѣйнаго почитанія Умершаго на немъ Искупителя и Спасителя міра. И вѣрующіе, видимо почитая крестъ, невидимо почитаютъ Распятаго на немъ. Крестъ становится теперь видимымъ орудіемъ невидимаго спасенія нашего. А потому, съ крестомъ соединяется сила и дѣйствіе Распятаго и Умершаго на крестѣ. Вотъ почему вѣрующій, почитая крестъ, благоговѣйно молится такъ:

О, вѣчный знакъ небесной силы,
Рукотворенный крестъ святой!
Ты украшеніе могилы,
Утѣха въ горести земной.
Съ безумной злобой презирали
Тебя всегда враги Христа...
А я не въ силахъ безъ печали
Припасть къ подножію Креста.

Тебя какъ щитъ и огражденье
Я на груди ношу своей....
Ты всѣхъ страстей успокоенье,
Ты—радость страждущихъ людей.
О, знакъ любви и всепрощенья
Я пѣснь хвалы тебѣ пою...
Ты—дивный образъ искупленья,
Съ тобой я кончу жизнь свою.
Податель мира, утѣшенья!
Когда засну могильнымъ сномъ,
Ты дай мнѣ съ вѣрой въ воскресенье
Лежать спокойно подъ крестомъ.

* * *

О, крестъ святой символъ смиренья,
Какъ мнѣ отрадно предъ тобой,
Ты силу, крѣпость, утѣшенье
Даешь душѣ моей больной.
Предъ тобой я забываю
Все горе жизни, всю печаль;
Весь міръ я будто покидаю,
Гляжу спокойно, твердо вдаль.
Окончивъ трудъ дневной, я часто
Къ тебѣ за отдыхомъ спѣшу,
И у тебя покой и счастье
И силу снова нахожу.
И у подножія святого
Мнѣ такъ отрадно и легко;
И мысль летитъ къ Престолу Бога
И на душѣ свѣтло, свѣтло.
И въ это чудное мгновенье
Желалъ-бы я на-вѣкъ заснуть....
О, дай святое Провидѣнье,
Мнѣ у креста свой кончить путь.

Исканіе Хріста.

„Іисусъ сказалъ имъ (Іудеямъ): еще не долго быть Мнѣ съ вами, и пойду къ пославшему Меня. Будете искать Меня; и не найдете; и гдѣ буду Я, туда вы не можете прійти (Ін. 7, 33—34). Опять сказалъ имъ Іисусъ: Я отхожу, и будете искать Меня; и умрете во грѣхѣ своемъ. Куда Я иду, туда вы не можете прійти (Ін. 8, 21). Пока свѣтъ съ вами, вѣруйте въ свѣтъ, да будете сынами свѣта. Сказавъ сіе, Іисусъ отошелъ, и скрылся отъ нихъ (Ін. 12, 36). Дѣти! не долго уже быть Мнѣ съ вами. Будете искать Меня, и, какъ сказалъ Я Іудеямъ, что куда Я иду, вы не можете прійти; такъ и вамъ говорю теперь" (Ін. 13, 33).

И раньше народъ часто искалъ Іисуса, когда Онъ временно скрывался отъ него въ пустыню для молитвы. Евангелисты передаютъ намъ такіе случаи изъ жизни Хріста. Такъ въ Евангеліи Луки мы читаемъ: „Когда насталъ день; Онъ (Іисусъ), вышедши изъ дома, пошелъ въ пустынное мѣсто, и народъ искалъ Его и, пришедши къ Нему, удерживалъ Его, чтобы не уходилъ отъ нихъ" (4, 42). Въ другой разъ „Іудеи искали Его на праздникѣ, и говорили: гдѣ Онъ (Ін. 7, 11)? Искали Его и послѣ чудеснаго насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ въ пустынѣ (Ін. 6, 22—26). Искали Его и въ Іерусалимѣ, „и, стоя въ храмѣ, говорили другъ другу: какъ вы думаете? Не прійдетъ ли Онъ на праздникъ" (Ін. 11, 56)? Искали, и находили: а теперь будутъ искать и не найдутъ: потому что Онъ идетъ туда, куда не могутъ они прійти.

Такое настойчивое исканіе Хріста говоритъ о томъ, что люди не могутъ жить безъ Хріста. И это пояснилъ намъ Самъ Хрістосъ: „будете искать Меня и не найдете, и (потому) умрете во грѣхѣ своемъ" безъ Меня.

Это исканіе продолжается и теперь. И кто нашелъ Хріста, тотъ живетъ, а безъ Хріста онъ умираетъ.

Мы не жили—и умираемъ
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но какъ узнаемъ
Тебя—мы?
Все дрожимъ, (и) себя стыдимся,
Тяжелъ мракъ.
Мы молчаній Твоихъ боимся,
О, дай знакъ!
Если нѣтъ *у насъ* надежды,
То все прахъ.
Ты во дни, когда былъ *съ* нами,
Самъ сказалъ:
„Не оставлю васъ Я *сиры*:
Приду къ вамъ".
Нѣтъ Тебя. *Мы не готовы,*
Не билъ часъ.
Но мы вѣримъ,—Ты будешь снова
Среди насъ.

(З. Н. Гиппіусъ).

Хрістосъ умеръ и погребенъ, но Онъ воскресъ и пребываетъ съ нами вѣчно.

„Не оставлю васъ сиры: пріиду къ вамъ (Ін. 14, 18). И се, Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка (Мѳ. 28, 20).

Смерть Хріста чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ объединила Его со всѣмъ человѣчествомъ до скончанія вѣка. До смерти Онъ находился въ общеніи только съ ближайшими къ Нему современниками изъ Еврейскаго народа, а теперь Онъ пребываетъ въ духовномъ единеніи со всѣми вѣрующими во всемъ мірѣ. Онъ—здѣсь, среди насъ и въ насъ, и мы въ Немъ Духомъ Святымъ.

„Не говори, что дни былые
Свѣтлѣй и чище оттого,

Что тамъ Христосъ дѣла святыя
Творилъ—и видѣли впервые
Тамъ Жизнодавца своего.

* * *

Не сожалѣй, что опоздали
Мы къ днямъ гоненій и чудесъ,
Что мукъ Христа не облегчали
И что въ непонятой печали
Учитель распятъ и воскресъ.

* * *

Онъ—здѣсь—Христосъ! Онъ между нами
Онъ—въ добромъ сердцѣ и въ очахъ,
Когда правдивыми устами
Ты убѣждаешь со слезами
О вѣчной правдѣ въ небесахъ.

* * *

Онъ здѣсь—въ толпѣ, къ Нему готовой
Придти и вымолить любовь,
Онъ только снялъ вѣнецъ терновый
И обѣщаетъ жизни новой
Святую вѣру вновь и вновь.

* * *

И, осѣненъ кадильнымъ дымомъ,
Сіяньемъ радугъ и денницъ,
Пришелъ Онъ къ падшимъ и гонимымъ
И всталъ хранителемъ незримымъ
У обезславленныхъ темницъ".

(К. Фофановъ).

И если хочешь видѣть Іисуса, то
„Пойди къ томящимся въ больницѣ,
Ихъ успокой, имъ послужи.
Иль съ заключенными въ темницѣ
Поплачь, посѣтуй, потужи.
Убогихъ, сирыхъ и бездомныхъ
Подъ кровъ свой ласково введи,

Изнемогающихъ, голодныхъ
За столъ съ собою посади.
Пойди во храмъ, проникнись духомъ
Всего свершаемаго въ немъ.
Приникни сердца жаднымъ ухомъ
Къ глаголамъ, дышащимъ огнемъ.
Прильни съ любовію къ подножью
Креста Хрістова, позабывъ
Весь міръ съ его грѣхомъ и ложью...
Прими Хріста съ живой надеждой,
Любовью, вѣрою, —держись
За край святой Его одежды,
Имъ укрѣпляйся, Имъ бодрись.
Взывай къ Нему ты неустанно
Своею жаждущей душой, —
И будешь видѣть непрестанно
Его въ себѣ и предъ собой.

Съ крестомъ въ сердцѣ и молитвою на устахъ не страшна намъ буря жизни, — и мы смѣло идемъ въ бой.

Животворящій крестъ есть знаменіе Сына человѣческаго и непобѣдимое оружіе для хрістіанина. Съ вѣрою въ силу животворящаго креста Господня нестрашна ему жизнь со всѣми невзгодами непрерывной борьбы. Онъ чувствуетъ себя непобѣдимымъ среди напора вражьихъ силъ. Онъ со Хрістомъ, подъ сѣнію Его креста, —несокрушимая скала, о которую разбиваются всѣ бушующія волны разъяреннаго моря. Пусть весь міръ возстанетъ противъ него, пусть всѣ силы ада ополчатся на него, — онъ геройски выступаетъ на бой. О своемъ героизмѣ онъ (самъ) говоритъ:

„Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ—силу, въ сердцѣ—жаръ.
Что погибель! что спасенье!
Будь, что будетъ—все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно!
Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина...
Не грози жъ ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!
У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ—моя могила,
На крестѣ—моя любовь!

(А. В. Кольцовъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Крестохулительство сектантовъ и вѣчная слава Креста Господня.

„*Многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ враги креста Христова*“ (Филипп. 3, 18).

„*Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамѣ; они мыслятъ о земномъ*“ (ст. 19.)

„*Слово о крестѣ для погибающихъ есть безуміе, а для насъ спасаемыхъ сила Божія* (1 Кор. 1, 18).

„*А я не желаю хвалиться, развѣ только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, которымъ для меня міръ распятъ, и я для міра*“ (Гал. 6, 14).

„*Я разсудилъ быть у васъ незнающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго*“ (1 Кор 2, 2).

„*И когда Я вознесенъ буду отъ земли, сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; всѣхъ привлеку къ Себѣ. Сіе говорилъ Онъ, давая разумѣть, какою смертію Онъ умретъ*“ (Ін. 12, 32 - 33).

И „*сказалъ Іисусъ: пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому*“... (ст. 23).

„*Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя*“ (Ін. 17, 1).

„*Отче! прославь имя Твое. Тогда пришелъ съ неба гласъ: и прославилъ, и еще прославлю*“ (Ін. 12, 28).

Сектанты—враги Хріста и ненавистники креста Господня. На ихъ взглядъ „почтительное поклоненіе кресту есть то же идолопоклонство, запрещенное первою и второю *заповѣдями* (Исх. 20, 4—5) и осуждаемое Богомъ чрезъ пророка Іеремію; „уставы народа—пустота: вырубаютъ дерево въ лѣсу, обдѣлываютъ его *руками* плотника при помощи топора, покрываютъ серебромъ и золотомъ, прикрѣпляютъ гвоздями и молотомъ, чтобы не шаталось“ (Іер. 10, 3—4). [1]).

Въ своемъ ослѣпленіи и ожесточеніи противъ Церкви Хрістовой, сектанты прилагаютъ къ Кресту Господню то, что пророки говорили объ идолахъ, которыхъ язычники считали за самыхъ боговъ своихъ. Но „*идолъ въ мірѣ ничто*“, по слову ап. Павла (1 Кор. 8, 4), и онъ изображаетъ собою то, чего нѣтъ, что не существуетъ; потому что „*нѣтъ иного Бога, кромѣ Единаго*“. А потому, „*язычники, принося жертвы* (идоламъ), *приносятъ бѣсамъ, а не Богу*“ (1 Кор. 10, 20). Крестъ же Господень есть изображеніе того, что было въ дѣйствительности, есть орудіе искупительной смерти Хріста и символъ нашего спасенія. Въ крестѣ мы почитаемъ Распятаго за насъ на крестѣ, предъ Которымъ мы благоговѣйно и преклоняемся. И видимый крестъ мы не можемъ мысленно представить безъ распятаго Хріста. И сектанты, такъ относясь ко Кресту Господню, „*поступаютъ какъ враги Креста Хрістова*“, о которыхъ ап. Павелъ, со „слезами говорилъ“ (Филип. 3, 18).

Но еще болѣе вражды сектанты проявляютъ, когда начинаютъ хулить самый Крестъ Господень. И хулятъ они за то, за что мы его почитаемъ и благоговѣйно лобызаемъ Изображеннаго на Крестѣ. Хулы свои они изрыгаютъ такъ: „Крестъ нельзя почитать, ибо онъ *оскверненъ* грѣхами: „Онъ (Хрістосъ) грѣхи наши *Самъ* вознесъ Тѣломъ *Сво-*

1) М. А. Кальневъ. Обличеніе лжеученія русскихъ сектантовъ—раціоналистовъ (духоборовъ, молоканъ, штундобаптистовъ, „Евангельскихъ Хрістіанъ“, адвентистовъ и др.). Изд. второе. Одесса. 1914 г. стр. 391—392.

имъ на *древо*, дабы мы, избавившись *отъ* грѣховъ, жили для правды: ранами Его вы *исцѣлились*" (1 Петр. 2, 24).— „Истребивъ ученіемъ *бывшее о насъ* рукописаніе, которое было противъ *насъ*, *Онъ* взялъ его отъ среды и пригвоздилъ ко кресту" (Кол. 2, 14). [2]).

Богохульное ученіе о крестѣ, что „онъ *оскверненъ* грѣхами". Оскверняется тотъ, кто *грѣшитъ*, чего нельзя сказать о крестѣ. И крестъ не оскверняется грѣхами, но очищаетъ наши грѣхи. А оскверненное можетъ ли очищать? И говорить такъ о крестѣ, какъ говорятъ сектанты,— это значитъ совершенно не понимать искупительной смерти Хріста на крестѣ и отрицать значеніе и дѣйствіе ея для спасенія вѣрующихъ.

Разъ сектанты вступили на путь крестоненавистничества, то чѣмъ дальше говорятъ они о крестѣ, тѣмъ больше слышимъ отъ нихъ богохульства. „Всякій крестъ, говорятъ они, есть *висѣлица*, слѣдовательно, и крестъ, на которомъ *повѣшенъ* былъ Хрістосъ, (Толстовскимъ языкомъ говорятъ), проклятъ". И основаніе на то слѣдующее: „Если въ комъ найдется преступленіе достойное смерти, говоритъ Моисей, и онъ будетъ умерщвленъ, и ты повѣсишь его на деревѣ, то тѣло его не должно *ночевать на деревѣ*, но *погреби* его въ тотъ же день; ибо *проклятъ* предъ Богомъ (всякій) повѣшенный (на деревѣ)" (Втор. 21, 22). Другое основаніе: „Хрістосъ *искупилъ насъ отъ клятвы*, сдѣлавшись за насъ клятвою; (ибо написано: *проклятъ* всякъ, висящій на древѣ") (Гал. 3, 13). „А это рукотворенное проклято и *само* и сдѣлавшій его,—за то, что сдѣлалъ; а это тлѣнное названо богомъ" (Прем. 14, 8). [3]).

Какая смѣсь нелѣпостей и самопротиворѣчій! Для преступниковъ, осужденныхъ на смерть за свои *личныя* злодѣянія, крестъ могъ быть названъ *висѣлицей*, но для Без-

---

[2]) Кальневъ, стр. 392—393.

[3]) Кальневъ, стр. 394.

грѣшнаго Праведника Хріста онъ не могъ быть висѣлицей, а орудіемъ вѣчнаго спасенія людей. Для преступниковъ висѣлица есть дѣйствительно проклятое дерево, но для Хріста крестъ не могъ быть проклятымъ, потому что имъ снималось проклятіе со всего міра смертію Хріста. Законъ Моисея называетъ проклятымъ всякаго висящаго на древѣ, разумѣя дѣйствительнаго злодѣя. Но Хрістосъ, распятый на крестѣ по винѣ другихъ и за другихъ, не могъ быть проклятымъ, потому что лично Самъ въ Себѣ былъ безгрѣшенъ. Проклятіе другихъ на Немъ отразилось только въ Его страданіяхъ и смерти, но Самого Его лично оно не коснулось и не могло коснуться, потому что Онъ не сдѣлалъ грѣха. Рѣчь Премудраго объ идолахъ странно и дико прилагать къ кресту. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто потерялъ здравый разумъ или совершенно утратилъ свою совѣсть. Читатель въ этомъ убѣдится, если мы продолжимъ ему рѣчь Премудраго въ контекстѣ: „Благословенно дерево, чрезъ которое бываетъ правда", которому „люди ввѣряютъ свою жизнь и спасаются, проходя по волнамъ на ладьѣ". Но этому „благословенному дереву" противолается *идолъ*, сдѣланный изъ дерева, котораго плавающіе берутъ съ собою, въ надеждѣ получить спасеніе отъ него. Объ этомъ-то идолѣ, подлежащемъ „наказанію" и говоритъ здѣсь Премудрый. „А это рукотворенное (идолъ) проклято и само, и сдѣлавшій его, за то, что сдѣлалъ, а это тлѣнное (деревянный идолъ) названо богомъ. Ибо равно ненавистны Богу и нечестивецъ и нечестіе его; и сдѣланное вмѣстѣ съ сдѣлавшимъ будетъ наказано. Посему и на *идоловъ языческихъ* (открыто и ясно говоритъ Премудрый) будетъ судъ, такъ какъ они среди созданія Божія сдѣлались мерзостію, соблазномъ душъ человѣческихъ и сѣтью ногамъ неразумныхъ. Ибо вымыслъ идоловъ — начало блуда, и изобрѣтеніе ихъ — растлѣніе жизни" (Прем. Солом. 14, 1—12). И эти-то слова Премудраго сектанты прилагаютъ къ кресту Господню! Поистинѣ, полное помраченіе здра-

ваго разума или окончательное **сожженіе ими своей** совѣсти!

„Крестъ, говорятъ сектанты, это тотъ же эшафотъ, „висѣлица“, „шыбеница“: можно ли чествовать, на которой умеръ дорогой мнѣ человѣкъ, могу ли я почитать, наприм., кусокъ дерева, которымъ убитъ мой *братъ* или отецъ“ [4])?

Объ этомъ мы уже сказали выше. И теперь достаточно сказать, что не орудіемъ казни возвышается или понижается геройство казненнаго, а геройствомъ смерти возвышается почетъ орудія казни. Мы почитаемъ крестъ, потому что на немъ добровольно умеръ не злодѣй за свои преступленія, а Безгрѣшный Богочеловѣкъ, и умеръ не за временныя ничтожныя и тлѣнныя блага, а за вѣчное спасеніе всего рода человѣческаго. Такой безграничный подвигъ за спасеніе міра заставляетъ преклониться не только предъ самимъ Хрістомъ, но и предъ орудіемъ Его славной смерти!

До какой степени сектанты извратили истиное понятіе о крестѣ, объ этомъ можно судить уже по тому, что они говорятъ: „кто крестится рукою, тотъ снова распинаетъ Хріста“. (Въ основаніе приводятъ слова ап. Павла изъ посланія къ Евреямъ 6, 4—6). „*Крестное знамя это то же, что печать антихріста, о которой говорится въ Откровеніи* (14, 9—11). [5]). Превратить крестное знамя въ печать антихріста—это то же, что и фарисеи говорили о Хрістѣ, что Онъ силою веельзевула изгоняетъ бѣсовъ и творитъ чудеса (Мѳ. 9, 34; 12, 24, 27), что Онъ—Самъ Самарянинъ и въ Немъ бѣсъ (Ін. 7, 20; 8, 52). Дальше идти некуда въ богохульствѣ Хріста и Его Креста!

Противъ крестохулительства сектантовъ говоритъ намъ въ прославленіе Креста Господня исторія фактами жизни.

---

[4]) Кальневъ, стр. 398—399.

[5]) Кальневъ, стр. 402 и 403.

Историкъ Евсевій передаетъ дивное явленіе знаменія Креста Господня Константину, въ достовѣрности котораго съ клятвою увѣрялъ историка самъ царь. Евсевій со словъ побѣдоноснаго царя Константина записалъ слѣдующее:

„Однажды въ полуденные часы дня, когда солнце уже начало склоняться къ западу, говорилъ царь, я собственными очами видѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью „симъ побѣдиши". Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско, которое, само не зная куда, слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чудо. Константинъ находился однакожъ въ недоумѣніи и говорилъ самъ въ себѣ: что бы значило такое явленіе? Но между тѣмъ, какъ онъ думалъ и долго размышлялъ о немъ,—наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Хрістосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобно этому видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ враговъ. Вставъ вмѣстѣ съ наступленіемъ дня, Константинъ разсказалъ друзьямъ своимъ тайну и потомъ, позвавъ мастеровъ, умѣвшихъ обращаться съ золотомъ и драгоцѣнными камнями, сѣлъ между ними и, описавъ имъ образъ знамени, приказалъ, по подражанію ему, сдѣлать такое же изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Это знамя случилось видѣть и намъ (т. е. Евсевію) собственными очами. Этимъ спасительнымъ знаменіемъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, всегда пользовался царь для преодолѣнія противной и враждебной силы и приказалъ во всѣхъ войскахъ носить подобныя ему" (Кальневъ, стр. 413).

Чрезъ 14 лѣтъ послѣ явленія св. Константину на небѣ креста Хрістова, благочестивая его мать, св. Елена, отправилась въ Іерусалимъ, и тамъ, по указанію въ особомъ видѣніи, обрѣла крестъ Господенъ зарытымъ въ землю вмѣстѣ съ другими двумя крестами разбойниковъ, распятыхъ со Хрістомъ. По свидѣтельству историка Созомена (5 в.), крестъ Господенъ узнали посредствомъ чудесъ, со-

вершенныхъ чрезъ него надъ одной уже умиравшей женщиной въ Іерусалимѣ и надъ умершимъ. Іерусалимскій еп. Макарій, явившись къ больной женщинѣ въ сопровожденіи матери царя и своихъ приближенныхъ, по совершеніи молитвы, возложилъ на больную первые два креста, и она ничего не почувствовала. Но когда коснулись ея третьимъ крестомъ, то она тотчасъ же почувствовала себя совершенно здоровою. Такимъ же образомъ былъ воскрешенъ и мертвый [6]).

Послѣ побѣды надъ Максентіемъ въ 312 г. Константинъ Великій прославилъ крестъ Господенъ, чрезъ который онъ получилъ благодатную помощь въ борьбѣ со врагомъ. „Онъ приказалъ изобразить себя держащимъ въ рукѣ знаменіе спасительнаго страданія. И когда Римляне на самомъ людномъ мѣстѣ города воздвигнули ему статую съ спасительнымъ знаменіемъ креста въ правой рукѣ: то онъ повелѣлъ начертать подъ ней на латинскомъ языкѣ надпись такими словами: „*Этимъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ доказательствомъ мужества, я спасъ и освободилъ вашъ городъ (Римъ) отъ ига тиранна и, по освобожденіи его, возвратилъ римскому сенату и народу прежній блескъ и знаменитость*“ [7]).

Исторія представляетъ намъ много фактовъ явленія знаменія креста Хрістова на небѣ. Мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

„*Неаній*, впослѣдствіи св. великомученикъ *Прокопій*, состоялъ на службѣ у римскаго императора Діоклитіана, извѣстнаго жестокаго гонителя хрістіанъ. Діоклитіанъ, сдѣлавъ его воеводою, послалъ съ отрядомъ войска въ Але-

---

[6]) Кромѣ Созомена о чудномъ обрѣтеніи Креста Господня свидѣтельствуютъ жившіе въ 4 в. св. отцы: Амвросій Медіоланскій, Іоаннъ Златоустъ, Павлинъ, еп. Нолы, который говоритъ о воскрешеніи умершаго, Руфинъ и историкъ 5 в. Сократъ. (Кальневъ, стр. 414).

[7]) Объ этомъ разсказываетъ довѣренный другъ Константина, историкъ Евсевій, въ знаменитой исторіи. См. „Церковная Исторія Евсевія Памфила“. СПБ. 1858. Перев. СПБ. дух. академіи. Томъ 1, кн. 9, стр. 484—485.

ксандрію, приказавъ ему преслѣдовать, мучить и убивать тамъ хрістіанъ, а имѣнія ихъ отбирать въ царскую казну [8]). На пути близъ Агаміи сирской, въ третьемъ часу ночи, сдѣлалось вдругъ землетрясеніе, блистаніе молній и страшный громъ, такъ что отъ страха сдѣлались всѣ какъ-бы мертвыми. А самъ воевода услышалъ голосъ, говорящій ему: „*Неаній*, куда ты идешь и на кого возстаешь“? Онъ же въ страхѣ отвѣчалъ: „посланъ я царемъ въ Александрію убивать всѣхъ вѣрующихъ въ Распятаго“. И снова сказалъ ему голосъ: „о, Неаній, и ты ли идешь на Меня“? Неаній сказалъ: „кто Ты, Господи, ибо я не могу узнать Тебя“? Когда онъ произнесъ это, явился на воздухѣ пресвѣтлый крестъ, какъ бы кристальный, и отъ этого креста былъ слышанъ голосъ: „Я—Іисусъ, Распятый Сынъ Божій“. Неаній въ трепетѣ сказалъ: „если Ты воистину Сынъ Божій, то какъ могли жиды наругаться надъ Тобою, распять и умертвить Тебя“? И сказалъ ему голосъ отъ креста: „ради рода человѣческаго Я подъялъ сіе добровольно, дабы избавить грѣшниковъ отъ власти діавола, взыскать погибшихъ и оживотворить мертвыхъ, и если бы Я не былъ Сынъ Божій, то какъ бы могъ быть живымъ по смерти и говорить съ тобою“? Съ сими словами крестъ взошелъ на небо, и тотчасъ былъ голосъ съ высоты: „симъ знаменіемъ, которое видѣли, побѣждай враговъ, и миръ Мой будетъ съ тобою“. Так. обр., Неаній, какъ нѣкогда Савлъ, на пути изъ гонителей хрістіанъ содѣланъ былъ орудіемъ прославленія имени Хрістова [9]).

Въ обличеніе заблуждающихся и невѣрныхъ и ради утвержденія вѣрующихъ, въ 351 году, 7 мая, было чудное явленіе креста Господня въ Іерусалимѣ, при архіеп. Іерусалимскомъ Кириллѣ. Въ письмѣ къ императору Констан-

---

[8]) Удивительно, всѣ враги креста Хрістова всегда такъ поступали и теперь поступаютъ, какъ мы видимъ на современныхъ намъ нѣмцахъ.

[9]) Чет. Мин. 8 іюля. См. Дьяченко. Уроки и примѣры хріст. вѣры. Москва. 1892 г. Втор. изд. стр. 341—342.

цію (337—361) св. Кириллъ, какъ очевидецъ, изображаетъ это явленіе креста такъ: „7 мая, около третьяго часа дня (т. е. въ девятомъ часу утра), явился на небѣ весьма большой крестъ, составившійся изъ свѣта и протяженный надъ св. Голгоѳою до святой горы Елеонской (на протяженіи около двухъ верстъ). Не одинъ или только двое видѣли его, но весьма явственно видѣнъ былъ онъ всему населенію города. И не скоро какъ подумалъ бы иной, миновалось сіе видѣніе, но въ продолженіи многихъ часовъ. Крестъ очевиднымъ образомъ зримъ былъ надъ землею, молніеноснымъ сіяніемъ превосходящій лучи солнечные. Все народонаселеніе города, объятое страхомъ и, вмѣстѣ, радостію отъ сего боговидѣнія, тотчасъ собралось въ святую церковь—и юные и старцы, мужи и жены, люди всякаго возраста, даже самыя дѣвы, начавшія уже таиться внутри домовъ, жители города и пришельцы христіане, и изъ другихъ мѣстъ прибывшіе язычники.—Всѣ единодушно, какъ бы едиными устами, прославляли чудодѣйствующаго Христа Іисуса Господа нашего, Сына Божія единороднаго, *на самомъ дѣлѣ и опытно уразумѣвъ, что благочестивѣйшее христіанское ученіе состоитъ не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы* (1 Кор. 2, 4); не человѣками *только возвѣщается, но Самимъ Богомъ свидѣтельствуется съ небесъ*". [10]).

Исторія сохранила намъ еще одинъ фактъ явленія на небѣ креста Господня, въ память чего установленъ у насъ праздникъ перваго августа, съ крестнымъ ходомъ на воды и освященіемъ повсемѣстно водъ, чрезъ троекратное погруженіе въ нихъ честнаго и животворящаго креста Господня.

Всѣ эти чудесныя явленія креста Господня на небѣ служатъ предвѣстниками исполненія словъ Христа Спаси-

---

[10]) Дѣйствительность этого событія подтверждаютъ многіе писатели церковные и, между прочимъ, Созоменъ, умершій между 446—450 годами. См. Дьяченко, тамъ же, стр. 342.

теля о явленіи небесной славы креста предъ кончиною вѣка „И вдругъ, послѣ скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются. Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“ (Мѳ. 24, 29—30). При первомъ пришествіи на землю Сына Человѣческаго крестъ былъ уничиженіемъ Его, а при второмъ Его славою, въ силу того, что тогда только завершится искупленіе и спасеніе всего міра, что тогда только „тлѣнное (тѣло) облечется въ нетлѣніе, и смертное облечется въ безсмертіе, и смерть будетъ поглощена побѣдою“ крестной смерти Христа; тогда только „послѣдній врагъ истребится смерть,... и Сынъ покорится Покорившему все Ему, да будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 54—57, 26—28).

Широкое и постоянное употребленіе знаменія креста Христова всѣми вѣрующими говоритъ о высокомъ значеніи самаго креста въ жизни ихъ и вѣчной славѣ его для всѣхъ. Св. Кириллъ Іерусалимскій въ своихъ „Огласительныхъ поученіяхъ“ вѣрующимъ, готовящимся принять св. крещеніе, говоритъ:

„Не устыдимся креста Христова. Но если иной и скрывается, ты явно напечатлѣвай на челѣ, чтобы демоны, видя *царское знаменіе,* въ трепетѣ бѣжали далеко прочь. Твори же знаменіе сіе, когда ѣшь, пьешь, садишься, ложишься, встаешь, говоришь, ходишь, однимъ словомъ,—при всякомъ дѣлѣ. Ибо Кто распятъ здѣсь, Тотъ—горѣ на небесахъ. Если бы распятый и погребенный остался во гробѣ,—то имѣли бы причину стыдиться. Но теперь Распятый на этой Голгоѳѣ восталъ на небо съ Елеонской горы, которая на востокѣ“.

Въ 13 словѣ онъ поясняетъ, почему вѣрующіе должны всегда и на всемъ полагать крестное знаменіе. „Не стыдимся, говоритъ онъ, исповѣдывать Распятаго, съ дерзно-

веніемъ да будетъ налагаема *перстами* печать, т. е. крестъ, на челѣ и на всемъ, на вкушаемомъ хлѣбѣ, на чашахъ съ питіемъ, на входахъ и исходахъ, передъ сномъ, когда ложимся и когда встаемъ, бываемъ въ пути и покоимся. Это великое предохраненіе, доставляемое бѣднымъ даромъ (т. е. безплатно), немощнымъ безъ труда, потому что отъ Бога благодать сія, знаменіе вѣрныхъ, страхъ демонамъ. Итакъ, прими сперва несокрушимое основаніе—крестъ и созидай все прочее на вѣрѣ. Свидѣтелями креста имѣешь двѣнадцать Апостоловъ и вселенную и міръ вѣрующихъ въ Распятаго за человѣковъ. Спасительный побѣдный памятникъ Іисусовъ—крестъ собралъ всѣхъ. Онъ до сего дня врачуетъ болѣзни, онъ до сего дня отгоняетъ бѣсовъ, низлагаетъ чародѣянія и обаянія волшебства. Онъ паки явится съ Іисусомъ съ небесъ“ [11]).

Крестъ есть непобѣдимое оружіе противъ всѣхъ нашихъ враговъ и страстей. „Удались, говоритъ св. Григорій Богословъ діаволу, или низложу тебя крестомъ, предъ которымъ все трепещетъ. Я крестъ ношу въ своихъ членахъ, крестъ въ моемъ шествіи; крестъ въ моемъ сердцѣ; крестъ моя слава. Чтобы не воспламенялся въ тебѣ *гнѣвъ*, прежде всего немедленно прибѣгни къ Богу и моли Его, чтобы Онъ уничтожилъ въ тебѣ свирѣпую бурю. А потомъ тотчасъ положи на себя *знаменіе креста*, котораго все ужасается и трепещетъ, и огражденіемъ котораго пользуюсь я во всякомъ случаѣ и противъ всякаго“ [12]).

„Если почувствуешь, бесѣдуетъ св. Іоаннъ Златоустъ, что сердце твое раздражается, огради грудь свою *крестнымъ знаменіемъ*“ [13]).

Крестъ Хрістовъ имѣетъ такое широкое и глубокое значеніе въ жизни вѣрующихъ, что безъ него не совер-

---

11) Твор. св. Кирилла Іерусал. 13 и 17 оглас. слова. Изд. 1855 г. См. Кальневъ, стр. 418.

12) „Въ стихотвореніяхъ на лукаваго и на гнѣвливость“. См. также въ „первомъ обличит. словѣ на Юліана“. Дьяченко, стр. 350.

13) Бес. 87 на Еванг. Матѳея. Дьяченко, тамъ же.

шается ни одного таинства, ни одного священнодѣйствія, что безъ креста не мыслимъ хрістіанинъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Будемъ носить и почитать крестъ Хрістовъ, что намъ нужно, (безъ чего мы не можемъ обойтись). Нужно ли родиться (въ крещеніи) предлагается намъ крестъ; хотимъ ли напитаться таинственною пищею, нужно ли принять рукоположенное, или другое что сдѣлать (получить прощеніе грѣховъ, благодать исцѣленія, или сочетаться бракомъ и т. д.), вездѣ предстоитъ намъ этотъ знакъ побѣды. Потому-то мы со всякимъ тщаніемъ начертываемъ его и на домахъ, и на стѣнахъ, и на дверяхъ, и на челѣ, и на сердцѣ. Крестъ есть знаменіе нашего спасенія, *общей свободы* и милосердія нашего Владыки, который *яко овча на заколеніе ведеся* (Ис. 53, 7). Потому, когда знаменуешься крестомъ, то представляй все значеніе креста“ [14]).

Крестъ является залогомъ успѣха самой молитвы нашей къ Богу. Св. Амвросій Медіоланскій говоритъ: „Скорѣе выслушивается наша молитва, когда и тѣло наше подражаетъ Хрісту Распятому, съ которымъ бесѣдуетъ душа“ [15]).

Крестъ побѣждаетъ все, и нѣтъ такой страсти, нѣтъ такой похоти, которая могла бы противиться всепобѣждающей силѣ креста. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Когда ты дѣлаешь крестное знаменіе, вспомни *всю силу креста*, все крестное дѣло,—и потушишь ярость и всѣ прочія страсти“, [16]),—потушишь весь этотъ, по выраженію св. Григорія Богослова, „охлаждающій огонь“, который снѣдаетъ твою плоть, томитъ твое сердце: св. крестъ сотворитъ это „великое чудо“ [17]). „Когда ощутишь въ себѣ побужденіе

---

[14]) Твор. Св. Іоанна Злат. Бес. 54 на Еванг. Матѳея, п. 4 и 5. Изд. 1901 г. стр. 558—559. См. Кальневъ, стр. 417.

[15]) Слово о крестѣ.

[16]) Бес. 54 на Еванг. Матѳея.

[17]) Слово о челов. природѣ.

къ гнѣву (тоже должно сказать и о другихъ страстяхъ),— прежде всего обратись къ Богу и моли Его, чтобы Онъ уничтожилъ въ тебѣ свирѣпую бурю", поучаетъ св. Григорій Назіанзинъ... Потомъ, не забудь тотчасъ ознаменовать себя святымъ крестомъ, котораго все боится и трепещетъ" [18]).

Вотъ почему св. Ефремъ Сиринъ убѣждаетъ вѣрующихъ „всегда и повсюду носить съ собою это побѣдоносное оружіе и никогда не отлагать его отъ себя, приступаемъ ли ко сну или пробуждаемся отъ него, занимаемся ли нашимъ дѣломъ, вкушаемъ ли пищу и питіе, находимся ли въ пути—или что другое творимъ,—да ограждаемъ себя повсюду спасительнымъ и животворящимъ знаменіемъ креста Господня; тогда и мы не убоимся отъ страха нощнаго, ни отъ стрѣлы летящія во дни, не пріидетъ къ намъ зло, и рана не приблизится тѣлеси нашему" [19]).

„Виждь, говоритъ св. Іоаннъ Злат., какъ вооружилъ небесный Царь послѣдующаго Ему воина! Не щитъ далъ Онъ, ни шлемъ, ни лукъ, ни броню, ни другое что-либо подобное, но,—что всего этого крѣпче,—силу креста, знаменіе сущей надъ демонами побѣды"... „Если ты вообразишь на себѣ крестъ съ великою вѣрою, то близъ тебя не возможетъ стать ни одинъ изъ нечистыхъ духовъ, зря мечъ, которымъ получилъ жестокую рану" 20).

Почитаніе креста Господня установлено и Всепенскими Соборами. Такъ 73 правило *Шестого Вселенскаго Собора* повелѣваетъ: „Поелику животворящій крестъ явилъ намъ спасеніе, то подобаетъ намъ всякое тщаніе употребляти, да будетъ воздаваема подобающая честь тому, чрезъ что мы спасены отъ древняго грѣхопаденія. Посему и мыслію, и словомъ, и чувствомъ поклоненіе ему принося, повелѣваемъ: изображенія креста, начертываемыя нѣкоторыми на

---

18) См. Дьяченко, стр. 351.

19) Слово о честн. и животв. Крестѣ Господн.

20) Бес. 54 на Еванг. Матѳея.

землѣ, совсѣмъ изглаждати, дабы знаменіе побѣды нашея не было оскорбляемо попираніемъ ходящихъ. И такъ, отнынѣ начертывающихъ на земли изображеніе креста повелѣваемъ отлучати".

А *Седьмой Вселенскій Соборъ* разъясняетъ, почему мы должны почитать крестъ и, поклоняясь кресту, Кого мы прославляемъ. Соборное опредѣленіе такъ говоритъ:

„Пока два куска дерева, составляющіе крестъ, сложены крестообразно, до тѣхъ поръ я покланяюсь этому образу ради Распятаго на немъ Хріста, а когда они отдѣлены другъ отъ друга, я бросаю и сожигаю ихъ. Какъ получающій царскій указъ и цѣлующій печать чтитъ не пыль и бумагу, или свинецъ, но относитъ почтеніе и поклоненіе къ императору, такъ и мы, дѣти хрістіанъ, поклоняясь изображенію креста, не древесную природу почитаемъ, но, взирая на крестъ, какъ на печать и образъ страданія Хрістова, возносимъ чрезъ него цѣлованіе и почитаніе къ Распятому на немъ. Потому, когда видишь, что хрістіане покланяются кресту, то знай, что они относятъ поклоненіе къ распятому Хрісту, а не къ дереву. Если бы они почитали естество дерева, то они поклонялись бы всѣмъ деревьямъ и рощамъ, какъ и ты, Израиль, когда поклонялся имъ, говорилъ дереву и чурбану: ты мой богъ, ты родилъ меня. Но мы не говоримъ ни кресту, ни изображенію святыхъ: „вы боги наши", потому, что они не боги наши, но иконы Хріста и святыхъ Его, которыя употребляются для воспоминанія и почитанія святыхъ" 21).

Мы почитаемъ крестъ, потому что на немъ пострадалъ Хрістосъ за наши грѣхи. А потому крестъ является нашимъ обличителемъ во всѣхъ нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, что признаютъ и сектанты, когда они поютъ свои стихи:

„Когда я поднимаю взоръ
На крестъ, гдѣ Божій Сынъ страдалъ

елен. Соборовъ, т. 7, стр. 270 и 279. См. Кальневъ, стр. 417—418.

Я сознаю грѣха позоръ,
Стыжусь того, что почиталъ" („Гусли" 427; нов.—259).

Обличая насъ въ порокахъ, крестъ указываетъ прямой путь нашей жизни и цѣль самаго бытія:

„И въ радости и въ горѣ жизни"...
Мудрецъ, тебя томитъ тревожное сомнѣнье!
Безвѣстенъ путь и цѣли нѣтъ?
Взгляни съ любовію на крестъ:
Въ немъ всякой тайны разрушенье.
Страдалецъ, ты отвергъ надежду на спасенье?
На крестъ съ надеждою взгляни
И взоръ останови, душою отдохни:
Въ крестѣ твое успокоенье.
Богачъ! томишься ты тоскою пресыщенья?
Чтобъ утоленною душою отдохнуть,
Взгляни на крестъ, и твой безцѣльный путь
Въ немъ цѣль найдетъ и утѣшенье". („Гусли" 41).

Крестъ ободряетъ и подкрѣпляетъ въ борьбѣ съ врагомъ.

„Твердо стой, народъ Христа,
Не страшись *враговъ креста*
Ни нападокъ міра!...
Облекись, народъ въ Христа
Идя въ бой за честь креста" („Гусли" 554, нов.—369).

Вѣрующіе съ благоговѣніемъ почитаютъ крестъ Господень, духовно преклоняясь предъ Распятымъ на немъ. И такое почитаніе оправдывается фактически обиліемъ чудесъ и милостей, изливаемыхъ чрезъ него на всѣхъ прибѣгающихъ къ нему съ вѣрою и молитвою о Божественной помощи. Чрезъ посредство Честнаго и Животворящаго Креста Господня буквально исполняется заповѣдь Христа, данная апостоломъ, когда Онъ посылалъ ихъ на проповѣдь Евангелія. „Идите... и проповѣдуйте, что приблизилось

царство небесное". А явные признаки того слѣдующіе: „больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бѣсовъ изгоняйте. Даромъ получили, даромъ и давайте" (Мѳ. 10, 6—8). А по воскресеніи Своемъ, границы дѣйствія этой заповѣди Хрістосъ расширилъ, уполномочивъ всѣхъ безъ исключенія вѣрующихъ совершать это Божественною силою креста. Возносяся на небо, Онъ сказалъ апостоламъ: „Идите по всему міру. и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ... Увѣровавшихъ же будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ Моимъ будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй; и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы (Мр. 16, 15—18).

И все это исполняется съ буквальною точностію. Силою Честнаго и Животворящаго Креста, по вѣрѣ въ Распятаго на немъ, вѣрующіе спасаютъ себя отъ всѣхъ болѣзней и членовредительства, отъ огня и лютыхъ звѣрей, отъ смертоноснаго яда и враговъ на войнѣ, отъ нападенія бѣсовъ и всякихъ искушеній своихъ страстей. Исторія и ежедневный опытъ представляютъ намъ безчисленные примѣры того, но мы ограничимся, въ подтвержденіе своихъ словъ, немногими изъ нихъ.

Прохоръ, ученикъ *св. Іоанна Богослова*, говоритъ, что св. Апостолъ знаменіемъ креста исцѣлилъ одного больного, лежавшаго при пути. Благочестивый *Иръ*, по наставленію св. ап. Филиппа, начерталъ рукою своею образъ креста Хрістова на поврежденныхъ членахъ недужнаго Аристарха, и тотчасъ изсохшая рука исцѣлѣла, око прозрѣло, слухъ открылся, и больной сталъ здоровъ. *Св. Епифаній*, въ дѣтствѣ своемъ, будучи еще некрещенымъ, сверженъ былъ однажды разсвирѣпѣвшимъ осломъ и сильно повредилъ себѣ бедро, но одинъ хрістіанинъ трижды знаменалъ его крестомъ и исцѣлилъ отрока. Преп. *Макрина*, сестра св. Василія Великаго, страдая „отъ вреда нѣкоего лютаго на персяхъ

ея“, просила свою мать осѣнить больное мѣсто, и мгновенно получила исцѣленіе. *Нонна*, мать св. Григорія Богослова, въ тяжкой болѣзни испытывала „многія страданія“, и самое тяжкое—отвращеніе отъ пищи“. Но осѣненіе ея крестнымъ знаменіемъ въ ночномъ видѣніи исцѣлило ее отъ болѣзни.

Сила крестнаго знаменія спасала вѣрующихъ отъ огня и лютыхъ звѣрей. *Ѳекла* осѣнила крестомъ „множество дровъ и хврастія, собраннаго подъ нею на сожженіе ея“, и огонь не коснулся ея тѣла. Св. мученница *Василисса* Никомидійская оградила себя знаменіемъ креста,—и посреди пламени, въ разженной пещи, „стояла на многъ часъ въ огни горящемъ,“ безъ всякаго вреда. Св. мученики *Авдонъ* и *Сеннисъ*, обреченные на растерзаніе звѣрей, напечатлѣли на себѣ Св. крестъ, и лютые звѣри, подобно кроткимъ агнцамъ, лобызали ноги Св. угодниковъ Божіихъ.

Предъ осѣненіемъ крестнаго знамени и смертоносные яды не оказывали своего дѣйствія. Св. еп. *Юліанъ* начертавъ на поднесенной ему злоумышленниками чашѣ св. крестъ, выпилъ смертоносный ядъ, и не почувствовалъ никакого вреда. Преп. *Венѐдиктъ* осѣнилъ крестомъ сткляницу,—и ядоносный сосудъ разсѣлся, „какъ бы отъ каменнаго удара“. Св. мученикъ *Ермій*, когда дали ему выпить ядъ, помолившись Богу, осѣнилъ чашу крестомъ, выпилъ и остался живъ. „И что дивнаго, говоритъ св. Златоустъ, въ томъ, что крестъ побѣждаетъ вредительныя отравы, когда онъ отверзъ адскія врата, распростеръ небесные круги“.

Спасались крестомъ и на войнѣ отъ враговъ. Св. преподобно-мученикъ *Никонъ*, воспитанный отцомъ въ язычествѣ, долго упорствовалъ принять хрістіанство, не смотря на всѣ старанія матери. Однажды, отпуская его на войну, мать сказала ему „сынъ мой! если на войнѣ случится тебѣ быть въ опасности, то оградись крестнымъ знаменіемъ,—тогда не поразитъ тебя ни копье, ни мечъ“. Вспомнилъ Никонъ слово

матери, когда онъ былъ окруженъ непріятелемъ, совершилъ крестное знаменіе, и остался побѣдителемъ.

Сила креста прогоняетъ бѣсовъ. Однажды діаволъ напалъ на св. *Кипріана*. Не могши ничѣмъ избавиться отъ своего мучителя, Кипріанъ воскликнулъ: „Боже, помоги мнѣ“! и при этомъ перекрестился. Діаволъ тотчасъ, какъ стрѣла, отскочилъ отъ него и исчезъ.—Св. *Пахомій*, во время молитвы, услышалъ голосъ: „радуйся старецъ, столько мнѣ угодившій! Азъ есть Хрістосъ и вышелъ къ тебѣ, какъ къ другу своему“. Св. Пахомій изумился и разсуждалъ самъ съ собою: Хрістово пришествіе приноситъ человѣку радость, сердце тогда не чувствуетъ никакого страха, а я теперь боюсь, страшусь... Нѣтъ, это не Хрістосъ“! И оградившись крестомъ, сказалъ: „отойди отъ меня, духъ злобы! Будь проклято лукавство всѣхъ твоихъ начинаній“! Мгновенно призракъ исчезъ, оставивъ по себѣ весьма смрадный запахъ.—*Пробіанъ*, врачъ императора Константина Вел., принималъ всѣ догматы вѣры, но не признавалъ креста, не почиталъ креста Господня. И вотъ, однажды явился ангелъ Господень въ храмѣ и, указывая на изображеніе креста Господня, сказалъ: „со времени распятія Хріста изъ всѣхъ дѣлъ и случаевъ, направленныхъ къ общей пользы рода человѣческаго и къ частной нѣкоторыхъ людей, ничего не сдѣлано безъ креста ни св. ангелами, ни благочестивыми людьми. [22])

Св. Церковь, призывая вѣрныхъ своихъ чадъ къ прославленію животворящаго Креста Господня, прославляетъ его въ своихъ пѣсняхъ такъ: онъ есть „дверь райская (т. е. чрезъ него входимъ въ рай), вѣрныхъ утвержденіе, Церкве огражденіе, оружіе непобѣдимое, бѣсовъ сопротивоборче: слава мучениковъ, преподобныхъ удобреніе, пристанище спасенія... царей державо, крѣпость праведныхъ, священниковъ благолѣпіе... жезлъ силы, оружіе

---

22) См. Дьяченко, стр. 352—354.

мира, его же со страхомъ обстоятъ ангелы: Хріста божественная слава, падающаго міру велію милость". (стих. на Воздвиж. Креста Господня).

Св. Церковь, прославляя въ своихъ пѣснопѣніяхъ Крестъ Господень, беретъ черты для изображенія славы его изъ опыта жизни. Исходною точкою прославленія Креста выставляется въ церковныхъ пѣсняхъ слѣдующее противоположеніе: „Древо преслушанія міру смерть прсзябе: древо же креста животъ и нетлѣніе; тѣмже Ти поклоняемся распеншемуся Господу: да знаменается на насъ свѣтъ лица Твоего" (служба Честному Кресту). Отсюда и всѣ остальныя похвалы Креста Господня, а именно:

„Всесильный Крестъ Хрістовъ—апостоловъ похвала и благолѣпіе, преподобныхъ утвержденіе, и вѣрныхъ знаменіе, мучениковъ крѣпость, іерарховъ и мучениковъ слава, побѣда и утвержденіе всѣхъ хвалящихъ его, немощныхъ здравіе, болящимъ исцѣленіе и заступленіе, мертвымъ воскресеніе, падающимъ воздвиженіе. Крестъ—основаніе благочестія, бѣсомъ—губитель, Церквамъ благолѣпіе, нечестивымъ погибель, врагомъ посрамленіе въ день судный. Живоносный Крестъ—бѣсомъ отгнаніе, и помысломъ погашеніе и ума сохраненіе. Крестъ—великое оружіе Хрістово и непобѣдимое побѣдительство всесильное. Крестъ—небесная лѣствице, Хрістова высота и слава. Крестъ—освященіе водамъ, очищеніе воздуху, освященіе и просвѣщеніе всякому, знаменіе мужества и Хрістовъ скипетръ непреложный; противныя въ землю попирая. Крестъ—всѣхъ воскресеніе. падшихъ исправленіе, страстей умерщвленіе, и плоти пригвожденіе, крестъ душамъ слава, и свѣтъ вѣчный. Крестъ—враговъ губитель, злочестивыхъ язва и плѣненіе, вѣрныхъ держава, благочестивыхъ хранитель и бѣсовъ отгонитель. Крестъ—страстей пагуба, промысловъ отгнаніе и духовомъ ловительство. Крестъ—древо жизни и спасенія, древо безсмертія, древо разума, древо трилюбезно, нетлѣнно и неизнуряемо".

Вотъ какими чертами характеризуется слава Креста Господня! И мы видимъ, что слава Креста соотвѣтствуетъ уничиженію на немъ Хріста: крестъ есть крайняя ступень уничиженія Хріста и самая высокая лѣстница къ славѣ, достигающая одесную Престола Божія на небѣ!

Въ настоящей жизни крестъ, который мы несемъ по заповѣди Хріста (Мѳ. 16, 24; Мр. 8. 34; Лк. 9, 23), есть выраженіе нашихъ бѣдствій, скорбей и страданій за Хріста. Неся свой крестъ, мы сраспинаемся Хрісту (Гал. 2, 19), мы умираемъ со Хрістомъ, чтобы жить намъ съ Нимъ (Рим. 6, 8; Кол. 2, 20). Отсюда, крестъ, какъ выразитель всѣхъ скорбей и страданій, символизируетъ собою наше уничиженіе: „будете ненавидимы всѣми за имя Мое"; „изгонять васъ изъ синагогъ; даже наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу"; „претерпѣвшій же до конца спасется" (Мѳ. 10, 22; Ін. 16, 2). Но „вы блаженны, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ; такъ гнали и пророковъ, бывшихъ прежде васъ" (Мѳ. 5, 11—12).

Но за этимъ уничиженіемъ креста и несущихъ его въ настоящей жизни, откроется вѣчная слава его и всѣхъ крестоносцевъ въ будущей жизни, со вторымъ пришествіемъ Хріста на землю. „Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ; и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою многою" (Мѳ. 24, 30). И „праведники тогда возсіяютъ, какъ солнце, въ царствѣ Отца ихъ" (Мѳ. 13, 43), когда Распятый на крестѣ и Воскресшій изъ гроба, Царь Славы — Хрістосъ скажетъ имъ: „пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра" (Мѳ. 25, 34).

Такова судьба Креста Хрістова; таково его значеніе на землѣ и будущая слава на небѣ! Въ виду этого всѣ

вѣрующіе должны спѣшить ко кресту и подъ сѣнію его искать себѣ успокоеніе. Тамъ для всѣхъ найдется мѣсто и покой.

Есть для плачущихъ земли
Мѣсто у креста;
Братъ мой страждущій, *займи*
Мѣсто у креста;
Сердце все Хрісту открой,
Отгони прочь страхъ людской.
Далъ тебѣ Спаситель твой
Мѣсто у креста.

Не опаздывай въ пути:
Отдыхать у креста;
Поспѣши скорѣй найти
Мѣсто у креста.
Если скорбь въ твоей груди,
То къ Спасителю прійди
И покой душѣ найди
У Его креста.

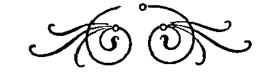
Беззаботные! Скорѣй
Станьте *у креста;*
Богъ вамъ далъ въ любви Своей
Мѣсто у креста.
И взгляните, какъ струей
Льется такъ потокъ живой
Крови чистой и святой,
Крови *со креста.*

Вѣчная любовь зоветъ
Всѣхъ *подъ сѣнь креста*
И для каждаго найдетъ
Мѣсто у кре та.
Тамъ свершились чудеса,
Намъ открылись небеса
И умолкнула гроза
Тихо у креста"!

(Гусли 224, нов.—58).

Зоветъ къ кресту и Св. Церковь. Въ своихъ пѣснопѣніяхъ она обращается къ вѣрующимъ чадамъ своимъ съ такими словами:

„Пріидите людіе, преславное чудо видяще, креста силѣ поклонимся: яко древо въ рай смерть прозябе, сіе же жизнь процвѣте, безгрѣшнаго имуще пригвожденна Господа. Отъ Него же всѣ языцы нетлѣніе вземлюще зовемъ: иже крестомъ смерть упразднивый, и насъ свободивый, слава Тебѣ“ (Стих. 5 на поклон. Честн. и Жив. Кресту Господню).

21 февр. 1915 г.

Приложеніе къ стр. 5—6.

Ликъ Хріста Спасителя, по изображенію Слова Божія, народныхъ сказаній и поэтическаго творчества.

Внѣшній видъ Хріста Спасителя производилъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ Его современниковъ. Какъ Богочеловѣкъ, Онъ представлялъ Собою идеалъ совершенства не только по душѣ, но и по тѣлу. Онъ—Сынъ человѣческій, прототипъ „человѣка“, воплощеніе и отраженіе того идеала совершенства, который говорилъ о совершенствѣ Творца, наложившаго эту печать на своемъ твореніи—первомъ человѣкѣ, представлявшемъ собою вѣнецъ творенія Божія. Изъ рукъ Творца исходило совершеннѣйшее твореніе во всѣхъ отношеніяхъ, а уродство и безобразіе—это результатъ грѣха, дѣло самого человѣка, подчинившагося внушенію діавола.

Идеальное совершенство внѣшняго вида Хріста вытекало изъ совершенства Его души, всецѣло проникнутой Божествомъ и объединенной въ одну личность съ Божествомъ Сына Божія. Между тѣломъ и душой была совершеннѣйшая (абсолютная) гармонія и Божественныя совершенства души отражались въ совершенствѣ тѣла. Безгрѣшность, святость, безграничная любовь, всецѣлая покорность Богу, кротость и смиреніе и непрерывное ощущеніе вѣянія Духа Божія, постоянное пребываніе въ Богѣ Отцѣ и сознаніе Своего нераздѣльнаго единства съ Нимъ,—все это отражалось и во всемъ Его тѣ[illegible]въ Его взглядахъ и рѣчахъ, въ Его голосѣ и интонаціяхъ, во всѣхъ Его движеніяхъ и жестахъ, во всемъ Его проникновеніи въ души

окружавшихъ Его. Своимъ взоромъ Онъ проникалъ въ души людей, читалъ сокровенныя тайны ихъ сердца и озарялъ сознаніе ихъ Божественнымъ свѣтомъ, который выставлялъ предъ каждымъ все его прошлое. настоящее и даже будущее, обнаруживалъ предъ нимъ все сокровенное, гнусное и порочное, что̀ каждый старался скрыть даже отъ себя, вливалъ новый источникъ жизни, свѣтлую радость и внутреннее успокоеніе, вселялъ твердую надежду на покровительство Бога, Его близость и промышленіе о людяхъ и открывалъ свѣтлый горизонтъ будущаго. Всею совокупностію Своихъ дѣйствій Хрістосъ производилъ чарующее обаяніе на чистыя души, стремящіяся къ свѣту, и однимъ словомъ Своимъ привлекалъ къ Себѣ, заставляя ихъ оставить все и слѣдовать за Нимъ. Но въ нравственно-ожесточенныхъ сердцахъ, совершенно утратившихъ въ себѣ искру Божію, Хрістосъ самымъ присутствіемъ Своимъ вызывалъ озлобленіе и ненависть къ Себѣ, такъ какъ Онъ Своею личностію озарялъ ихъ мрачныя души и срывалъ съ нихъ маску лицемѣрія, которою охраняли и защищали они спокойствіе своей совѣсти.

Такую совершеннѣйшую красоту Сына человѣческаго ясно созерцали ветхозавѣтные пророки и въ своихъ вдохновенныхъ псалмахъ и рѣчахъ изобразили ее идеальными чертами. Такъ, пѣвецъ-пророкъ 44 псалма, обращаясь своимъ духовнымъ взоромъ къ Мессіи—Царю, говоритъ:

„Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ"; а въ чемъ и откуда эта красота? „Благодать излилась изъ устъ Твоихъ", отвѣчаетъ пророкъ; а посему благословилъ Тебя Богъ на вѣки. Препояшь Себя по бедру мечемъ Твоимъ, Сильный, славою Твоею и *красотою Твоею*". Но въ чемъ эта сила и красота,—объ этомъ пророкъ далѣе говоритъ: „И въ семъ украшеніи Твоемъ поспѣши, возсядь на колесницу ради *истины и кротости* и *правды*, и десница Твоя научитъ Тебя дивнымъ дѣламъ". Вся сила духовнаго *меча* и вся красота этой силы состоитъ въ *истинѣ, кро-*

тости и *правдѣ*, и все величіе Его управленія заключается въ Его *правотѣ*, чѣмъ и утверждается престолъ Его вовѣкъ. „Престолъ Твой, *Боже*, вовѣкъ; жезлъ правоты — жезлъ царства Твоего. Ты возлюбилъ *правду*, и возненавидѣлъ *беззаконіе*; посему помазалъ Тебя, *Боже*, Богъ Твой елеемъ радости болѣе соучастниковъ Твоихъ". Вотъ откуда исходитъ и внѣшняя идеальная красота Царя — Мессіи! Изъ Его Божественной природы. Пророкъ обращается къ Нему, какъ къ Богу. А отсюда является и вся внѣшняя идеальная красота Его, что пророкъ символически изображаетъ такъ: „Всѣ одежды Твои, какъ смирна и алой и касія", издающія благоуханія и чарующія взоръ красотою.

Пророкъ Исаія дополняетъ красоту образа Христа новыми чертами, чарующими всѣхъ вокругъ Него. Подобно пророку-пѣвцу, онъ также всю красоту Мессіи выводитъ изъ внутреннихъ качествъ Его души, отражающихся и внѣ — въ лицѣ и во всемъ тѣлѣ. „Онъ будетъ судить бѣдныхъ *по правдѣ*, и дѣла страдальцевъ земли рѣшать *по истинѣ* и *жезломъ устъ* своихъ поразитъ землю, и *духомъ устъ* Своихъ убьетъ нечестиваго. И будетъ препоясаніемъ чреслъ Его *правда*, и препоясаніемъ бедръ Его *истина*". А все это исходитъ изъ того, что „на Немь почіетъ Духъ Господень, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; и страхомъ Господнимъ исполнится" (Ис. 11, 2—5).

Къ этимъ идеальнымъ чертамъ нравственной красоты, отражающейся и во всемъ внѣшнемъ видѣ, пророкъ присоединяетъ новыя черты, характеризующія Его симпатичный образъ во всѣхъ Его дѣйствіяхъ. Господь устами пророка говоритъ: „Положу *Духъ Мой на Него*, и возвѣститъ народамъ судъ". И далѣе описываетъ характеръ Его дѣйствій: *Онъ не возопіетъ и не возвыситъ голоса Своего*, и *не дастъ услышать его на улицахъ*". Это — Его кротость и смиреніе и удивительное Его спокойствіе. „*Тproducto надъ*

ломменной не переломитъ", такъ нѣжно будетъ обращаться съ тѣми, у кого надломлена жизнь и надежда, *„и льна курящагося не угаситъ"*, не смотря на чрезвычайную слабость едва мерцающей вѣры, подобно слабому огню горящаго льна; „Онъ будетъ производить судъ *по истинѣ"*, въ чемъ и заключается вся Его сила, побѣждающая гордыхъ и непокорныхъ. Но, не смотря на кротость и смиреніе, не смотря на кажущуюся внѣшнюю слабость, Онъ будетъ устойчивъ во всѣхъ Своихъ словахъ и дѣлахъ: *„не ослабѣетъ* и *не изнеможетъ доколѣ на землѣ не утвердитъ суда, и на законъ Его будутъ уповать"* населяющіе самые отдаленные *„острова"* (Ис. 42, 1—4).

Эта дивная красота нравственной устойчивости проявилась въ невыразимой силѣ Его борьбы со грѣхомъ міра, когда Онъ доведенъ былъ до такого ужаснаго положенія, до какого не доходилъ никто изъ людей. Вся видимая красота Его превращена была въ страшное безобразіе невыносимаго ужаса. Пророкъ, созерцая этотъ моментъ, говоритъ: „нѣтъ въ Немъ ни вида, ни величія; и мы видѣли Его, и не было въ Немъ вида, который привлекалъ бы насъ къ Нему. Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, мужъ скорбей и извѣдавшій болѣзни, и мы отвращали отъ Него лице свое; Онъ былъ презираемъ, и мы ни во что ставили Его" (Ис. 53, 2—3).

Но эта крайняя степень Его уничиженія, даровавшая Ему побѣду надъ врагомъ, превращаетъ Его внѣшнее насильственнное безобразіе въ величественную красоту и славу. Пророкъ созерцаетъ Его возвращающагося съ поля побѣды и, пораженный Его *величіемъ* и *красотою*, въ недоумѣніи спрашиваетъ: „Кто это идетъ отъ Едома, [1]) въ

---

[1]) Едомъ, родственный Евреямъ народъ Идумейскій, былъ историческимъ непримиримымъ врагомъ народа Божія. Во все время онъ стремился къ тому, чтобы совершенно истребить Евреевъ, а вмѣстѣ съ этимъ уничтожить и обѣтованія Божіи о

червленыхъ ризахъ отъ Восора, *столько величественный* въ Своей одеждѣ, выступающій въ *полнотѣ силы Своей*? „Я— изрекающій *правду*, *сильный*, чтобы *спасать*", отвѣчаетъ Мессія—Побѣдитель. Отъ чего же одѣяніе Твое *красно*, и *ризы* у Тебя, какъ у топтавшаго въ точилѣ? „Я топталъ точило одинъ, и изъ народовъ никого не было со Мною; и Я топталъ ихъ во гнѣвѣ Моемъ, и попиралъ ихъ въ ярости Моей; *кровь ихъ брызгала на ризы Мои, и Я запятналъ все одѣяніе Свое*.... Я смотрѣлъ, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающаго; но помогла Мнѣ мышца Моя, и ярость Моя—она поддержала Меня" (Исх. 63, 1—3, 5).

Образъ страждущаго Мессіи, покрытаго ранами и обагреннаго Своею кровію, взятъ отъ топтавшаго въ точилѣ виноградъ. Своими ранами и Своею кровію Онъ поражалъ Своихъ враговъ, какъ это мы уже показали выше. И чѣмъ больше враги наносили Ему ранъ, чѣмъ больше обагрялся Своею кровію, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе Онъ поражалъ ихъ. И въ этомъ пораженіи враговъ никто Ему не помогалъ. Отсюда гнѣвъ и ярость Его въ этомъ пораженіи враговъ означаетъ и выражаетъ Его ненависть къ врагамъ—діаволу, грѣху и смерти, поборниками и выразителями которыхъ были распинатели Евреи.

Въ Евангеліи мы видимъ, что и Самъ Хрістосъ, и Евангелисты часто изображаютъ намъ высокими и характерными чертами идеальный видъ Спасителя. Призывая къ Себѣ „всѣхъ труждающихся и обремененныхъ", Хрістосъ обѣщаетъ дать имъ „покой", съ тѣмъ чтобы они научились отъ Него „*кротости* и *смиренію*", воплотили въ себѣ Его образъ совершеннѣйшей духовной красоты: „Возьмите иго

Мессіи, который долженъ произойти изъ потомковъ Авраама. Так. обр., Едомъ былъ выполнителемъ плановъ діавола, который всегда стремился къ тому, чтобы разрушить все дѣло Хріста, уничтожить царство Хріста.

Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо *Я кротокъ* и *смиренъ сердцемъ*; и найдете *покой* душамъ вашимъ" (Мѳ. 11, 28—29).

Онъ, кроткій и смиренный, покорный волѣ Отца небеснаго (Ін. 4, 34; 6, 38; Мѳ. 26, 42; Лк. 22, 42), „какъ овца веденъ былъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ Своихъ", въ защищу Себя отъ враговъ (Ис. 53, 7; Ін. 1, 29, 36), и Своею кротостію и смиреніемъ, Своею покорностію опредѣленію Отца небеснаго, Онъ отпечатлѣвалъ Свой совершеннѣйшій образъ и на всѣхъ приходившихъ къ Нему поучиться.

Въ Назаретской синагогѣ Онъ Самъ приложилъ къ Себѣ слова пророка, который за 698 лѣтъ до Его рожденія яркими чертами изобразилъ дивный характеръ Его дѣятельности, въ которой отразилась вся небесная красота Его души и добраго сердца. „Духъ Господень на Мнѣ, сказалъ Онъ словами пр. Исаіи: ибо Онъ помазалъ Меня, *благовѣствовать нищимъ*, и послалъ Меня *исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу*, проповѣдывать *лѣто* Господне *благопріятное*" (Лк. 4, 18—19; Ис. 61, 1—2). Своимъ благовѣстіемъ, Своими дѣйствіями Онъ несъ всѣмъ радость и нравственное успокоеніе; Онъ раздавалъ всѣмъ узникамъ грѣха свободу, несчастнымъ больнымъ—выздоровленіе, слѣпымъ прозрѣніе, а всѣмъ нищимъ радостное благовѣстіе о наступленіи благопріятнаго лѣта Господня. И это не на словахъ обѣщалъ, но давалъ самымъ дѣломъ. А потому, какая *благость* какая *любовь*, какая *радость сіяла на Его лицѣ*, когда Онъ являлся раздаятелемъ этихъ благъ небесныхъ всѣмъ страждущимъ и скорбящимъ въ жизни, всѣмъ несчастнымъ міра! А эта *радость* благодѣяній придавала лицу Его *неизреченную красоту небесную*.

„*Не плачь*", сказалъ Онъ несчастной вдовѣ, которая провожала своего единственнаго сына на мѣсто вѣчнаго

покоя. „Онъ *сжалился* надъ ней“ и поспѣшилъ ее утѣшить: Онъ тотчасъ же *утираетъ горькія слезы*, возвращая ей единственнаго сына живымъ (Лк. 7, 12—16).

„Дерзай чадо“, говоритъ Онъ съ любовію всепрощенія трепещущему предъ Нимъ разслабленному отъ сознанія своихъ грѣховъ предъ лицомъ Божественной правды, озарившей весь мракъ его грѣховной жизни. И прежде чѣмъ даровать ему исцѣленіе отъ физической болѣзни, Онъ исцѣляетъ его душу отъ грѣховъ, вызвавшихъ самую болѣзнь его: *„прощаются тебѣ грѣхи твои“*, сказалъ ему: и это слово *внесло въ душу несчастнаго грѣшника неизъяснимую радость* внутренняго примиренія и успокоенія его совѣсти и чувство неземного блаженства (Мѳ. 9, 1—7).

„Господи! ты можешь меня очистить, *если хочешь“*, обратился къ Нему съ смиренною просьбою прокаженный, считая себя недостойнымъ получить отъ Него милость исцѣленія отъ страшной болѣзни. Онъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу Хріста, но имѣетъ ли онъ право разсчитывать на такую милость по свойству самой болѣзни своей. Онъ считалъ себя отверженнымъ Небомъ и землей,—отнесется ли Хрістосъ къ нему съ состраданіемъ. *„Хочу“*, слышитъ онъ утѣшеніе изъ устъ Хріста, *„очистись“*, и однимъ прикосновеніемъ Своей руки снимаетъ съ него „проклятую“ болѣзнь полнаго отверженія.

„Наставниче, Наставниче погибаемъ“, кричатъ Ему ученики во время страшной бури на морѣ, когда волны готовы были поглотить ихъ въ пучину. И Хрістосъ, укоривъ ихъ въ трусости и маловѣріи, *„запретилъ вѣтру“*, и *сказалъ морю: умолкни, перестань.* И вѣтеръ утихъ, и сдѣлалась великая тишина“ (Лк. 8, 22—25; Мѳ. 8, 24—27; Мр. 4, 36—41)

Какая красота Его души проявлялась во всѣхъ таковыхъ дѣйствіяхъ, гдѣ мы видимъ Его любовь и милосердіе, Его Божественное могущество и власть раздавать безъ мѣры всѣ блага, кому что нужно и сколько нужно! Еван-

гелисты часто говорятъ о Немъ: „*сжалился* надъ толпами народа, что они были изнурены“ (Мѳ. 9, 36; 14, 14; Мр. 6, 34; Лк. 7, 13) „*скорбѣлъ* объ ожесточеніи сердецъ ихъ“ (Мр. 3, 5; Ін. 11, 38; Мѳ. 26, 37), „*жалѣлъ народъ*“ (Мѳ 15, 32; Мр. 8, 2); „*плакалъ*“ о судьбѣ Іерусалима, *плакалъ 'громко, навзрыдъ*“ (Лк. 19, 41), *плакалъ горько, тихими жгучими слезами* (Ін. 11, 35), „*возскорбѣлъ духомъ*, и *возмутился, скорбѣлъ внутренно*“ (ст. 33 и 38). Часто Евангелисты изображаютъ Его *плачущимъ* и *радующимся небесною радостію* (Лк. 10, 31), *но никогда не видѣли Его смѣющимся.*

Въ такихъ-то Его дѣйствіяхъ и переживаніяхъ, гармонически сочетавшихъ всѣ Божественныя совершенства Его нравственой природы, отражалась небесная красота Его Богочеловѣческой души. И народъ, чѣмъ больше всматривался въ Его лицо, въ Его дѣйствія и слова, тѣмъ болѣе поражался этою небесною красотою Его вида.

Слушавшіе Іисуса „*дивились* ученію Его; ибо *слово Его* было *со властію*“, могущественно и дѣйственно (Лк. 4, 32). „Онъ училъ какъ *власть имѣющій*, а не какъ книжники и фарисеи“ (Мѳ. 7, 29). Его слово становилось дѣломъ, и вносило въ сердца слушателей *усладу, успокоеніе, миръ*. „И *дивились* словамъ *благодати*, исходившимъ изъ устъ Его“ (Лк. 4, 22; Мр. 1, 22) и говорили, что „*никогда человѣкъ не говорилъ такъ*, какъ этотъ человѣкъ“ (Ін. 7, 46). „*Дивился* народъ ученію Его“ (Мѳ. 7, 28; 22, 33; Мр. 11, 18) и говорилъ: „Онъ точно пророкъ“ (Ін. 7, 40). Прислушиваясь къ каждому слову Его и видя, какъ оно тотчасъ же и осуществлялось, становилось дѣломъ, всѣ *чрезвычайно дивились*, и говорили: все хорошо дѣлаетъ: и глухихъ дѣлаетъ слышащими, и нѣмыхъ говорящими“ (Мр. 7, 37; 5, 20). Всѣ *славили Бога* и говорили: *великій пророкъ* возсталъ между нами, и *Богъ посѣтилъ народъ свой*“ (Лк. 7, 16); „это *истинно тотъ пророкъ*, которому должно пріити въ міръ“ (Ін. 6, 14; Втор. 18, 15). Внимавшіе ученію Хрі-

ста и видѣвшіе Его дѣла говорили, что „Онъ—пророкъ, *сильный въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ*“ (Лк. 24, 19). Его слово было *творческимъ словомъ*, о которомъ Моисей говоритъ: „рече и быша, повелѣ и создашася“. Его слово было *словомъ Бога!* А потому, оно являло во Хрістѣ *Божественныя совершенства*, которыя отражались *во всей Его человѣческой природы* и своею стройною гармоніею *придавали ей небесную красоту*.

Небесная красота Божественнаго совершенства дѣйствительно просвѣчивалась чрезъ человѣческую плоть Хріста. Во время преображенія Его на горѣ, когда Онъ молился о предстоявшемъ Ему дѣлѣ искупленія, „Онъ *преобразился* предъ своими учениками“: Божество Его ярко просвѣчивалось чрезъ Его тѣло: „*лицо Его просіяло какъ солнце, а одежды Его сдѣлались весьма бѣлыми, какъ свѣтъ*“, „*блистающими*, какъ снѣгъ“, отъ обилія свѣта, *исходившаго изъ всего Его тѣла* (Мѳ. 17, 2; Мр. 9, 3; Лк. 9, 29).

Объ идеальномъ совершенствѣ Своего внѣшняго вида засвидѣтельствовалъ и Самъ Хрістосъ. Онъ Самъ сказалъ о Себѣ, что *Онъ есть образъ Бога Отца, отраженіе Его вѣчной славы* и *всѣхъ Божественныхъ совершенствъ*, которыя въ своей совокупности представляютъ *неизреченную Божественную красоту*. На просьбу Филиппа—„Господи! покажи намъ Отца, и довольно для насъ“,—Іисусъ кротко, съ нѣжнымъ укоромъ, сказалъ ему: „*столько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня видѣлъ Отца; какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развы ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ*“ (Ін. 14, 8—10)?

И если Самъ Хрістосъ сказалъ о Себѣ—„видѣвшій Меня видѣлъ Отца“, то этимъ ясно указалъ, что совершенства Бога Отца отражались чрезъ плоть Хріста во всемъ Его внѣшнемъ видѣ въ идеальной Его красотѣ.

Слова Хріста поясняетъ намъ и ап. Павелъ. Объ

Іисусѣ онъ говоритъ такъ: „Сей, будучи *сіяніе славы* и *образъ ѵпостаси Его* и *держа все словомъ силы своей*, совершивъ Собою *очищеніе грѣховъ* нашихъ, *возсѣлъ одесную* (престола) *величія на высотѣ*“ (Евр. 1, 3). И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ тоже о Хрістѣ: „Онъ, будучи *образомъ* Божіимъ, *не почиталъ хищеніемъ* быть равнымъ Богу“ (Филип. 2, 6). Значитъ, Онъ былъ не фиктивнымъ, но реальнымъ отраженіемъ славы Бога Отца, Онъ былъ „*Богъ во плоти*“ (1 Тим. 3, 16), а потому Онъ представлялъ Собою и по тѣлу идеальное совершенство.

И эта-то идеальнѣйшая Божественная красота Его внѣшняго вида была такъ ужасно попрана людьми и превращена въ страшное безобразіе, такъ что всѣ отъ ужаса отвращали лицо свое отъ Него, когда Онъ, обнаженный, стоялъ на Голгоѳѣ предъ лицомъ всего Еврейскаго народа и человѣческаго рода!

Божественная красота лика Хріста Спасителя неизобразима человѣческимъ искусствомъ и неописуема творческимъ перомъ художника—поэта. Есть преданіе, которое ясно и опредѣленно говоритъ объ этомъ. Едесскій царь Авгарь V былъ боленъ страшною болѣзнію синей проказы, ломотою въ костяхъ и разслабленіемъ всѣхъ членовъ. Онъ слышалъ о необыкновенной добротѣ Хріста и Его дивныхъ дѣлахъ милосердія. Онъ узналъ, что Хрістосъ никому не отказываетъ изъ несчастныхъ въ ихъ просьбѣ,—всѣмъ помогаетъ, всѣхъ исцѣляетъ. Вѣря въ такую доброту и чудодѣйственную силу Хріста, онъ желалъ видѣть этого Великаго Чудотворца и получить Отъ Него исцѣленіе. Но такъ какъ ему самому нельзя было отправиться въ Іудею и, съ другой стороны, онъ не надѣялся, чтобы Іисусъ пришелъ къ нему, то онъ послалъ искуснаго живописца, Ананію, и приказалъ ему снять портретъ съ Іисуса, чтобы видѣть ему, по крайней мѣрѣ, изображеніе лица Спасителя и облегчать свои страданія, взирая на него. Ананія, исполняя приказанія царя, уловилъ удобный моментъ, чтобы

снять на полотно подобіе лица Іисуса. „Онъ всталъ на камень и, смотря пристально на лицо Спасителя, старался изобразить Его на полотнѣ. Но задача оказалось невыполнимою. Лишь только Ананія переносилъ на полотно подобіе Спасителя и снова взглядывалъ на Него Самого, то лицо Спасителя измѣнялось, и Ананія долженъ былъ начинать снова; но снова происходило то же измѣненіе Божественнаго лица, такъ что Ананія, долго трудившись, не могъ изобразить Его лица“ [1]).

Вѣроятность такого факта подтверждается самымъ дѣломъ: идеалъ Божественнаго совершенства не изобразимъ по самому существу своему: къ идеалу Божественнаго совершенства мы можемъ только приближаться и будемъ приближаться цѣлую вѣчность, но исчерпать его мы не въ состояніи. И ликъ Хріста Спасителя, отражавшій всю полноту Божественной духовной жизни, Божественныхъ совершенствъ, неуловимъ для кисти художника, желавшаго снять съ него копію. Лицо Его и должно было постоянно мѣняться до безконечности: потому что на немъ отражались каждая мысль Хріста, каждое чувство Его сердца, каждое движеніе Его духа. И необъятная полнота этихъ мыслей, чувствъ и переживаній дѣлала невозможнымъ для художника уловить какія-либо установившіяся черты Его лица, вслѣдствіе быстрой смѣны отъ полноты переживаній.

Дѣйствительно портретъ Его неизобразимъ. Никакая кисть художника не можетъ передать все неисчерпаемое богатство Его мыслей, чувствъ, желаній, все безграничное и необъятное содержаніе Его души, въ каждый моментъ отвѣчающей на новые запросы къ Нему человѣчества и переживающей новыя положенія. „Онъ сіяетъ, какъ ясное солнце, среди этого грѣшнаго міра; все въ Немъ совершенно, нѣтъ и тѣни несовершенства, тѣмъ болѣе грѣховности. Во

---

[1]) Лебединскій, П. С. „Іисусъ Хрістосъ Сынъ Божій Спаситель міра“. Москва. 1896 г. стр. 626.

всей Его жизни мы напрасно стали бы усиливаться отыскать хоть единственное пятно, или даже едва замѣтную тѣнь, омрачающую Его нравственный характеръ. Никогда на землѣ не жилъ такъ свято, спокойно ни одинъ человѣкъ, какъ Іисусъ Хрістосъ, никому не оказавшій несправедливости, и ни одному человѣку не причинившій вреда. Всегда Онъ являлся владыкой надъ дѣлами мнѣніями, радостями и страданіями въ мірѣ, и въ то же время безпристрастно относился къ славѣ, богатству и земнымъ, человѣческимъ удовольствіямъ" [2]). Ни одинъ извѣстный порокъ не можетъ быть представленъ въ самомъ отдаленнѣйшемъ соглашеніи съ мыслію Іисуса Хріста. Самая утонченная злоба напрасно будетъ искать самыхъ слабыхъ слѣдовъ эгоизма въ Его побужденіяхъ; предъ Его небесной чистотой чувственность съ трепетомъ отступаетъ пристыженная; ложь должна оставить незапятненнымъ того, Кто Самъ воплощенная истина; неправда должна потерять свою силу, встрѣтившись съ Его справедливостью; самая обыкновенная мысль честолюбія исчезаетъ въ Его Божественной мудрости и самоотверженіи" [3]).

И такая нравственная чистота и святость сіяла на лицѣ Его, какъ яркое солнце, озарявшее всю неуловимую красоту Его души. Всѣ эти нравственныя совершенства духовной чистоты и святости радужными лучами отражались и играли на Его чудномъ лицѣ, которое невольно приковывало всѣхъ, не утратившихъ въ себѣ человѣческихъ свойствъ богоподобной души. Хотѣлось бы смотрѣть на эту чудную красоту Божественнаго лика Хріста, и смотрѣть

---

[2]) Свѣтлаковъ А. свящ. „Нравственный образъ Іисуса Хріста и Его благотворное вліяніе на нравственную жизнь человѣчества". Нижній-Новгородъ. 1880 г. стр. 28—29.

[3]) Peter Bayne: The Thestimony of Christ to Christianity. Boston, 1812 г., 195 стр. см. *Шаффъ*, Іисусъ Хрістосъ, какъ чудо исторіи. Стр. 29—30.

цѣлую вѣчность и услаждать себя лицезрѣніемъ небесной красоты.

Самъ Хрістосъ называлъ Себя Сыномъ человѣческимъ. А это значитъ, что Онъ восприняль на Себя все человѣчество, воплотилъ въ Себѣ все человѣчество, со всѣми немощами, скорбями и болѣзнями, кромѣ грѣха. Какъ Искупитель и Спаситель всего міра, Онъ съ каждымъ человѣкомъ входитъ въ соприкосновеніе, безъ чего немыслимъ и самый актъ искупленія. Но каждый человѣкъ представляетъ собою самостоятельную единицу въ цѣломъ составѣ человѣчества. Отсюда, какое широкое разнообразіе точекъ соприкосновенія Его съ душою каждаго человѣка. Отсюда, какая полнота и разносторонность Его нравственнаго характера. Отсюда, какая неисчерпаемая глубина Его духовнаго опыта. И все это кладетъ свой отпечатокъ на Его внѣшнемъ видѣ. Онъ—всечеловѣкъ! Всѣ народы, племена и языки живущіе по всей землѣ и во все время существованія самой земли, всѣ люди, различные по своему воспитанію, образованію, соціальному положенію, возрасту и духовнымъ способностямъ, возрасту и полу,—однимъ словомъ всѣ безъ исключенія люди—Его братья по плоти и входятъ въ составъ Его единаго, недѣлимаго тѣла, главою котораго является Онъ Самъ. И всѣ соприкасаются съ Нимъ и обновляются въ Немъ. „Бѣдные видятъ въ Немъ друга, грѣшники—Утѣшителя, фарисеи—строгагс обличителя, ученые—непреодолимаго противника суемудрія, народъ слушаетъ слово Его, какъ слово со властію, а правители въ самомъ смиреніи Его признаютъ вышечеловѣческое величіе [4]). И такое-то всечеловѣческое разнообразіе Его нравственнаго характера отражается въ дивной гармоніи Его внѣшней красоты. Такая гармоническая полнота нравственныхъ чертъ есть идеальная красота по внѣшней формѣ.

---

[4]) Свѣтлаковъ, стр. 36.

Сохранилось донесеніе въ Римскій сенатъ Лентула, Римскаго Проконсула, жившаго въ Іудеѣ во времена Хріста. Въ своемъ донесеніи Сенату онъ говоритъ объ Іисусѣ, какъ человѣкѣ „отмѣненной добродѣтели" и, что для насъ интересно, описываетъ Его внѣшній видъ. Мы представляемъ его буквально:

„Въ наши времена проявился, и нынѣ есть еще у насъ человѣкъ отмѣнной добродѣтели, называемый І. Хрістосъ; народъ почитаетъ Его пророкомъ истины; Его ученики удостоиваютъ Его быть Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ; Онъ исцѣляетъ всякаго рода болѣзни словомъ однимъ. Сей человѣкъ большаго величественнаго вида; Онъ есть таковъ, что кто лишь только Его увидитъ, то ощутитъ въ себѣ вдругъ къ Нему почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Онъ отмѣнно строенъ, волосы Его цвѣту орѣха созрѣлаго, гладки до ушей, а отъ оныхъ до низу кудрявы; они крѣпки и блистающи, простираются до плечъ, посреди головы раздѣляются на (двѣ части) обѣ стороны, по обычаю Назореевъ; лобъ у Него ровный, не имѣющій морщинъ, такъ какъ и все лице Его чисто, и на ономъ никакихъ пятенъ нѣтъ; носъ и ротъ хорошо расположены, бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, густую, но не долгую, на концѣ раздвоившуюся. Его взглядъ тихъ, заключающій въ себѣ важность совершеннаго человѣка; глаза Его небеснаго цвѣта, проницательные, острые; Онъ тихъ и пріятенъ въ ученіи, однакожъ съ соразмѣрною строгостію; Онъ веселъ безъ нарушенія своего величества; никто Его не видалъ смѣющимся, но часто видятъ плачущаго; Его руки пріятнаго вида; говоритъ Онъ не много, но разговоры Его дышатъ особенною мудростію. Однимъ словомъ сей человѣкъ отмѣннѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ, и въ немъ видна истина, въ которой никакой лести не обрѣтается" [5]).

---

[5]) Письмо сіе напеч. въ Москвѣ 1816 и въ Петер. 1828 году.

Другой апокрифъ, выражающій народный взглядъ на внѣшній видъ Христа, заслуживаетъ нашего вниманія, чтобы представить его здѣсь. Народное благочестивое творчество не могло пройти мимо такого вопроса, какъ внѣшній видъ Христа, который произвелъ глубокое неотразимое впечатлѣніе на толпы народа. Документъ этотъ—письмо жены Пилата Клавдіи Прокулы къ своей подругѣ Фульвіи Герсиліи. Описывая кончину „Праведника", она передаетъ и то неотразимо—глубокое впечатлѣніе, какое Онъ произвелъ на нее Своимъ видомъ и Своими дѣйствіями. Въ качествѣ очевидца, она описываетъ фактъ воскрешенія дочери Іаира. Мы передадимъ сцену буквально словами апокрифа.

„Съ нѣкотораго времени Семида (дочь Іаира) была нездорова; въ одно утро, при моемъ пробужденіи, мнѣ сказали, что она скончалась безъ предсмертнаго томленія, въ объятіяхъ матери (Соломіи). Сраженная горестію при этой ужасной вѣсти, обнявъ моего сына, я поспѣшила къ нимъ, чтобы плакать съ несчастною Соломіею. Дойдя до улицы, въ которой они жили, люди мои съ трудомъ могли проложить дорогу моимъ носилкамъ: ибо флейтщики, пѣвчіе и толпы народа тѣснились вокругъ дома. Остановясь у подъѣзда, я замѣтила, что толпа разступилась предъ группою идущихъ, на которую она глядѣла съ удивленіемъ и почтительнымъ любопытствомъ. Въ первомъ изъ этой группы я узнала отца Семиды (Іаира), но вмѣсто горести, которую я ожидала прочесть на его почтенномъ лицѣ, оно выражало глубокое убѣжденіе, странную надежду, для меня непонятную; подлѣ него шли три человѣка, бѣдно одѣтые, простой и грубой наружности; за ними, завернувшись въ мантію, шелъ Мужъ, еще во цвѣтѣ лѣтъ.... *Я подняла на Него глаза и вдругъ опустила ихъ, какъ бы предъ яркимъ сіяніемъ солнца; мнѣ казалось, что вѣнцеобразные лучи окружаютъ Его локоны*, ниспадавшие по плечамъ, какъ у жителей Назарета. *Невозможно выразить*, что я почувствовала *при взглядѣ на Него;* это было вмѣстѣ *мо-*

гущественнѣйшее влеченіе, ибо *неизъяснимая сладость* разливалась *во всѣхъ чертахъ Его* и *тайный ужасъ*: потому что *глаза Его издавали блескъ*, который какъ бы *обращалъ меня въ прахъ*. Я послѣдовала за Нимъ сама, не зная, куда иду. Дверь отворилась, я увидѣла Семиду; она лежала на одрѣ, окруженная свѣтильниками и ароматами; она была еще прекрасна, прекрасна небеснымъ спокойствіемъ; но чело ея было блѣднѣе лилій, разсыпанныхъ у ногъ ея, и синеватый перстъ смерти оставилъ слѣды на ея впалыхъ ланитахъ и поблекшихъ уже устахъ. Соломія сидѣла подлѣ нея безмолвная, почти лишенная чувствъ; она, казалось, даже не видала насъ. Іаиръ, отецъ молодой дѣвицы, бросился къ ногамъ Незнакомца, остановившагося у постели, и, указывая Ему краснорѣчивымъ жестомъ на усопшую, вскричалъ: „Господи, дочь моя въ рукахъ смерти! Но если Ты пожелаешь, она оживетъ“!

Я затрепетала при этихъ словахъ; сердце мое какъ бы *приковалось* къ каждому движенію Незнакомца. Онъ взялъ руку Семиды, устремилъ на нее Свои *могучіе* взоры и произнесъ: „*встань, дитя мое*“!

Фульвія! она повиновалась! Семида приподнялась на своемъ ложѣ, поддерживаемая невидимою рукою, глаза ея открылись, нѣжный цвѣтъ жизни расцвѣлъ на ея устахъ, она протянула руки и сказала: „маменька“! Этотъ крикъ воскресилъ Соломію, мать и дочь судорожно прижались другъ къ другу, а Іаиръ, простершись на земли и осыпая поцѣлуями края одежды Того, Кого называлъ Учителемъ, повторялъ: „что должно дѣлать, чтобы служить Тебѣ? чтобы получить жизнь вѣчную“?

Изучать и исполнять два правила закона: любить Бога и человѣковъ!

Сказавъ это, Онъ скрылся отъ насъ, какъ эфирная и свѣтлая тѣнь. Я была на колѣняхъ, сама того не зная; вставъ, какъ бы подъ вліяніемъ сна, я возвратилась домой,

оставя блаженное семейство на вершинѣ наслажденій, для *изображенія коихъ не создано ни кисти, ни пера*" [6]).

Мы позволимъ еще себѣ представить самый сонъ жены Пилата, который побудилъ ее обратиться къ мужу съ такою просьбою: „не дѣлай ничего Праведнику тому; потому что я нынѣ во снѣ много пострадала за Него" (Мѳ. 27, 19). Сонъ этотъ дополняетъ картину того, что изобразила она въ домѣ Іаира. Но характеристика Іисуса рисуется здѣсь среди неистовыхъ звѣрей Іудеевъ.

„Я видѣла Іисуса, пишетъ Клавдія Прокула, я видѣла Его такимъ, какъ Соломія описывала мнѣ своего Бога: ликъ Его *блисталъ* какъ *солнце*, Онъ парилъ на крыльяхъ херувимовъ, пламенныхъ исполнителей повелѣній Его; остановясь въ облакахъ, Онъ казался готовымъ судить *поколѣнія народовъ, собранныя у Его подножія.* Мановеніемъ Своей десницы, Онъ отдѣлилъ добрыхъ отъ злыхъ; первые возносились къ Нему, сіяющіе вѣчною юностію и *Божественною красотою;* а вторые низвергались въ бездну огня, предъ коимъ ничто огнь Ерева и Флегетона. И когда Судія указывалъ имъ на раны, покрывавшія Его тѣло, говорилъ имъ громовымъ голосомъ: „Воздайте кровь, которую Я пролилъ за васъ"! тогда эти несчастные просили у горъ покрыть ихъ и земли поглотить ихъ... Тщетно они чувствовали себя безсмертными для мукъ, безсмертными для отчаянія.... О, какой сонъ! или вѣрнѣе сказать, какое откровеніе! Лишь только заря зарумянила вершины храмовъ, я встала съ сердцемъ еще сжатымъ отъ ужаса, я сѣла у окна, чтобы подышать свѣжимъ утреннимъ воздухомъ. Мало по малу мнѣ показалось, что смертоносный ревъ выходитъ изъ центра города: крики, проклятія, болѣе ужасныя, нежели гулъ взволнованнаго океана, доходили до меня; я прислушивалась, сердце страшно билось, чело обливалось ледянымъ потомъ; вдругъ я замѣтила, что этотъ

---

[6]) Прибавленіе къ Ряз. Еп. Вѣдом. 1 окт. 1877 г. стр. 61 62.

гулъ приближается болѣе и болѣе, что подъ гнетомъ безчисленной толпы, стонетъ мраморная лѣстница, ведущая въ преторъ. Терзаемая неизвѣстностію, я беру на руки сына, который игралъ подлѣ меня, укутываю его въ складкахъ покрывала и бѣгу къ моему мужу. Дойдя до внутренней двери судилища и слыша за нею голоса, я не смѣла войти, но приподняла пурпуровый занавѣсъ. Какое зрѣлище, Фульвія! Понтій сидѣлъ на своемъ тронѣ изъ слоновой кости, во всемъ великолѣпіи, какимъ Римъ окружаетъ своихъ представителей; но подъ безстрашнымъ выраженіемъ, которымъ онъ старается облечь свое лицо, я угодала страшное волненіе: предъ нимъ съ связанными руками, въ изодранной насиліемъ одеждѣ, съ окровавленнымъ челомъ стоялъ Іисусъ Назарянинъ, спокойный, неподвижный; въ Его чертахъ не было ни гордости, ни страха, Онъ былъ тихъ, какъ невинность, покоренъ, какъ агнецъ, но Его кротость наполняла меня ужасомъ: потому что мнѣ слышались еще слова моей грезы: воздайте кровь, которую Я пролилъ за васъ! Вокругъ Его бѣсновалась презрѣнная толпа, привлекшая Его на судилище; къ ней присоединилось нѣсколько полицейскихъ служителей, часть духовенства и фарисеевъ съ дерзкими взглядами; ихъ легко было узнать по пергаментнымъ табличкамъ, съ начертаніемъ различныхъ текстомъ закона, которые они носили на лбу; всѣ эти страшныя лица дышали ненавистью; казалось, что адское пламя отсвѣчивалось на этихъ глазахъ и что духи Тенара смѣшивали свои голоса съ дикими криками неистоваго бѣшенства; наконецъ, по знаку Понтія, водворилось молчаніе“ [7])...

„Іисусъ былъ еще предъ судомъ предметомъ насмѣшекъ, оскорбленій черни и воиновъ; порывы ихъ ярости равнялись Его неодолимому терпѣнію“... „Вопли возобновились пронзительнѣе прежняго, какъ рыканія голодныхъ

---

[7]) Тамъ же, стр. 63 – 64,

тигровъ"... „Волненіе увеличивалось ежеминутно; никогда бурный шумъ цирка, никогда пренія форума не имѣли такого вліянія на слухъ мой: нигдѣ не было спокойствія; *оно обитало* только на *величественномъ челѣ Жертвы*; оскорбленія, пытки, приближеніе позорной и мучительной смерти, *ничто не могло отуманить этого небесно яснаго взгляда*; эти *очи*, возвратившія жизнь дочери Іаира, *обращались на своихъ палачей съ неоцѣненнымъ выраженіемъ мира и любви*: Онъ страдалъ безъ сомнѣнія, и страдалъ *съ радостью*; и *душа Его, казалось, улетала къ невидимымъ престоламъ, какъ чистое пламя святаго всесожженія*. Преторія была наводнена народомъ; онъ стремился, этотъ бурный потокъ, отъ вершинъ Сіона, гдѣ воздвигнутъ храмъ, до подошвы судилища и каждую минуту новые голоса присоединялись къ этому адскому хору. Мой мужъ, утомленный, испуганный, уступилъ наконецъ. О, вѣчно пагубный часъ! Понтій всталъ, сомнѣніе и мертвенный ужасъ изобразились на его лицѣ; символическимъ жестомъ онъ омочилъ руки въ урну, полную воды, и воскликнулъ: я невиненъ въ крови этого Праведника!

Да падетъ она на насъ и дѣтей нашихъ! завопилъ безумный народъ. И, столпясь вокругъ Іисуса, палачи повлекли Его въ бѣшенствѣ; я слѣдовала за Жертвой, уже ведомой на закланіе... Вдругъ туманъ омрачилъ мое зрѣніе, колѣни подогнулись; по судорогамъ моего сердца мнѣ казалось, что жизнь моя коснулась своей грани... Я опомнилась на рукахъ моихъ женщинъ, подлѣ окна, выходившаго на дворъ судилища; я взглянула и увидала слѣды свѣжіе пролитой крови. Здѣсь бичевали Назарянина, сказала одна изъ невольницъ, а тамъ вѣнчали Его терніемъ, сказала другая; солдаты насмѣхались надъ Нимъ, называя Его царемъ Іудейскимъ, и били Его по ланитамъ; теперь Онъ испускаетъ духъ, сказала третья"... [8]).

---

8) Тамъ же, стр. 65—66.

Въ художественномъ творчествѣ поэзіи ликъ Хріста Спасителя не менѣе величественными чертами изображается. Въ стихотвореніи А. Толстого „Грѣшница“ образъ Іисуса въ такомъ видѣ нарисовалъ:

„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народъ смиренью Онъ училъ.
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.
Не терпитъ гнѣва Онъ, ни мщенья,
Онъ проповѣдуетъ прощенье.
Велитъ за зло платить добромъ,
Есть не земная сила въ Немъ:
Слѣпымъ Онъ возвращаетъ зрѣнье,
Даритъ и крѣпость и движенье
Тому, кто былъ и слабъ и хромъ.
Ему признанія не надо:
Сердецъ мышленье отперто:
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ Онъ былъ.
И всѣмъ простеръ благую руку
И никого не осудилъ.
То, видно, Богомъ мужъ избранный
Онъ тамъ, объ--онъ—-полъ Іордана
Ходилъ, какъ посланный съ небесъ,
Онъ много тамъ свершилъ чудесъ
Теперь пришелъ Онъ благодатный,
На эту сторону рѣки,
Толпой прилежной и послушной
За Нимъ идутъ ученики“.

Такъ разсуждали гости о Галилейскомъ Пророкѣ. Но „грѣшница“ среди нихъ вызывающе заявила:

„Я власти не страшусь ничьей!
Закладъ со мной держать хотите-ль?
Пускай предстанетъ вашъ Учитель,
Онъ не смутитъ моихъ очей“!

Является ученикъ Іисуса Іоаннъ. Грѣшница принимаетъ его за Учителя.

И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіалъ кипящій подаетъ.

Но она ошиблась, и смущенный Іоаннъ внималъ небрежно обидамъ дѣвы молодой. Но вотъ явился и Учитель, образъ котораго рисуется величественными чертами:

„И вслѣдъ за нимъ (Іоанномъ), съ спокойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.
Въ Его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела,
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая,
Одѣта риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скроменъ Онъ и простъ;
Ложась вкругъ устъ Его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада—
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины,

И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижное собранье,
Тревожно духъ переводя,—
И Онъ въ молчанiи глубокомъ
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ Свой взоръ печальный.

* * *

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы
И все открылося Ему.
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ, что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердiе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,

Она колеблеся стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа".

(А. Толстой).

Нѣтъ нужды пояснять своими словами этотъ величественный образъ Христа, который однимъ своимъ взглядомъ отъявленную и дерзкую грѣшницу привелъ къ новой жизни.

Другой поэтъ также изображаетъ пиръ, на которомъ зашла рѣчь о Пророкѣ. И здѣсь оказалась самоувѣренная грѣшница, хвалившаяся успѣхами своихъ побѣдъ. Съ надменной улыбкой и гордымъ презрѣньемъ къ Пророку она говорила:

„Не вѣрю я, она сказала,—
Чтобъ вашъ прославленный Пророкъ
Прельститься женщиной не могъ!
Повѣрьте мнѣ: я испытала
Съ—измлада силу женскихъ чаръ,
Когда и царственный кидаръ
Склонялся къ этому подножью,
Какъ будто къ жертвеннику божью,—
Не вѣрю я!... И знайте: Онъ—
Ко мнѣ склонится... Какъ повѣса,
Призывомъ первымъ охмѣленъ!

Но случилось совершенно наоборотъ: побѣда за Нимъ, а не за ней. И въ этой побѣдѣ все невыразимое величіе Побѣдителя. Вотъ какъ это случилось:

Но вотъ расторглася завѣса—
И входитъ Онъ: и простъ, и святъ...

И всѣ замолкли... ждутъ, глядятъ—
И встала гордая блудница
Соблазна женскаго полна,
Въ величьи царственномъ она
Къ Нему подходитъ. Какъ орлица
Взглянула въ очи,—мигъ,—и вдругъ
Въ ея чертахъ нѣмой испугъ.....
Она стоитъ: мертвы ланиты,
Уста и взоръ полураскрыты...
Вздрогнула съ ужасомъ въ очахъ,
Срывая съ персей покрывала—
Й вдругъ поверглася во прахъ,
И въ изступленьи зарыдала...
И передъ Нимъ склонясь у ногъ,
Она дрожитъ—и сквозь рыданье
У ней вдругъ вырвалось признанье.
— Ты побѣдилъ меня, Пророкъ!
Прости же дерзкому невѣрью,
Простри цѣлительную длань—
И въ жизнь войду я узкой дверью,
И Онъ сказалъ ей кротко: „встань"!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . I—VIII

Вознесеніе Христа на крестъ . . . . . . 1— 11
Молитва со креста (Лк. 23, 34) . . . . . 11— 17
Глубокій смыслъ и значеніе молитвы со креста (Лк. 23, 34) . . . . 17— 33
Нравственно-догматическая основа молитвы Спасителя со креста о прощеніи распинателей . . 34— 42
Возраженія противъ молитвы со креста „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ“ . . 42— 51
Крестная смерть Іисуса Христа . . . . . 51— 55
Въ смерти Христа повинны всѣ, какъ рабы грѣха . 55— 56
Въ чемъ же суть этой борьбы и гдѣ причина ея? . 56— 59
Къ чему направлены всѣ силы ада въ крестной смерти Христа? . . . . 59— 67
Для чего Христосъ добровольно поставилъ Себя въ положеніе отвѣтственнаго грѣшника, не будучи таковымъ? . . . . 67— 75
Смерть Христа - побѣда надъ грѣхомъ . . . 75— 78
Въ смерти Христа заключается и Его воскресеніе . 78— 79
Пустыня и Голгоѳа - начало и конецъ . . . 80— 84
Значеніе крестной смерти Христа:
а) Крестная смерть Христа есть центральный пунктъ всего Откровенія, зерно нашего спасенія . . . . 84— 85
б) Въ крестной смерти Христа оправдывается все ученіе Его . . . . 85 —
в) Въ смерти Христа раскрываются всѣ совершенства Бога . . . . 85— 86
г) Смерть Христа—не возмездіе за грѣхъ, а средство спасенія грѣшника . . . . 86 — 87
д) Смерть Христа есть показатель природы и силы грѣха. . . . . 87— 89

е) Смерть Хріста есть судъ міру, по слову Самого Хріста . . . . . . 89— 90
ж) Въ смерти Хріста—„правда Божія" . . 90 —
з) Смерть Хріста даетъ намъ завѣтъ: на Бога уповай . . . . 90— 91
Въ чемъ состоитъ искупленіе и какъ оно проявляется въ крестной смерти Хріста? . . . . 91— 95
Какимъ образомъ смерть Хріста становится фактическимъ достояніемъ человѣка? . . . 95— 99
Послѣднія минуты на крестѣ . . . . 99—101
Снятіе со креста и почитаніе креста . . . 101—102
Исканіе Хріста . . . . 103—104
Хрістосъ умеръ и погребенъ, но Онъ воскресъ и пребываетъ съ нами вѣчно . . . . 104—106
Съ крестомъ въ сердцѣ и молитвою на устахъ не страшна намъ буря жизни,—и мы смѣло идемъ въ бой . . . . 106—107

Приложенія:

Крестохулительство сектантовъ и вѣчная слава Креста Господня 109–130

Приложеніе къ стр. 5–6.

Ликъ Хріста Спасителя, по изображенію Слова Божія, народныхъ сказаній и поэтическаго творчества. 131—154